

ПРОЛОГ

С. А. Киреевский - П. С. Шишкину

16.1. Париж

Наконец, я в Париже, мои милые, и из оногo к вам пишу, но с чего начать, истинно не знаю, но мне слышится будто ваш голос, что вы кричите: «Сначала, сначала, странствующий Роланд!» Итак, сначала? Оставив Питер 16 ноября, я пустился в путь и по морской дороге в пять дней прибыл в Ригу, едва-едва живой, разбитый от дороги и с грустью в сердце вошел в трактир «Hotel de Paris». «Zimmer, Zimmer!» - закричал я, - «дров, огню, постель, пуншу!» - было мои приказания, и чрез несколько времени все появилось. Усевшись у камина и закулив трубку, начал потягивать пунш, но сон все преодолел, и я сидя уснул...

Сев в коляску, пустился далее. Глаза мои более ничего не встречали, как лес и песок. Натура, мне кажется, в сердитый час произвела эти места, но я принялся не за свое - мне ль описывать натуру. Она у вас красуется пером Карамзина, и нам предоставлено лишь чувствовать - довольно и того. Не стану вам описывать о тех городах, которых видел лишь мигом, как то: Митаву, Мемель, Кенигсберг. О Берлине же что вам сказать. Я в нем пробыл шесть часов живой, а другие шесть часов как убитый, в первые шесть я успел видеть лучшую часть города. Скажу только, что ежели я возвращусь, так конечно не через Берлин - для меня он ничего не имеет привлекательного...

Из Франкфурта я поехал в Майнц в дилижансе. Утро было прекрасное, общество - любезное, чего больше. Что за места! и что за дорога, подобная нашей Петер-Гофской. С левой стороны красивый Мейн своими берегами являл что-то прекрасное, а выше - величественный Рейн довершал несравненное зрелище. Ни слова о прекрасных домиках, прикрытых зеленым бархатом и виноградником, [о холмах], усеянных маленькими деревеньками, как я был счастлив! Недостает, мои милые, у хромого моего красноречия выражений, коими бы мог вам изобразить то, что чувствовал тогда; мое сердце не испытал, трудно поверить.

Наконец, я приехал в Майнц и был уже во Франции. В оном городе я провел трое суток довольно весело, а из него поехал чрез Мес, Вердон, Иперней, Шалон, Мо - и въехал в Париж. Нет, друзья мои, не ожидайте от меня никаких описаний, Париж есть вселенная, так возможно ль описать вселенную. Вы знаете, что я о нем мечтал у Симионовского моста, нашел все превосходнее. Нет сомнения, что тот, кто видел наш любезный Петербург и волшебный Париж, то [т] может сказать, что он все видел. Ах! Шишкин, если план твой не сразили обстоятельства, ты увидишь то, что, конечно, не ожидаешь. С [о] скользни с Невских гор ко мне, божусь, что не раскаешься.

И тогда только оправдаешь меня, что о всем можно писать, а кроме [как] о Париже. Что за улицы, что за дворцы, магазейны, сады, спектакли, женщины!.. ни слова больше, ей-богу, невозможно описывая одно, сто предметов затмевают воображение. Друзья мои, вы представить себе не можете, что значит путешествие, оно ни с каким удовольствием в свете сравниться не может, все занимает, на все смотришь с примечанием. Ленивый Киреевский уже в семь часов утра выходит из отели, идет в музей императора, Musee de Luxemburg, champs Elisees в jardin de Plantes,- удовольствие, смешанное с пользою, есть самая сладкая пища.

Был у нашего посланника, который меня довольно ласково принял, в день рождения нашего императора я у него обедал по его приглашению, где видел всех здешних министров и славного [Масену](#), всех иностранных послов. Дом, который он теперь занимает, Hotel de... хорош, но не так, как Hotel de [Biron](#), стол был чрезвычайный, услуга прекрасная. Тут же я видел и всех русских, которые в Париже, как то: [Разумовского Петра Кириллыча](#), [Демидова](#), [Чернышева](#), который прогуливается во фраке и был в оном у князя на бале...

Я живу в Hotel de Perigord, rue Batave, № 18 chambre, aupre de Palais Royal, плачу за две комнаты в четвертом э[таже], прекрасно убранные, и за белье постельное 60 франков в месяц, обедаю в ресторации в Пале Royal au 4 collonnes и плачу за прекрасный стол и за полбутылку вина 40 sous. За кофе, порцию которого приносят ко мне утром, плачу 20 sous. Теперь платье? Фрак из Draps-de-Louvier, de couleure brun 120 фран., панталоны - 70 ф., Redingott 120 ф., из Draps de Sedan, шляпа 27 ф., сапоги 40 ф. Полный рапорт. Взял лучшего здесь учителя французского языка г. Pain и плачу за час 5 ф. Он меня водил к [Делилю](#), который спрашивал меня, что жив ли еще творец «Россияды», к [Буфлеру](#), который говорил о Дмитр [и] еве и Карамзине, и к [Сикару](#). Я слышу, что вы кричите: «Проклятый Роланд льстится написать поподробнее и побольше!» Оправдания мои будут тщетны, но коли кто из вас будет в Париже, то тот меня оправдает. Дайте пройти первому пылу. Не забудьте, друзья, того, кто вас сердечно любит, пишите... Ваши письма будут служить бальзамом для моего сердца, которое здесь все видит чужое.

Portes vous bien- adieu(Тяжело сие слово).

[П. Л. Давыдов](#) - [А. Н. Самойлову](#)

20 февраля [С.-Петербург]

...Три недели тому назад просил я государя о принятии меня в военную службу и вчерашнего числа от князя Александра Михайловича узнал, что принят майором. Государь, у которого я был до сих пор в немилости, чрез него приказал мне сказать, что я ничего не потеряю, вышел в военную службу в етом чине, и дал мне в пример князя [Трубецкого](#) и графа Воронцова, которые в короткое время дослужились до генеральского и обвешаны оба лентами. До сих пор неизвестно еще мне, в какую армию буду я назначен. Военного

министра просил я об определении к князю [Петру Ивановичу Багратиону](#), и он мне оное обещал. Если на то решение выйдет на днях, то прежде двух недель надеюсь иметь счастье видеть вас в Смеле. По слухам сдешним и всем приуготовлениям, война с французами неизбежна. О главнокомандующем нашими армиями еще неизвестно, уверяют только, что сам император имеет намерение скоро ехать осматривать оную. Говорят также, что и гвардия должна первое число отсюда выступить. Других вестей сдесь теперь более нет, война слишком всех занимает...

[М. И. Кутузов](#) - жене

11 марта Бухарест

...Ты, мой друг, пишешь об моем здоровье, то есть, что хвораю. Признаюсь, что в мои лета служба в поле тяжела, и не знаю, что делать. Впрочем, мне уже не удастся сделать и в десять лет такой кампании, как прошлая. Детям благословение...

[П. Л. Давыдов](#) - [А. Н. Самойлову](#).

16 апреля. Москва

...У нас здесь никаких интересных известий теперь нету, из армии пишут только, что в лагере очень весело живут и подтверждают, что никаких недостатков не терпят; в скором времени ожидают большого сражения. Армия наша числом превосходнее французской, которой уже часть переправилась чрез Вислу...

[К. В. Нессельроде](#) - жене.

13 мая. Вильна

...Со времени нашей разлуки это первый верный случай, когда мне можно поговорить с тобой непринужденно о многих вещах, которые я не решался передать с фельдъегерем, зная из достоверного источника, что все наши письма вскрываются. Почта по прибытии в Петербург доставляется к [Вязмитинову](#), где так просматривается, что просто восторг. Состояние печатей на твоих письмах, получаемых от тебя, доказывает мне, что и им тоже не слишком посчастливилось. А потому умоляю тебя, не касайся политики или по крайней мере того, что можно передавать лишь при самой надежной okazji. В этом отношении сейчас подозрительны больше, чем когда-либо, чему я имел много доказательств с тех пор, как я прибыл сюда.

Мое личное положение по-прежнему прекрасно, несмотря на довольно сильную стычку мою с канцлером [Румянцевым](#), в которой победа осталась за мной, чего он не простит мне вовеки. Здоровье его не слишком хорошо ни в физическом, ни в нравственном отношении. Но этот вид агонии, как в той, так и в другой области, может еще долго тянуться. Его друг Аракчеев лучше, чем когда-либо, принят при дворе и вернется, вероятно, на свое прежнее место.

Фельдмаршал [Гудович](#) подал в отставку, и его заменит Ростопчин...

Вести из Германии самые миролюбивые, и говорят, что Великий Муж принявший так хорошо все, что доставил ему [Сердобин](#), только затем и прибыл в Дрезден, чтобы заключить мир. Внуши ему небо подобное намерение, и ничто никогда не помешает ему его осуществить...

[М. Д. Нессельроде](#) - мужу.

16 мая. С.-Петербург

...Я никуда не выезжаю вечерами, кроме как по приглашению царственных особ. Вчера, сверх ожидания, был прием у [императрицы Елизаветы](#). У нее давали русский спектакль - водевиль по поэме [Шаховского](#), сюжет которого очень подходит к нынешним обстоятельствам. Он относится ко временам [Петра Великого](#), но можно увидеть намеки на нашего императора. Говорится о Полтавской битве, о славе наших войск; на сцене появляются гвардейцы в старой форме, и это доставляет удовольствие. Все просто, но вместе с тем и благородно. Много в пьесе о некоем [Кочубее](#), бывшем в то время полковником в одном из казачьих полков. Он действовал очень доблестно, но в конце концов попал в руки [Мазепы](#), который велел его казнить за отказ перейти на его сторону. Всего этого в пьесе нет, но мне потом рассказали. Мелодии арий подобраны восхитительно - они чисто народные. Это представление растрогало меня и доставило много удовольствия. Остаток вечера прошел однообразно и очень натянуто. После скоро поданного ужина мы откланялись. До 11 часов все уже кончилось.

[Н. Н. Раевский](#) - [А. Н. Самойлову](#).

17 мая. Бельцы

...По почте кроме как о погоде и здоровье писать не должно. Движение армии нашей - причиною отправления жены моей восвояси. Скажу вам причину оному [движению], и что как у нас делается. Вам уже известно, что главная квартира первой армии - в Вильне, коей фланг примыкал к морю. На пятисотой дистанции, нас разделяющей от ней, был корпус [Эссена](#), в двух дивизиях состоящий, в Пружанах против Бреста. Позади его - болота непроходимые. Здравый рассудок всякому скажет, что неприятель, сосредоточив свой правый фланг, опрокинув слабый корпус Эссена, соединенными силами может напасть на первую армию прежде, нежели вторая до половины дороги дойдет к ней на помощь, [и] превосходными силами истребить ее может. Но, видно, что они или не готовы к войне, или не были хорошо о сем извещены, или также, будучи люди, ошиблись, [но] не [вос] пользовались нашим невыгодным положением. Теперь есть известие, что несколько полков показались на правый берег Вислы, и мы спешим исправить погрешности наши, до чего можно нас не допустить, буде имеют они сие намерение. Итак, корпус мой, Дохтурова и дивизия сводных гренадер Воронцова выступают, а другие [уже] выступили к Пружанам. [Каменского](#)

корпус остается на месте и входит в состав армии [Тормасова](#), а Эссенев корпус заменяет его в нашей. Тормасова главная квартира, говорят, будет в Дубно. С турками - мир, вам должно уже быть сие известно. Теперь любопытно знать, что будут делать с Кутузовым и его армиею?...

Прошу вас, милостивый государь дядюшка, о неоставлении жены и детей. При всех верных случаях буду уведомлять вас обстоятельно, а по почте писать редко и лаконически...

[А. А. Закревский](#) - [М. С. Воронцову](#)

23 мая. Вильно

... Приближение ваше к нам есть самое нужное в нынешних обстоятельствах, а без того все силы наши были раздроблены так, что не имели мы способа, в случае неприятельского на нас нападения, соединиться в массу, а поодиночке наши армии не в состоянии будут драться с большими французскими силами. Жаль только, что сие прежде не было обдуманно...

Вы изобильны будете теперь артиллерийскими генералами - из трех сделайте одного хорошего, так и будете им довольны. А у нас - только два: [Кутайсов](#) и [Ермолов](#). Конечно, жаль, что сего последнего употребили при пехоте гвардейской тогда, когда его с пользою можно употребить в другое место. У нас здесь о сем мало думают, [а так как] вы сим более занимаетесь, то и все дела у вас идут славно, а у нас с большою остановкою и медленностью... Я уверен, не только артиллерия, но и все части у вас во время дела пойдут гораздо лучше и с пользою, нежели у нас. Но что же касается [того], что в России не умеют ценить людьми, теперь нужными, то вы сами знаете, что это не ново. [Воинова](#) и [Остермана](#) для пользы службы надо вызвать, но у нас думают, что лучше и достойнее их есть довольно, но как посмотришь в генеральский список, так и увидишь - ни одного. От нынешней войны зависит, можно сказать, целость нашего государства, а потому и нужно взять по всем предметам все предосторожности... Письмо сие по прочтении сожгите.

[Н. М. Карамзин](#) - брату.

28 мая. Москва

Слава богу, моя Катерина Андреевна родила благополучно дочь Наталью - это имя дали мы в память покойной нашей дочери, о которой и ныне проливаем слезы.

История [Сперанского](#) есть для нас тайна: публика ничего не знает. Думают, что он уличен в нескромной переписке. Его все бранили, теперь забывают. Ссылка похожа на смерть.

Французские войска стоят по Висле, наши - от Галиции до Курляндии. Война кажется неизбежною. [Наполеон](#) в Дрездене и скоро будет в армии. Дела его в Гишпании идут худо. Что будет - известно одному богу. Между тем каковы у

вас хлеба? Здесь не хороши.

Наш князь Вяземский зовет в свою подмосковную. Мы желаем скорее выехать из города, но еще не знаем когда.

А. А. Меншикова - мужу.

2 июня. Москва

Вчера, милый друг, получила два твои письма, то, которое [было передано] с Брокером, не могла без слез читать. Мне кажется, что тебе в этом месте будет опаснее. Милый, любезный друг, побереги себя - это одна моя просьба, а меня ничего не может рассеять, и слухи об войне больно слушать. Г [раф] Ростопчин мне сказал, что посылает курьера в Вильну, то это письмо к нему посылаю, теперь, милый, я могу об тебе чаще знать. Он, верно, будет часто посылать, а я буду иметь okazji писать... Гагариных часто выдаю, [Гагарина] вчера у меня была, мужу ее очень хочется быть адъютантом у г. Ростопчина, и хотел ехать его просить. Прости, мой друг, будь здоров, много раз тебя целую.

Л. М.

Пожалоста, напиши, не надо ли тебе прислать выходную лошадь, те не хорошо выезжены, я все боюсь, что они не годятся, так пожалоста, скажи - пришлю. <...> А маминька велела сказать, не надо ли тебе денег прислать, то пришлем. На тамошней дороговизне тебе твоих будет мало. Лучше лишние, чтоб не иметь нужды. Еще раз тебя целую.

А. Д. Балашов - Ф. В. Ростопчину.

4 июня. Вильно

Ваше сиятельство, честь имею поздравить с турецким миром, все подробности его еще не обнародованы, ибо еще здесь не документы получены, а только первоначальное донесение. Однако же, кажется, города: Измаил, Бендеры, Хотин, Аккерман и Килия нам принадлежащими останутся, и границу составит река Прут. Но, впрочем, кажется, тут и разницы для России мало, какая граница, а важно то, что мир и при каких же обстоятельствах! Кто бы ожидать мог, что во время так критическое мы укрепим свой союз с северным естественным неприятелем нашим и восстановим разрушенный с южным....Вас особенно, кажется, мне поздравить можно, что [ваше] начальство над столицей начинается столь приятною для всех и счастливою для государя вестью.

А. А. Закревский - М. С. Воронцову.

6 июня. Вильно

...Сердечно бы желал, чтобы вы побывали у нас и посмотрели по всем отношениям наши порядки и дела. После того, я уверен, вы бы при всем своем усердии кинули службу. Я, смотря на все, не надивлюсь, иногда с досады

плачу. Никто не думает о отечестве, а всякий думает о себе. А станешь говорить правду - сердятся. Научите меня, что после этого остается делать. Видя все, я преждевременно могу вам сказать, что успеху нам не иметь ни в чем, ибо сами распоряжения то показывают. Больно о сем говорить, но никак не могу умолчать перед вами по благорасположению вашему ко мне дружескому.

С турецким миром вас поздравляю. Видите, что бог нас еще помнит, и теперь вся надежда на него, а без того пропадем, как собаки.

М. А. Волкова - В. И. Ланской.

7 июня. [Москва]

Вообрази, Ростопчин - наш московский властелин! Мне любопытно взглянуть на него, потому что я уверена, что он сам не свой от радости. То-то он будет гордо выступать теперь! Курьезно бы мне было знать, намерен ли он сохранить нежные расположения, которые он выказывал с некоторых пор. Вот почти десять лет, как его постоянно видят влюбленным, и заметь, глупо влюбленным. Для меня всегда было непонятно твое высокое о нем мнение, которого я вовсе не разделяю. Теперь все его качества и достоинства обнаружатся. Но пока я не думаю, чтобы у него было много друзей в Москве. Надо признаться, что он и не искал их, делая вид, что ему нет дела ни до кого на свете. Извини, что я на него нападаю, но ведь тебе известно, что он никогда для меня не был героем ни в каком отношении. Я не признаю в нем даже и авторского таланта. Помнишь, как мы вместе читали его знаменитые творения.

Ф. В. Ростопчин - А. Д. Балашову.

11 июня. Москва

Неожиданное известие о заключении мира с Портой Оттоманской произвело радость всеместную в Москве... Народ чрезвычайно весел и полагает уже дунайские наши войска на прусской границе. Я подпустил мысль, которая разнеслась, что турки с нами будут и обязались платить дань головами французскими; последнее прибавлено, но говорится... Здесь между прочими слухами в обществе ходит тот, что государь желает войны и изволил объявить, что на Бонапарта положиться не можно, и если [удастся его] обезоружить, то единственно на время. А в народе говорят: «Бонапарт звал государя к себе, а государь сказал: нет, брат, поезжай-ка ты ко мне, я тебя постарее, ведь я тебя в императоры-то пожаловал»... Многие заняты одним мужиком здешней губернии, который без движения рук и ног лежит семь лет, вследствие сна, [а потом] катится по дороге из Москвы в Троицу на боку и в 20 дней докатился. По петербургской дороге, отсюда 46 верст, большая сгорела деревня г. Строганова, оттого что обоз с вином в ней ночевал, и при сем случае из извозчиков сгорели два человека. Недавно отправлен сыщик для разведывания о новой фабрике фальшивых ассигнаций во Владимирской губернии Чистяков. Я посылал в Можайск разведать о притеснениях и взятках городничего, и

нашлось, что мои известия были справедливы. Завтра из губернского правления наряжается чиновник для следствия. Прошу покорнейше разрешить меня насчет бродяг и распутных. Люди нужны в армии, а эти - зараза в городе.

Я себя ласкаю надеждою, что вы почасту сообщать мне соблаговолите о происшествиях, что весьма здесь нужно для успокоения иногда публики и лучшего от нее доверия, чем весьма занимаюсь и успеваю.

И. П. Оденталь - А. Я. Булгакову.

11 июня. С.-Петербург

Виленские письма от 2-го июня таковы, что должно ожидать весьма скоро пушечных выстрелов. Последней почты нашей, отправленной в герцогство Варшавское, на границе Белостокской уже не пропустили, да и варшавской два дни тщетно в Вильне ожидали.

Наконец, мы получили задержанные в Пруссии почты, но весьма некомплектными. Наполеон из Познани отправлялся чрез Торунь и Мариенвердер в Гданск. Сдесь, сказывают, истощено все инженерное искусство, чтоб при неудачах можно было целый год выдержать осаду 50-ти тысячной армии.

Вообще он более всего озабочен балтийским берегом, откуда могут ему зайти в тыл ... Около Дризы и Динабурга продолжают с великою поспешностью делать земляные окопы, на каковый конец взято из казенных и помещичьих селений множество людей...

Сдесь начали говорить, что Сперанский отравил себя ядом... Почта пришла. Писать более ничего не имею. Простите, любезнейший Александр Яковлевич.

Часть первая «Священная для русского война»

И. П. Оденталь - А. Я. Булгакову.

18 июня. С.-Петербург

...Точно так. Предвозвещения сбылись. От 13 июня граф Николай Иванович получил высочайший рескрипт с извещением, что вероломный враг без всякого объявления вторгся в пределы наши. Уже сила отражается силою, и мы с нетерпением ожидаем официальных известий о военных происшествиях...О, господи! благослови оружие наше! Возблагоденствует Россия, вся Европа, когда низложено будет стоглавое чудовище. Не знаю, уехал ли Лористон. В субботу он еще был сдесь...

И. А. Пуколов - А. А. Аракчееву.

20 июня. С.-Петербург

...Хотя последствия мира и войны совсем различны, но в настоящее время объявление мира с турками и объявление войны французам принято здесь с одинаковым нетерпением. За мир еще не благодарили бога в ожидании решительного известия, а об успехе войны начали уже молиться и молиться умиленно. Обыкновенно при каждом новом действии открываются новые суждения и умозаключения, но то верно, что нашим военным пространное поле отличиться, а духовным - помолиться. При настоящих военных хлопотах бог обещает нам хорошую жатву и изобилие плодов земных.

Не только теперь, но и во всякое время каждый, по мере возможности, обязан содействовать к пользе отечества...

Ф. В. Ростопчин - А. Д. Балашову.

20 июня. Москва

Из донесения моего Е. И. В. вы изволите увидеть, сколь легко было мне при теперешнем расположении умов исполнить волю государя и собрать миллион рублей с двух первых сословий, не касаясь ни до уездного купечества, ни до мещан, даже не требуя ничего с 122 т. душ казенных крестьян. Сверх сего миллиона, по дошедшим до меня сведениям, многие из богатых здешних купцов намерены сделать знатные пожертвования, на кои я их словами и обещаниями подвигаю. На той неделе приступлю к сбору денег и о скором его ходе буду иметь деятельное старание.

С тех пор, как свет стоит, не знаю примера, чтоб известие о войне с сильным и опасным неприятелем произвело всеобщее удовольствие. Всем известно ополчение наше и изобилие в продовольствии войск. Известно всем, что счастье Наполеона взяло другой оборот, и во многих случаях неудачи заступили место успехов. Русский бог велик! Да где ему с нами, мы все готовы! Ведь Александр Павлович за себя да за нас идет на воину - вот, что все говорят, вот, что все думают, и от сего желали все войны и ей обрадовались...Про город говорить нечего, им править легко, только потребна большая деятельность...

А. А. Закревский - М. С. Воронцову.

Конец июня.

Скажите, каково ваше здоровье и где вы таскаетесь? Мы бродили быстро и отступали еще быстрее к несчастной Дриссенской позиции, которая, кажется, нас приведет к гибели. По сех пор не могут одуматься, что предпринять; кажется, берут намерение к худому. Проклятого Фуля надо повесить, расстрелять и истеранить яко вредного человека нашему государству....Вот и Тормасову сего числа предписано действовать решительно, а и вы по прибытии в Бобруйск не должны дремать, [но] искать злодеев и бить как можно больше.

И. А. Пуколов - А. А. Аракчееву.

27 июня. С.-Петербург

...Получаемые оттуда известия интересуют всех и каждого. Военные бюллетени переходят из рук в руки. Говорят многое, как водится в больших городах...Кажется, не верится противоположному, но нельзя быть равнодушным. Так рассуждают благонамеренные и любящие отечество люди.

Вчера приехал сюда граф М. И. Кутузов. Родные его на руках носят, а посторонние, уважая заслуженных людей, рады, что он будет жить здесь...

Я. П. Кульнев - А. А. Закревскому.

28 июня. г. Чернове

Mon cher ami, Арсений Андреевич!

Сего числа граф отправляет рекомендацию о деле моем Вилькомирском и, как слышу, весьма скупко рекомендует. Я вам откровенно скажу, что для меня ничего не желаю, ибо мое от меня не уйдет, но я обещался, по обещанию графа, своим подчиненным, что буду стараться о награждении их, а потому и прошу вас похлопотать, дабы по заслугам их были б награждены, ибо я в рапорте моем ничего не прибавил.

Скажите, скоро ли начнем сих проклятых французишков напирать, ибо при отступлении нашем кровь солдатская остыла. Я вам сие откровенно говорю, яко другу, и буде придет дело до валовой свалки, то напомните министру, дабы на тот случай сняли б все ранцы и шинели. Тогда можно будет почесть нашу армию 50 000 сильнее, ибо при сей тягости [даже и] без неприятеля половина армии побеждена, а паче при нынешних жарах. Теперь дело не идет о ранцах, но целости и чести всего государства. Я о сем напоминаю яко искренний сын отечества. За сим, пожелав вам все блага на свете, остаюсь навсегда ami

Кульнев.

Н. Н. Раевский - А. Н. Самойлову.

28 июня. На биваках близ Несвижа

...Неприятель начал свою переправу у *Ковно* и *Олиты*. Вместо того, чтоб его атаковать, первая армия тотчас без выстрела отступила за Вильну. Князь Петр Иванович получил тогда приказание подкреплять Платова, который был в Белом Стоку с 8-ю казачьими полками. Платову же приказано ударить на их тыл. Сия слабая диверсия в то время, когда главная армия ретируется, поставляла нас в опасность быть отрезану. Князь о сем представил [в донесении] и предложил, буде угодно, хотя у нас оставалось не более 30 тыс., идти в Остроленку *мы тогда были в Волковицке*, где была главная квартира польских войск, или ретироваться в Минск и оттоль соединиться с главной армией.

По первому предложению мы, разбивши поляков, отступили бы к [Тормасову](#), а главная армия тож должна была действовать наступательно. Князь получил в ответ - идти на Минск и оттоль стараться соединиться с первой армией. Едва сделали мы несколько маршей, как вдруг пишет государь, что он будет стоять в *Свенцианах*, чтоб мы шли на пролом корпуса [Даву](#) и с ним соединились. Мы уже начинали сходиться с французами, как вдруг получили от государя, что он отступает и что, как ему известно, противу нас отряжены превосходные силы в трех колоннах, то чтоб и мы отступали. Мы хотели идти опять в Минск и направили туда наше шествие, но получили [известие], что все дороги перерезаны неприятелем. Продолжение сего направления лишило бы нас обозов и продовольствия. К величайшему нашему удовольствию получили мы вскоре, что государь предоставляет князю уже не искать с ним соединения, но действовать по его воле, почему мы следуем к Слуцку и, может, к Бобруйску, где остановимся. 19 дней мы в движении без раздахов. Не было марша менее 40 верст, [но] не потеряли ни повозки, ни человека. Берем реквизиции, коими [и] кормим, и поим людей. У меня в корпусе больных - только 70 человек. Никогда войска не хотели так драться, и, конечно, имея 50 тысяч, мы 80-ти не боимся. Итак, без выстрела мы отдали Польшу. Завтра государь с армией [будет] за Двиной. У нас вчерась первая была стычка. Три полка кавалерийских насунулись [Платова](#). Платов их истребил. Начало прекрасное. Государь пишет, что все силы и сам Бонапарте устремлен на нас. Я сему не верю, и мы не боимся. Если это [действительно] так, то что ж делает первая армия?

Я боюсь прокламаций, чтоб не дал [Наполеон](#) вольности народу, боюсь в нашем краю внутренних беспокойств. Матушка, жена, будучи одни, не будут знать, что делать.

Что предполагает государь - мне неизвестно, а любопытен бы я был знать его предположения. У него советник первый [Фуль](#) - прусак, что учил его тактике в Петербурге. Его голос сильней всех. Общее мнение, что есть отрасли [Сперанского](#) намерения. Сохрани бог, а похоже, что есть предатели.

Потеряв сражение, мы бы потеряли не более того, что отдали постыдным образом. Вот наши обстоятельства!...

[А. Д. Балашов](#) - [Ф. В. Ростопчину](#).

28 июня. Лагерь при Дриссе

Известно, думаю, уже в. с., что я был послан Г. И. к французскому двору, а потому, уверен я, интересуется вы узнать предмет сего вояжа. Государь получил донесение от управляющего Министерством иностранных дел, что французский посол граф [Лористон](#) просит своих паспортов по причине такового же требования, будто бы нашим послом князем [Куракиным](#) сделанного для возвращения его в Россию (на что, однако же, повеления ему от двора нашего дано не было), и что сие [Наполеоном](#) принято будто бы за

объявление разрыва с нашей стороны. Е. В., рассуждая, что император французов хочет войне, им вносимой в пределы наши, дать вид, как бы она начинаема нами, за благо признать изволил для вящшаго обнаружения пред всею Европою истинного начинщика войны сей, отправить меня с собственноручным письмом к императору Наполеону, в котором, между прочим, объяснено было, что если нет повода более ему зачинать военные действия, как упомянутое обстоятельство, то, несмотря на вторжение его без объявления войны в пределы России с воинством, Его Величество, сберегая род человеческий от нового кровопролития, соглашается вменить ни во что сей его поступок и войти в объяснение с тем, чтобы для сего он немедленно выступил с войском своим из наших границ.

Император Наполеон, войдя со мною в большой разговор, сперва два, а потом четыре часа продолжавшийся, отвечал письменно и словесно, что он, войдя уже в пределы наши, выдти не согласен прежде заключения мира. К сему прибавил множество мнимых его претензий на наш двор, с чем я и возвратился. Военные же действия в мелких видах, как во время моего у него пребывания, что составило неделю, так и по возвращении моем, продолжаются, но важного до сих пор еще не произошло. Нами взяты в полон из известных людей по сие время принц [Гогенлоэ](#) и граф [Сегюр](#).

[К. Н. Батюшков](#) - [П. А. Вяземскому](#).

1 июля. [С.-Петербург]

Давно, очень давно я не получал от тебя писем, мой милый друг. Что с тобою сделалось? Здоров ли ты? Или так занят политическими обстоятельствами, Неманом, Двиной, позицией направо, позицией налево, передовым войском, задними магазинами, голодом, мором и всем снарядом смерти, что забыл маленького Батюшкова, который пишет к тебе с [Дмитрием Васильевичем Дашковым](#). Я завидую ему: он тебя увидит, он расскажет тебе все здешние новости, за которые, по совести, гроша давать не надобно - все одно и то же. Я еще раз завидую московским жителям, которые столь покойны в наше печальное время, и я думаю, как басенная мышь говорит, поджавши лапки:

«Чем грешная могу помочь?»

У нас все не то! Кто глаза не спускает с карты, кто кропает оду на будущие победы. Кто в лес, кто по дрова! Но бог с ними... Пришли мне Жуковского стихов малую толику да пиши почаще, мой милый и любезный князь. А впрочем, бог с тобой! Кстати, поздравляю тебя с прошедшими именинами, которые ты провел в своем загородном дворце, конечно, весело. Еще раз прости и не забывай твоего Батюшкова.

[А. И. Коновницына](#) - мужу.

2 июля. [Квярово]

Мой милый неоцененный друг. Сейчас узнала, что [Фоминцин Петр](#) едет к

брату. Тебя увидит - скажет, что мы здоровы, что грущу крепко по тебе, моя душа. Не знаю, что с тобою. Да сохранит тебя всевышний бог, да защитит наше любезное отечество, о котором крепко крушусь - больно, что все отдают. По газетам видела, что открылись военные действия в день моего отъезда 12 числа. Ежели [бы] поехала через Ригу, подлинно попала бы в плен - что б тогда? У нас дожди, ветры, холодно, и в доме везде несет, но рада чрезвычайно, что здесь, по крайней мере, ближе от тебя, и о тебе скорее узнаю, и чаще писать могу. В том только отраду нахожу. Дети здоровы и спокойны, одна я вздыхаю ... Посылаю сколько есть корпии. Буду просить Фоминцина, чтоб водки тебе свез. Возьмет ли, не знаю. Мужики все в унынии, все страшатся французов. Сегодня многие приходили, о тебе спрашивают, я, сколь могу, ободряю, что ты там [французов] не допустишь. Тем их успокоила... Я за себя не трушу, бог нас не оставит, лишь ты бы жив был. Имена все [го] рада бы лишиться, лишь бы любезное отечество наше спасено было. Лиза ополчается крепко - дух отечественный страшный в этом ребенке - и жалеет крепко, что не мальчик: пошла бы с радостью служить и отечество защищать и говорит, что жаль, что братья малы, что не могут государю доброму полезны быть. Иван говорит: «Я ножами защищаться [буду]». Ну такой дух во всех наших, и я уже только и думаю: защити бог отечество! Газеты у [Сумародского](#) беру и «Северную почту» читаю. Дурак Фоминцин уехал - посылаю догнать. Прощай, навеки тебе друг Аннушка. Водки послать не могла. Прощай, Христос с тобою, навеки тебе друг Аннушка.

[С. Н. Марин](#) - [М. С. Воронцову](#).

3 июля. [Без места]

Сделай одолжение, любезный граф, когда ты пойдешь с твоими непобедимыми, то подмети ниших оставшихся. Говорят, что их тьма и, как саранча, рассеялись по белу свету.... Первая армия стоит в столбняке в Дриссе и не прежде из сего состояния выйдет как съест весь свой провиант, а его много. [Румянцев](#) от армии уехал, [Ермолов](#) - начальником генерального штаба, [Шувалов](#) не командует более корпусом, а на место его граф [Толстой-Остерман](#)...

[Ф. В. Ростопчин](#) - [А. Д. Балашову](#).

4 июля. Москва

...Публика весьма покойна, потому что гр [аф] [Н. И. Салтыков](#) сообщает мне без замедления журнал военных действий, и я его тотчас приказываю печатать в Управе благочиния и раздавать по городу. Хотя сначала и необыкновенно некоторым показалось, что две столь многочисленные армии могут стоять в близком расстоянии без сражения, но узнав и настоящее дел положение

Наполеона и уверясь, что со стороны нашей производится пагубный для него план, все успокоились и от скорого обнаружения известий ждут их от меня, а другим слабо верят. Иностранцы весьма осторожны. Всего более радует известие о хорошем урожае, по весьма многим точным сведениям, за исключением части Рязанской и Калужской губерний. Повсеместно год изобильный... Г. статский советник [Каразин](#), приехав в Москву, через час явился ко мне и подал письменное объявление, что он встретил на второй почте едущего чиновника в Николаев, который показался ему подозрительным или беглым, и по выговору, и по новостям, им передаваемым, он его принял за шпиона. Полагая, что у сего человека могли быть какие-нибудь письма в Польшу и далее, я тотчас послал его догнать и привезти назад майора Чистякова с унтер-офицером. Он его настиг, не доезжая Орла, и привез в Москву. Человек сей, родиною из Нидерландов и по имени Шлейден, 14-го класса, служит при казенной адмиралтейской суконной фабрике, говорит дурно ломаным языком, очень глуп. В бумагах ничего не найдено, и он, посидя два дня на хлебе и на воде за то, что сказывал, будто в Москве все встревожены от войны, отпушен в Николаев...

[И. П. Оденталь](#) - [А. Я. Булгакову](#).

5 июля. С.-П[етер] бург

При сем прилагаю вышедшую сегодня реляцию. Она должна нас приготовить к важным известиям, которые весьма скоро нас обрадуют. Французы с своими ненадежными союзниками кидаются в разные стороны, чтоб открыть где-нибудь удачное для себя дело. Видят, что везде ожидает их штык или пика - они и с артиллериею не отваживаются на решительную битву. Как же решатся атаковать нас в ретраншементах? Нет! Их храбрование кончилось. Все готово. Мы на них наступаем. Гоним, бьем их. Ежели они вздумают приостановиться, так тем скорее совершится истребление их сил. Рядовые 1-ой армии не могут дожидаться той минуты, чтоб пощитаться с французишками. Их должно уговаривать. Они кипят от мщением. О, россы! победа Вам принадлежит, но без повиновения и она не может иметь плодов. Положитесь на предусмотрительность Ваших начальников! Они знают, для чего медлят доставить Вам случай увенчать себя лаврами. Ожидающие Вас - неувядаемы. Представьте себе, любезнейший Александр Яковлевич, что таких воинов, рвущихся к сражению, в 1-ой армии - 197 тысяч с сотнями; во 2-ой - с лишком 200 тысяч; под начальством [Платова](#) - отдельный корпус более 50 тыс. наездников. Обсервационная армия составляет за 150 тысяч да еще к западным границам спешат те войска, которые были против турок. *Quelle defaite attende nos ennemis!...*

[Н. Н. Раевский](#) - [А. Н. Самойлову](#)

5 июля. Бобруйск

От Слуцка отряжен я был с 25 тыс. идти день и ночь к Бобруйску, куда пришел

сего утра ...Что теперь предпримем - не знаю. Я назначен опять ехать с корпусом день и ночь на подводах - закрыть Могилев. Но неподвижность неприятеля, как я думаю, переменит сей paillatif. Лучший способ закрыть себя от неприятеля - есть разбить его. Говорят, что 1-ая армия в Движении вперед. Говорят, что 3 полка кавал[ерии] баварских передались к нам. Говорят, что немцы, голландцы взбунтовались, что англичане и гишпанцы сделали где-то десант и что он сам поскакал во Францию, но все это говорят, и я ничему не верю. [Ермолов Алексей Петрович](#) - chef d'etat major большой армии. Все сему рады. Он в ежеминутном сношении с государем и робких советов, каковых St. Priest, подавать не будет. А наш француз не совсем большой головы. Если все три армии теперь искусно двинутся вперед, то французы могут быть разделены по частям, ибо они также разделились, надеясь на робость нашу, и легко прервать их соединение.

Матушка ко мне не пишет, вы также, хотя и пишете, но о жене моей - ни слова, почему полагаю ее в Одессе. Скажу о брате Петре, что он с гусарами везде лихо отличается, и где наши с неприятелем встречаются, то везде их колотит.

Я здоров, только устал до крайности. В три дня 135 верст с войсками сделать тяжело.

Прощайте, милостивый государь дядюшка, будьте здоровы и благополучны. Честь имею пребыть с глубочайшим почтением покорный племянник

Н. Раевский.

П. И. Багратион - А. П. Ермолову.

7 июля. [Без места]

Насилу выпутался из аду. Дураки меня выпустили. Теперь побегу к Могилеву, авось их в клещи поставлю. [Платов](#) к вам бежит. Ради бога, не осрамитесь, наступайте, а то, право, худо и стыдно мундир носить, право скину его... Им все удастся, если мы трусов трусим. Мне одному их бить невозможно, ибо кругом был окружен, и все бы потерял. Ежели хотят, чтобы я был жертвою, пусть дадут имьянное повеление драться до последней капли. Вот и стану! Ретироваться трудно и пагубно. Лишается человек духу, субординации, и все в расстройку. Армия была прекрасная; все устало, истощилось. Не шутка 10 дней, все по пескам, в жары на марше, лошади артиллерийские и полковые стали, и кругом неприятель. И везде бью! Ежели вперед не пойдете, я не понимаю ваших мудрых маневров. Мой маневр - искать и бить! Вот одна тактическая дизлокация, какая бы следствия принесла нам. А ежели бы стояли вкупе, того бы не было! Сначала не должно было вам бежать из Вильны тотчас, а мне бы приказать спешить к вам, тогда бы иначе! А то побежали и бежите, и все ко мне обратилось! Теперь я спас все и пойду только с тем, чтобы и вы шли. Иначе - пришлите командовать другого, а я не понимаю ничего, ибо я неучен и глуп.

Жаль мне смотреть на войско и на всех на наших. В России мы хуже

австрийцев и пруссаков стали.

Прощай, любезный! Христос с вами! Я всегда ваш верный
Багратион

П. И. Багратион - неизвестному.

13 июля.

Я думаю, у вас пропасть новостей, пустых, по обыкновению Москвы, но я вам скажу, что все хорошо и везде их колотят. Наконец дождутся они, сумасшедшие, что и совсем их уничтожат. Очень нездоров, устал и ослаб, но надо терпеть, и одно мое блаженство - служить государю, пока могу. Прощайте, будьте богом хранимы. Весь ваш

к. Багратион.

Третьего дня у меня было жаркое дело, и потурил крепко я [Даву](#) и [Мортье](#). Он потерял пехоты одной 5000 человек и два полка кавалерии. Наш урон невелик - славно и мы дрались - истинно, неслыханно. Спасибо, они меня тешат, [что] неприятель имел под ружьем 60 000, а я дрался с корпусом Раевского. Не токмо [не] уступил ему место, но прогнали 6 верст в лес. Он там остановился, я далее не пошел - там мы и разошлись.

А. Н. Самойлов - Н. Н. Раевскому.

[Ок. 11-15 июля. Киев]

Письмо ваше, мой друг Николай Николаевич, от 5 числа сего месяца, с слугою моим отправленное, я получил. Я вижу, мой друг, сколько велики труды ваши. Дай боже, чтобы вы их перенесли к славе вашей и к нашей пользе. Вы одни защищаете нас, ибо сформированные четвертые батальоны, коих число до 55-ти, составляют 26 эскадронов, 9 рот пешей и 5 рот конной артиллерии, расположены будут в самоскорейшем времени между Калугою и Волоколамском. Командир же всем войскам сим назначен наш военный губернатор [Михаило Андреевич Милорадович](#), который сего числа отправляется в Калугу. Сие новое ополчение, как сказано в рескрипте, Милорадовичем полученном, будет служить примером и всеобщему в государстве ополчению, а из сего можно уверительно заключить, что неприятель не решится войтить во внутрь старой России, ибо в оной найдет он новую для себя Гишпанию, где несколько сот тысяч потерял он без пользы. А может статья, ежели вы не побьете его хорошенько, то не коснется ли он святого града Киева, где толикое число преподобных без пользы нам опочивают. Словом сказать, ваш достойный начальник, воспитанник знаменитого [Суворова](#) один только в состоянии отвлечь от нас неприятное следствие. Уведомляйте нас почаще...

А. И. Коновницына - мужу.

15 июля. [Квярово]

Вчера, милый друг, писала к тебе много с твоим унтер-офицером, которому крайне обрадовалась. Угасивала его, подарила 10 ру. и 20 на дорогу дала. Такой добрый - не брал, говорит, это много, такое ли время теперь.

Я с ним масла, рому, вина, водки, ветчины, бульону, варенья, сока послала, получил ли ты? ..Вяленых щук посылаю 4 - ты их любишь. Вчера и сухова щавелю послала, а то негде будет и того взять. Ах, когда восстановит покой бедная Россия! Дошла и до нас очередь, веришь ли, что и [я] за отечество стражду крепко. От матери твоей писем не имею, послала к ней твою последнюю записочку. Напиши - перешлю, она, бедная, крепко о тебе страдает. Пиши чаще, мой родной, неоцененный друг, милый сердцу моему, единое мое утешение и отрада. Лиза покашливает все периодами. Ни грудью, ни боком не жалуется...По рецепту в Опочке сделали капли, но не тот дух, что у Вилли, и боюсь давать. Ревень ей давали, и очистило немного, кажется, поменее кашляет. Пою ее мятой, мать-и-мачехой. Посоветуйся с добрым доктором, которого люблю и почитаю, и надеюсь, что тебя сбережет. Не знаешь ли о Гавердовском, о бедном Монтандере, живы ли оне? Бениксон где? Что у вас толков? Сдесь - пропасть, а правды не узнаешь. С нас пожертвование людей требуют. Хлеб, коего нет, на 1500 купила, с трех душ подвода стоит, а на других свозим, а работы стоят, к тому же беспрестанные ветры, дожди: с доходами - прости, вряд хлеб уберешь, как быть, как?.. Бог ведает...Прости, родной, будь здоров, верь, что по гроб тебе верный друг Аннушка.

Гриша собирается к тебе, премилый мальчик.

Г. Р. Державин - В. С. Попову.

16 июля. Нов-город

Милостивый государь Василий Степанович!

Почтенное и приятное мне письмо вашего высокопревосходительства от 10 числа сего месяца получил, за которое от всего моего сердца благодаря, прошу и впредь уведомлять меня новостями, по нынешним обстоятельствам толь нужными. Последний бюллетень и прочие газетные известия из «Северной почты» мы знаем. Скажу о наших [делах]. По манифесту известному всеобщим государя императора воззванием и я призван от новгородского дворянства в Новгород...Мы в дворянском собрании по случаю экстренного требования хлеба, муки, овса и круп в Торопец положили оный купить и доставить более 150 000 четвертей, да войска представить 10 000 человек, одетого и на нашем содержании.... Только мы просим оружия и артиллерии. Сверх того, по усердию моему к отечеству и по пылкому моему нраву, что я написал и отдал принцу для представления государю императору, при сем к дружескому единственно вашему сведению в копии сообщаю. Я не знаю, одобрите ли вы это? Но я уж не писал того (дабы не огорчать), что я ему еще в

исходе 1806 года и в начале 1807 письменно и словесно представлял, дабы быть осторожну от Наполеона и принять заблаговременные меры к защите отечества, уверяя, что он в покое его не оставит. Меня обещали призвать и выслушать мой план, но после пренебрегли и презрели как стихотворческую горячую голову. Но теперь, к несчастию, все, что я говорил, сбывается. Так и быть! Задернем эту мрачную картину и, предавшись провидению, возложим все на него упование наше.

Теперь скажу вам, единственно также к дружескому только сведению вашему, неприятные новгородские происшествия. Губернатор, губернский предводитель и несколько с ними согласившихся дворян вошли вчера при самом отъезде принца в его комнату и подали ему без всяких доказательств и порядка законного бумагу на губернского прокурора, очерняя его взятками и всякими порицаниями. Принц был сим весьма изумлен, призвал прокурора и сказал ему, чтоб он оправдался. Тот отвечал, что против клеветы словесно оправдаться не может, а пусть произведено будет следствие. Не знаю, что из сего выйдет, но мне не токмо удивительно, но грустно было видеть и слышать, что губернатор, вышед от принца, несмотря [на то], что это было во дворце, кричал с азартом, что губернский прокурор - шельма, а виц-губернатор и некоторые чиновники, имеющие с ним знакомство, такие ж. А еще того прискорбнее было видеть, что в соборе, где при публикации манифеста совершалось молебствие об отвращении всеобщего бедствия, предводитель умножал своих союзников. И иные, как сказывают, подписались, сами не зная к чему, что и в самом деле видно, ибо в бумаге, к принцу поданной, назвались именами те, которые оную подписали, но в подписке, после собранной, очутилось вдвое их больше. Я не приставал ни к той, ни к другой партии, потому что не новгородский дворянин, а [только] по женину имению живу в новгородском уезде. Тем не менее, не оправдывая ни прокурора, ни виц-губернатора, говорил губернатору, что буде из них в самом деле кто лихоимец, тех законным порядком изобличить и наказать должно, а не бранью и ругательством, а особливо в такое время, где единомушние потребно, а не вражда и злоба личная, из которых, как я разведал, произошла сия весьма недостойная благородных людей, а особливо начальников, история... Надобно бы единомушное и скорое исполнение на самом деле [пред] полагаемого ополчения, вместо того у них распри и вздоры, чем они единственно занимаются. Вот вам сказка. Боже избави, ежели по всему государству таковое несогласие и медленность происходят в защите отечества, то мы неминуемо погибем!

Пребываю с истинным и пр. Извините, что так небрежно и так пространно напутал о непринадлежащем до меня.

[И. А. Пуколов - А. А. Аракчееву.](#)

17 июля. С.-Петербург

Третьего дня чувствительно был я обрадован, имев честь получить

милостивое письмо в. с. из Москвы от 12-го июля. Жена моя, свидетельствуя искреннейшее вам почтение, благодарит покорнейше за гостинец, в ящике смоленских конфет состоящий. Я во сто раз больше благодарю за продолжение милостивого к нам расположения.

Итак, теперь вы в древней столице русской! Времена горестные, година искушения приблизилась к нам. Чего в жизни не увидишь и не услышишь! ..Москва вооружает православное воинство, начинают вооружать и здесь, и в других местах. Сегодня было большое дворянское собрание для положения мер в настоящих чрезвычайных обстоятельствах. Тотчас послали депутацию к графу Мих. Ларион. Кутузову пригласить в сие собрание. Он приехал и по просьбе дворянства согласился принять начальство над здешним ополчением. Положено дать со ста по четыре человека с дворянских душ, положены суммы и проч. В людях большой у нас недостаток, но герой Кутузов с нами. От Риги и Дриссы тревожат часто слухами. Никто ничего не знает. Малодушные следуют пословице «у страха глаза велики». Я думаю, что у зависти еще больше. Положение экстраординарное. Пламенная во всех русских любовь к отечеству произвести может чудеса!..

Прошедшее воскресенье праздновали мир с турками. Пушечные выстрелы очистили дурной воздух, ожидаемые победы освежат головы...

И. П. Оденталь - А. Я. Булгакову.

19 июля. С.-П [етер] бург

...Вот уже 11 часов утра, а из армий нет никаких известий. В таком случае лучше не делать никаких догадок. Божусь Вам, что сам себе дал слово никак не толковать и даже не думать о сей медленности. Ухожу от тех, которые бы могли меня на то наводить. Чувствую токмо и про себя разумею, что граф Гол.-Кутузов здесь. Опять повторяю мольбу: продли токмо бог жизнь его и здравие! Его выбрало сдешнее дворянское сословие начальником вновь набираемых защитников отечества. Натурально, ему от сего отказать было не можно. Но ежели не последует по высочайшей воле полезнейшего для него, а следовательно, и для России, назначения, то накажет праведный и всемогущий судия тех, которые отъемлют у нас избавителя. Вчерась на сего почтенного, заслугами покрытого мужа не мог я взирать без слез. И я чихиркиною манерою скажу Александру Булгакову: *Ахти! За что ж заставляют его вахлять, коли он дело может делать!* Исторгли у него меч, а дают вместо того кортик. А вить у него меч в руках так же действует, как у Михаила Архангела. С кортиком-то, бог ведает, к чему он приступит! Да еще, боже оборони, как поспеет он к шапочному разбору. Эй! Глас общий взывает: пустите героя вперед с регулярными! Все уцелеет, а до задних оруженосцев дело не дойдет....

Третьего дня и вчерась в доме гр. Безбородки собиралось сдешнее дворянство. Положили дать со ста четырех человек, вооружить и одеть их при бородах да отпустить на три месяца провианту. С оценки домов в П [етер] бурге, которые

свыше 5 т. рублей стоят, взять по 2 процента. Буде кто имеет несколько домов маленьких, превышающих вместе пятитысячную сумму, с того также взискивать общую повинность. Купечество совещается и, как слышу, положило дать два миллиона, коим будет сделана раскладка по капиталам. Дворяне делают еще добровольные денежные пожертвования....Сдешняя Лавра отдает серебряный свой сервиз. Митрополит [Амвросий](#) - все жалованные ему драгоценные вещи. Дадут, батюшка Александр Яковлевич, Россияне и передадут, коль требует того царь их на защиту Отечества. Людей, денег бездна явится. Пусть изберут токмо мудрых вождей, правителей. С нами ли барахтаться наемникам, вертепам разбойников! Вождей! Вождей! Правителей! Правителей!..

Um Gottes Willen zerreißen Sie meine Briefe sobald Sie solche durchgelesen haben...

[М. А. Волкова](#) - [В. И. Ланской](#).

22 июля. [Москва]

Спокойствие покинуло наш милый город. Мы живем со дня на день, не зная, что ждет нас впереди. Нынче мы здесь, а завтра будем бог знает где. Я много ожидаю от враждебного настроения умов. Третьего дня чернь чуть не побила камнями одного немца, приняв его за француза. Здесь принимают важные меры для сопротивления в случае необходимости, но до чего будем мы несчастна! в ту пору, когда нам придется прибегнуть к этим мерам....

В Москве не остается ни одного мужчины: старые и молодые все поступают на службу. Везде видно движение, приготовления. Видя все это, приходишь в ужас. Сколько трауров, слез! Бедная [Муханова](#), рожденная Олсуфьева, лишилась мужа. Несчастный молодой человек уцелел в деле Раевского, выказал храбрость, так что о нем представляли кн. Багратиону, но в тот же вечер он отправился на рекогносцировку, одетый во французский мундир, и был смертельно ранен казаком, принявшим его за неприятеля. После этого он прожил несколько дней и скончался на руках шурина своего, который прибыл сюда два дня тому назад, чтобы сообщить грустное известие матери и сестре. Последняя лишилась также дочери, которую сама хоронила.

[А. С. Норов](#) - родным.

22 июля. Город Смоленск

Здравствуйте, милый мой папенька и милая моя маменька. Получил я, слава богу, письмо ваше. Можете поверить, как я тому рад был, не получая так давно от вас оных...Целую ручки ваши за деньги 400 р., ибо они мне довольно нужны, и непременно буду стараться умереннее употреблять оные. Я от того не мог писать вам некоторое время, что не было оказии и почты, притом мы стояли под Витебском, верстах в 5 от французов, и ведено еще нам было готовыми быть совершенно для вступления в дело. Французы доходили до

двух верст до нас. Наш другой корпус, там их встретив, дал сражение, и от нас был виден огонь их стрельбы, и были слышны ружейные выстрелы, а смотря в подзорную трубку, видно было движение войск. Раненых и пленных ежеминутно мимо нас провозили. Совсем было доходило до нас, и очень жаль, что не послали нас. Французов же разбили мы и прогнали. Сегодня князь Багратион с корпусом своим к нам присоединился, [Платов](#) тоже. Бог нам помощник, и не умедлим произвести мщение над врагом нашим. Целую ручки ваши и прошу благословения вашего. Сын ваш А. Норов.

От братца получаю довольно часто письма, он здоров и с нетерпением желает скорее к вам приехать.

[О. К. Каменецкий - Т. А. Каменецкому.](#)

25 июля. С.-Петербург

Милостивый государь мой, Тит Алексеевич!

О предприятии вашем вступить в новый род служения два письма от вас я получил. И ничего на сие иного сказать не могу, как только похвалить ваше доброе намерение. Быть полезным отечеству - есть обязанность каждого. Но приступая к толь важному обстоятельству, должно беспристрастным образом рассмотреть самого себя, достаточно ли телесных сил на понесение трудов? Мужества и терпения? достаточно ли и ваше содержание описываемого вами жалования. Из письма вашего, полученного мною сего числа, заключаю я, что вы предпочитаете конную службу. Но мне не известно, езжали ль вы когда верхом на лошадях, буде не езжали, то я советовал бы на наемной лошади поездить сутки, двое или трое, испытав и в себе этим самым способности и обдумав хорошенько все обстоятельства. Попросите совета у своего благодетеля Ивана Андреевича и буде он найдет предполагаемое вами намерение основательным, в то время избрав из своих сотоварищей или благодетелей надежного человека и поручив ему в призрение брата своего Дмитрия, призвав в помощь бога, можете вступить в новую службу и быть уверенным, что вам не престанет желать добра

ваш покорный слуга *Осип Каменецкий...*

[П. И. Багратион - Ф. В. Ростопчину.](#)

[24-25 июля. Ок. Смоленска]

По желанию вашему я пишу. Оно точно так, но между нами сказать, я никакой власти не имею над министром, хотя и старше я его. Государь по отъезде своем не оставил никакого указа на случай соединения, кому командовать обеими армиями, и по сей самой причине он яко министр... Бог его ведает, что он из нас хочет сделать: миллион перемен в минуту, и мы, назад и вбок шатавшись, кроме мозоли на ногах и усталости, ничего хорошего не приобрели, а что со мною делали и делают с *мая самого месяца*, я вам и описать не могу, но к великому стыду *короля Вестфальского, маршала Давуст*

и [Понятовского](#), как они ни хитрили и ни преграждали всюду путь мне, я пришел и проходил мимо их носу так, что их бил. Теперь, по известиям, неприятель имеет все свои силы от Орши к Витебску, где и главная квартира [Наполеона](#). Я просил министра и дал мнение мое на бумаге идти обеими армиями тотчас по дороге *Рудни* прямо в середину неприятеля, не дать ему никакого соединения и бить по частям. Насилу на сие его склонил, но тотчас после одного марша опять все переменял - никак не решается наступать, а все подвигается к Смоленску. Истинно, не ведаю таинства его и судить иначе не могу, как видно, не велено ему ввязываться в дела серьезные, а ежели мы его [неприятеля.- М. Б.] не попробуем плотно по мнению моему, тогда все будет нас обходить, и мы тоже таскаться, как теперь таскаемся. По всему видно, что войска его не имеют уже такого духа, и где встречаем их, истинно, бьют наши крепко. С другой стороны, он не так силен, как говорили и ныне говорят, ибо, сколько мне известно, ему минута дорога; длить войну для него невыгодно, следовательно, здравый рассудок заставляет меня судить: или он собирает все свои силы и готовится на важный удар, или при сильном нашем наступлении будет отступать, опасаясь тылу своего. А всего короче скажу вам, что *он лучше* знает все наши движения, нежели мы сами, и мне кажется, по приказанию его мы и отступаем, и наступаем. От государя давно ничего не имею, впрочем, армия наша в таком духе и в расположении всем умереть у стен отечества и знамен государя, [что] желает наступать. Но вождь наш - по всему его поступку с нами видно - не имеет вождя *рассудка* или же лисица... О, боже! если бы дали волю, этого черта *Пинети* с нашею армиею в пух бы разбил... Неприятель от моих аванпостов 20 верст, а от меня 40; вчерась еще далее отступил. Впрочем, все хорошо. Я думаю, вам известно, что ген [е-рал]-лейт[енант] [Витгенштейн](#) разбил корпус фельдмаршала [Удино](#), взял в плен до 3 т., равно несколько пушек и преследовал за Полоцк. Равно в Литве, в г. Кобрине [Тормасов](#) разбил корпус саксонцев, взял пушки и знамена. Словом сказать, во всяком случае где повстречались, там их порядочно откатали, а два медведя еще не сходились, *Барклай и Пинети*...

Истинно вам скажу, что едва дышу от множества припадков, усталости духа и тела моего.

[Н. М. Карамзин](#) - брату.

29 июля. Москва

...Я после вас лежал дней пять: теперь оправляюсь и даже по обыкновению езжу верхом, однако ж еще слаб. Живем в неизвестности. Ждем главного сражения, которое должно решить участь Москвы. Добрые наши поселяне идут на службу без роптания. Беспokoюсь о любезном отечестве, беспokoюсь также о своем семействе, не знаю, что с нами будет. Мы положили не выезжать из Москвы без крайности - не хочу служить примером робости. Приятели ссудили меня деньгами. О происшествиях вы знаете по газетам. Главная наша армия около Смоленска. По ею пору в частных делах мы

одерживали верх, хотя и не без урона - теперь все зависит от общей битвы, которая недалека.

М. А. Волкова - В. И. Ланской.

29 июля. [Москва]

Мы все тревожимся. Лишь чуть оживит нас приятное известие, как снова услышим что-либо устрашающее. Признаюсь, что ежели в некотором отношении безопаснее жить в большом городе, зато нигде не распускают столько ложных слухов, как в больших городах. Дней пять тому назад рассказывали, что Остерман одержал большую победу. Оказалось, что это выдумка. Нынче утром дошла до нас весть о блестящей победе, одержанной Витгенштейном. Известие это пришло из верного источника, так как о победе этой рассказывает граф Ростопчин, и между тем никто не смеет верить. К тому же победа эта может быть полезна вам, жителям Петербурга, мы же, москвичи, остаемся по-прежнему в неведении касательно нашей участи. Что относится до выборов и приготовлений всякого рода, скажу тебе, что здесь происходят такие же нелепости, как и у вас. Я нахожу, что всех одолел дух заблуждения. Все, что мы видим, что ежедневно происходит перед нашими глазами, а также и положение, в котором мы находимся, может послужить нам хорошим уроком, лишь бы мы захотели им воспользоваться. Но, к несчастью, этого-то желания я ни в ком не вижу и признаюсь тебе, что расположение к постоянному ослеплению устрашает меня больше, нежели сами неприятели. Богу все возможно. Он может сделать, чтобы мы ясно видели, об этом-то и должно молиться из глубины души, так как сумасбродство и разврат, которые господствуют у нас, сделают нам в тысячу раз более вреда, чем легионы французов.

И. П. Оденталь - А. Я. Булгакову.

30 июля. С.-П[етер]бург

Общее внимание обращено на военные происшествия. Никакая другая мысль не находит места ни в чьей голове. Побьют врагов под Смоленском - все могут оставаться спокойными. Бонопарте должно будет тогда помышлять о собственной безопасности. Ежели же божеским попущением прорвутся злодеи после решительной битвы далее, то не вижу, любезный Александр Яковлевич, конца и меры бедствиям, которые покроют отечество наше. Граф Витгенштейн продолжает истреблять силу неприятельскую, шедшую чрез Псков и Опочку на Новгород. Удиновой армии как будто бы не существовало. Со вчерашнего дня все заговорили, что герой наш по советам старого графа фон-дер-Палена напал и на Магдональдову армию, наносит ей поражение и гонит перед собою... Пусть прочие наши главнокомандующие столько же сделают, сколько успела до сих пор армия под начальством гр. Витгенштейна. Не дойдет тогда дело и до земского ополчения. Удинова армия состояла из одних токмо французов, которые сражались отчаянно, но тем большее испытали

поражение, чем упорнее противустояли российским воинам, коих вел искусный начальник. С тем числом регулярного ополчения, каковое мы теперь имеем, должны мы чрез год быть в Париже. Надобно только действовать системою Витгенштейна, системою суворовскою, системою, которая одна может увенчивать нас всегда и везде победою. Ретирады замешивают только ум у полководцев, отнимают дух у солдата, расстроивают внутреннюю связь. Мне нечего говорить Вам о впечатлении, какое до сих пор произвело на умы отступление главных наших армий до Смоленска. Нас всех от П[етер]бурга до Москвы в 500 верстах от неприятеля посадили на порох. Приди только французы во Псков, то мы отсюда поднялись бы и, может быть, пешком с женами и детьми кинулись бы, сами не зная куда, искать своего спасения. Вот сколь важна победа над [Удинотовым корпусом](#). Ни мало, ни много разбойник метил, действительно, вдруг напирать на обе столицы.

Полагать должно, что теперь в его первоначальном плане последует перемена. Когда мы не решимся его атаковать и прогонять из Белоруссии, то все знающие уверяют, что ему надобно будет самому отступить назад, дабы не дожидаться с тылу [Тормасова](#), у которого 70 тыс. войска. Бог спасет Москву от разбойничьего нашествия!

Французы делают ужасы в городах, где они бывають. Прилагаю у сего копию с письма моего приятеля, дабы дать Вам понятие, что такое за бедствие попасться в руки к извергам. Удивляюсь, что французов берут живых в плен. Это суцая зараза, которую вводят вовнутрь России. Я могу сие говорить по верным сведениям, которые имею чрез спасшихся от истязаний варваров. Изверги сии напитаны таким духом, что их больше еще должно опасаться пленных, нежели сражаясь с ними...

Шельмы пантомимами изъясняются с мужиками. На что другое догадки у сих последних не становится, а эти размашки руками они очень хорошо понимают. Sie schonen die Bauern, bezahlen alles in klingender Miinze, rauben nur die Nadle und mishandein den Adel...

Прочтите кучу писем от других моих знакомых из Белоруссии. Все скитаются, странствуют в величайшей бедности. Простите моему беспорядку, Я Вам не знаю, что пишу. Обнимаю Вас. Вот письмо от [Тургенева](#). Прямо посылаю его к Вам...

Обрадуй нас, господи, победою!

[Л. А. Симанский](#) - родным.

31 июля.

На биваках при селении Ставни

...Под Смоленском стояли мы неделю, но теперь четвертый день в 15 верстах от оногo. Все войско горит нетерпением сразиться с неприятелем, наказатъ его за дерзости, деланные им. Во всех больших и малых с ним делах наши

побеждают, и он чувствует большие потери. Его пленных - множество, полками отдаются сами, ибо дерутся поневоле. Наше препровождение времени - самое машинальное, а особенно в дождливые дни, когда выйти нельзя никуда из шалаша....

И. П. Оденталь - А. Я. Булгакову.

2 августа. С.-П[етер]бург

Что прикажете сказать Вам, любезный Александр Яковлевич? Мы здесь ничего не знаем, ничего не понимаем. Тому и книги в руки, кто читать горазд. Кутузова сделали светлейшим, да могли ли его сделать лучезарнее его деяний? Публика лучше бы желала видеть его с титулом генералиссимуса. Все уверены, что когда он примет главное начальство над армиями, так всякая позиция очутится для русского солдата превосходною. Продлят далее козни - так и бог от нас отступится. Мне уж представляется, что Бонопарте задал всем действующим лицам нашим большой дозис опиума. Они спят, а вместо них действуют Фули, Вольцогены. Проснутся - и увидят, кому они вверили судьбу нашу. Сюда прибыл еще Штейн. Вот еще детина! Что ж нам прикажут, несчастным, делать? Увы - воздыхать! Есть уже разные слухи о Фуле.

...Много бы сказал Вам изустно, да и то прерывающимся голосом, а рука не может писать того, что теперь узнаешь. Русские воины! не медлите! принимайте разбойников на штыки. Они не могут против Вас устоять. Узнаем, что Вас пустили уже в бой,- так наше беспокойство кончится.

П. И. Багратион - Н. Н. Раевскому.

[3 августа около Смоленска]

Друг мой, я не иду, а бегу. Желал бы иметь крылья, чтобы соединиться с тобой. Держись, бог тебе помощник!

М. А. Волкова - В. И. Ланской.

5 августа. [Москва]

...Народ ведет себя прекрасно. Уверяю тебя, что не достало бы журналистов, если бы описывать все доказательства преданности Отечеству и государю, о которых беспрестанно слышишь и которые повторяются не только в самом городе, но и в окрестностях и даже в разных губерниях.

Узнав, что наше войско идет вперед, а французы отступают, москвичи поуспокоились. Теперь реже приходится слышать об отъездах. А между тем вести не слишком утешительны, особенно как вспомнишь, что мы три недели жили среди волнений и в постоянном страхе. В прошлый вторник пришло известие о победе, одержанной Витгенштейном, и об удачах, которые имели Платов и граф Пален. Мы отложили нашу поездку в деревню, узнав, что там происходит набор ратников. Тяжелое время в деревнях, даже когда на 100

человек одного берут в солдаты и в ту пору, когда окончены полевые работы. Представь себе, что это должно быть теперь, когда такое множество несчастных отрывается от сохи. Мужики не ропщут, напротив, говорят, что они все охотно пойдут на врагов и что во время такой опасности всех их следовало бы брать в солдаты. Но бабы в отчаянии, страшно стонут и вопят, так что многие помещики уехали из деревень, чтобы не быть свидетелями сцен, раздирающих душу. Мама получила ответ от [Сен-При](#): он с удовольствием принимает на службу брата моего Николая. Придется расстаться с милым братом - еще прибавится горе и новое беспокойство!

Каждый день к нам привозят раненых. [Андрей Ефимович](#) опасно ранен, так что не будет владеть одной рукой. У [Татищева](#), который служит в Комиссариате, и, следовательно, находится во главе всех гошпиталей, недостало корпии, и он просил всех своих знакомых наготовить ему корпию. Меня первую засадили за работу, так как я ближайшая его родственница, и я работаю целые дни. Маслов искал смерти и был убит в одной из первых стычек; люди его вернулись. Здесь также несколько гусарских офицеров, два или три пехотных полковника,- все они изуродованы. Сердце обливается кровью, когда только и видишь раненых, только и слышишь, что об них. Как часто ни повторяются подобные слухи и сцены, а все нельзя с ними свыкнуться.

[Соллогубы](#) совершенно разорены. Все имения графа находятся в Белоруссии между Могилевом и Витебском. Сама посуди, в каком виде они должны быть теперь. Бедную Соллогуб ужасно жалко. Она выдана замуж в расчете, что у мужа ее будет 6000 душ крестьян, и вот теперь у них у обоих всего 6000 рублей дохода, правда, ей еще кое-что достанется, но лишь по смерти матери. У [Толстого](#), женатого на Кутузовой, восемь человек детей, и вообрази, что из 6000 душ у него осталось всего триста душ в Рязанской губернии, так как его имения тоже в Белоруссии. Как ни вооружайся храбростью, а слыша с утра до вечера лишь о траурах да о разорении, невозможно не огорчаться и не принимать к сердцу всего, что видишь и слышишь.

[М. С. Воронцов - А. А. Закревскому.](#)

[4-5 августа. Смоленск]

Любезный Арсений Андреевич, скажите, бога ради, как у вас дела идут. Надо держаться в Смоленске до последнего, мы все рады умереть здесь. Неприятель может пропасть, истребляя лучшую свою пехоту. Он от упрямства часто рисковал, но никогда столько, как сегодня, ибо уйти ему будет трудно.

Мы все здесь готовы вас подкрепить. Ради бога, чтоб армии не расходились и составляли бы одну, как теперь. Я бы желал и еще ближе быть.

Бога ради, или атаковать его, или держаться в городе. Напиши два слова. Преданный тебе Воронцов...

А. А. Закревский - М. С. Воронцову.

5 августа. [Смоленск]

Сколько ни уговаривали нашего министра, почтеннейший и любезнейший граф Михаила Семенович, чтобы не оставлял города, но он никак не слушает и сегодня ночью оставляет город. К сожалению нашему, город горит, форштаты также. Неприятель опять от города отступил, дрались долго и упорно....Нет, министр наш не полководец, он не может командовать русскими, а мы не смеем показаться нигде. Мы будем всегда с вами вместе, что теперь необходимо нужно.

Ваш Закревский.

А. А. Закревский - М. С. Воронцову.

6 августа. [Смоленск]

Холоднокровие, беспечность нашего министра я ни к чему иному не могу приписать, как совершенной измене (это сказано между нами), ибо внушение Вольцогена не может быть полезно. Сему первый пример есть тот, что мы покинули без нужды Смоленск и идем бог знает куда и без всякой цели для разорения России. Я говорю о сем с сердцем как русский, со слезами. Когда были эти времена, что мы кидали старинные города? Я, к сожалению, должен вам сказать, что мы, кажется, тянемся к Москве, но между тем уверен, что министра прежде сменят, нежели он туда придет. Его не иначе должно сменять как с наказанием примерным. ...Будьте здоровы, но веселым быть не от чего. Я не могу смотреть без слез на жителей, с воплем идущих за нами с малолетними детьми, кинувши свою родину и имущество. Город весь горит.

В грусти весь ваш А. З.

А. П. Ермолов - П. И. Багратиону.

6 августа.

Ваше сиятельство!

Имеете право нас бранить, но только за оставление Смоленска, а после мы себя вели как герои! Правда, что не совсем благоразумно, но и тогда можно быть еще героями! Когда буду иметь счастье вас видеть, расскажу вещи невероятные. Смоленск необходимо надобно было защищать, но заметьте, ваше сиятельство, что их и доселе нет в Ельне, следовательно, все были они у Смоленска, а мы не так были сильны после суточной города обороны.

Наконец, благодаря бога, хотя раз предупредили мы ваше желание. Вам угодно было, чтобы мы остановились, дрались. Прежде получения письма вашего получил уже я это приказание. Почтеннейший мой благодетель! Теперь вам предлежит дать нам помощь. Пусть согласие доброе будет залогом успеха! Бог благословит предприятие наше. Если он защищает сторону правую - нам будет помощником! Представьте, ваше сиятельство, что два дни решат участь

сильнейшей в Европе империи, что вам судьба предоставляет сию славу. И самая неудача не должна бы отнять у нас надежду. Надобно противостоять до последней минуты существования каждого из нас. Одно продолжение войны есть способ вернейший восторжествовать над злодеями отечества нашего.

Боюсь, что опасность, грозя древнейшей столице, заставит прибегнуть нас к миру, но сии меры слабых и робких. Все надобно принести в жертву и с радостью, когда под развалинами можно погребсти врагов, ищущих гибели Отечества нашего. Благословит бог! Умереть Россиянин должен со славою.

Ермолов.

Не гневайтесь, что удержал посланного.

А. С. Меншиков - жене.

10 августа. Дорогобуж

Я весьма давно, милый друг, не имел случая к тебе писать и воображаю твое беспокойство после произшествий, столь же глупых, сколь и несчастливых. Смоленск отдан неприятелю, и мы отступили к Дорогобужу постыдным образом, хоть без главного сражения. Мы здесь очень сильны, и неприятель, кажется, не смеет на нас [ничего] предпринять. Я весьма здоров и ни в чем не нуждаюсь, хотя обозы мои в неизвестных мне краях, и я думаю, около Гжатска.

Мужики покидают свои жилища, и неприятель живет в совершенно опустошенной земле. Все занятые им города он выжиг или истребил, впродчем, надобно справедливость отдать, что наши солдаты, а особенно денщики и офицерские люди грабят и разоряют все позади армии, и потому я советую матушке из Комлево велеть вывезти вдаль все, что только можно, равным образом и из Карамышева. Надеюсь, что ты, милый друг, не упускаешь из виду делать втайне приуготовления для выезду из Москвы, буде нужда потребует, хотя я, однако же, сего нещастья не чаю, и ежели судьба оное и допустит, то по крайней мере не так скоро. В горестях разлуки и трудах моих одно лишь утешение есть - надежда освобождения Отечества продолжительною и священною для русского войною,- не искусство, а народная храбрость спасет нас от ига иноплеменных. Прощай, милый друг, и моли бога за Рос [с] ию и за нас, требуя у матушки для меня благословения.

Ф. В. Ростопчин - П. И. Багратиону.

12 августа. Москва

Принимая во всей мере признательности доверенное письмо вашего сиятельства, с крайним прискорбием узнал о потере Смоленска. Известие сие поразило чрезвычайно, и некоторые оставляют Москву, чему я чрезмерно рад, ибо пребывание трусов заражает страхом, а мы болезни сей здесь не знаем. Здесь очень дивились бездействию наших войск против наступающего

неприятеля. Но лучше бы ничего им не делать, чем, выиграв баталию, предать Смоленск злодею. Я не скрою от вас, что все сие приписывают несогласию двух начальников и зависти ко взаимным успехам, а так как общество во мнениях своих меры не знает, то и уверило само себя в нелепицах. Теперь должно уже у вас быть известно, какие последствия будет иметь отступление от Смоленска. Москва ли предмет действий или Петербург, а мне кажется, что он, держа вас там, где вы [будете], станет отдельными корпусами занимать места и к петербургской, и к московской дороге, и к Калуге, дабы, пресекая сообщения, нанести больше беспокойства и потрясти дух русский. Ополчение здешнее готово, и завтра б тыс. будут на бивуаке. Остальные же сводятся к Верее и к Можайску. Ружей, пороху и свинцу - пропасть. Пушек - 145 готовых, а патронов 4 980 000. Я не могу себе представить, чтобы неприятель мог придти в Москву. Когда бы случилось, чтобы вы отступили к Вязьме, тогда я примусь за отправление всех государственных вещей и дам на волю каждого убираться, а народ здешний по верности к государю и любви к отечеству решительно умрет у стен московских. А если бог ему не поможет в его благом предприятии, то, следуя русскому правилу *не доставайся злодею*, обратит город в пепел, и [Наполеон](#) получит вместо добычи место, где была столица. О сем недурно и ему дать знать, чтобы он не считал на миллионы и магазинны хлеба, ибо он найдет уголь и золу. Обнимая вас дружески и по-русски, от души, остаюсь хладнокровно, но с сокрушением от происшествий,

Вам преданный
граф Ростопчин.

[М. И. Кутузов](#) - жене.

19 августа. При Гжатской пристани

Я, слава богу, здоров, мой друг, и питаю много надежды. Дух в армии чрезвычайный, хороших генералов весьма много. Право, недосуг, мой друг. Боже, благослови детей.

Верный друг Михаила Г [оленищев]-Кутузов.

[М. И. Кутузов](#) - дочери.

19 августа. Около Гжатска

Друг мой Аннушка и с детьми, здравствуй!

Это пишет [Кудашев](#), так как у меня немного болят глаза и я хочу их поберечь. Какое несчастье, мой друг, находиться столь близко от вас и не иметь возможности вас расцеловать, но обстоятельства очень трудные.

Я твердо верю, что с помощью бога, который никогда меня не оставлял, поправлю дела к чести России. Но я должен сказать откровенно, что ваше пребывание возле Тарусы мне совсем не нравится. Вы легко можете подвергнуться опасности, ибо что может сделать женщина одна, да еще с

детьми; поэтому я хочу, чтобы вы уехали подальше от театра войны. Уезжай же, мой друг! Но я требую, чтобы все сказанное мною было сохранено в глубочайшей тайне, ибо если это получит огласку, вы мне сильно навредите.

Если бы случилось так, что Николай не получил бы разрешения губернатора на выезд, то вы должны уехать одни. Тогда я сам улажу дело с губернатором, указав на то, что мужу надлежит сопровождать свою жену и детей. Но вы, дети мои, уезжайте во что бы то ни стало.

Я чувствую себя довольно сносно и полон надежды. Не удивляйтесь, что я немного отступил без боя, это для того, чтобы укрепиться как можно больше.

Детей целую. Боже тебя благослови и их. Кланяйся Николаю.

Верный друг Михаила Г'[оленищев]-Ку[тузов].

Н. М. Карамзин - И. И. Дмитриеву.

20 августа. Москва

Любезнейший друг!

Давно я не писал к тебе: у меня была лихорадка за лихорадкой, а сверх того и наши государственные обстоятельства не дают охоты писать. Я переехал в город, отправил жену и детей в Ярославль с брюхатою княгинею Вяземскою, сам живу у графа Ф. В. Ростопчина и готов умереть за Москву, если так угодно богу. Наши стены ежедневно более и более пустеют: уезжает множество. Хорошо, что имеем градоначальника умного и бодрого, которого люблю искренне как патриот патриота. Я рад сесть на своего серого коня и вместе с *Московскою удалою дружиною* примкнуть к нашей армии. Не говорю тебе о чувствах, с которыми я отпускал мою бесценную подругу и малютку: может быть, в здешнем мире уже не увижу их! В первый раз завидую тебе - ты не муж и не отец! Впрочем, душа моя довольно тверда. Я простился и с «Историєю» - лучший и полный экземпляр ее отдал жене, а другой - в Архив Иностранной коллегии. Теперь без «Истории» и без дела читаю Юма о *происхождении идей!!*

Здоров ли ты? Обнимаю тебя со всею дружескою горячностью. Многие из наших общих знакомцев уже в бегах. Я благословил Жуковского на брань - он вчера выступил отсюда навстречу к неприятелю. Увы! Василий Пушкин убрался в Нижний! Прости, милый. До гроба верный друг твой

Н. Карамзин.

А. М. Жихарев - матери.

20 августа. Свеаборгский рейд

Не могу вам описать, любезнейшая маминька, радости моей при получении вашего письма. ...Впрочем же, об одном только Вас прошу: беречь себя и для своего спокойствия всем жертвовать, ибо оно для нас драгоценнее всего на

свете. Что ж до меня, то я, слава богу, здоров и, не имея денег, не очень скучаю, потому что не так много имею потребностей. Одна только неизвестность о вас меня тревожила. Мы завтрашний день садим к себе десантные войски, и я слышал, что повезем их в Ригу. Государь сегодня поутру отправился отсюда в Петербург, возвращаясь из Або, где он был для личных переговоров с принцем Понте-Корво, наследником шведского престола. Уверяют, что все их переговоры кончились к совершенному удовольствию государя и что поэтому мы везем десант, а в непродолжительном времени и шведы также повезут. Государь во время пребывания своего в Або многим шведам пожаловал наши ордена. А что в первом моем отсюда письме я докладывал вам, что мы простоим недели три, то это от того, что по прибытии нашем сюда мы нашли, что все войски уже готовы, и мы тотчас начали брать на кора [б] ли все их тягости. Деньги же, которые вы по м [и] лости своей мне изволили пожаловать, я не получил, я думаю, потому, что в последнее время пребывания нашего в Кронштате я совсем не ездил на берег. Затем прося Вашего родительского благословения и целуя ваши ручки с глубочайшим почитанием и преданностью вам и дражайшему дядюшке, честь имею пребыть по [кор] нейший сын и племянник

Александр Жихарев.

Сей час узнал, что мы пойдем не в Ригу, [а] в Ревель, и потому прошу вас, маминька, ужо туда написать ко мне, и тепер я полагаю, что кампания наша кончится. Милую сестрицу и братца мысленно целую.

П. И. Багратион - Ф. В. Ростопчину.

22 августа.

Лагерь при дер. Семеновской

...Я посылаю своего человека купить кое-что, мочи нет, ослабел, но надо уже добивать себя. Служил [в] Италии, Австрии, Пруссии, кажется, говорить смело о своем надо больше. Ей-богу, мой почтенный друг, я рад[служить], рвусь, мучаюсь, но не моя вина - руки связаны как прежде, так и теперь.

Неприятель вчера не преследовал, имел роздых, дабы силы свои притянуть. Он думал, мы дадим баталию сегодня, но сей час я получил рапорт от аванпостов, что [французы] начали показываться. По обыкновению у нас еще не решено, где и когда дать баталию - все выбираем места и все хуже находим....Прощайте, с нами бог....

М. В. Акнов - И. Я. Неелову.

[22 августа, Тверь]

Милостивый государь, Иван Яковлевич!

Время угрожает, даже и начальник губернии приказал предпринять осторожность - семейства из Твери вывезть. В таком необходимом и крайнем

случае да и по слову вашему, батюшка, на пособие изреченному изустно, всепокорнейше прошу оказать милость - прислать завтра для дому моего кибиточку с лошадьми и другую, хотя [бы] деревенскую, с лошадьми же, мы хотим, по крайней мере, выехать к Бежецку. Лошади ваши и люди будут в дороге везти, и вошки удовольствуются платою. Зделайте, батюшка, сие ваше снисхождение, а при том и еще бы в телеге для размещения плакущихся моих родных. Полагаю крепкой и твердой надеждой по врожденному вашему благосклонию на помощь и особенно при таковой н[ы]нешней угрожающей гибели, что вы не оставите тем просимым велми нужным....

Ф. В. Ростопчин - П. А. Толстому.

24 августа. [Москва]

...Положение Москвы дурное. Армии наши 13 верст от Можайска. Гжать занята французами. У злодея не более 150 тысяч, а у нас с пришедшими войсками - 143 тысячи. Милорадович пришел, Марков с 23 тысячами там. Кутузов пишет, что дает баталию и другой цели не имеет, как защищать Москву. Неприятель не имеет провианта, и он отчаянно идет на Москву, обещая в ней золотые горы. Витгенштейн добил в четвертый раз армию Удино, сей умер от ран, и в последнем деле два генерала взяты в плен. В Петербурге довольно спокойны, судя по маранью Гурьева и Козодавлева. Тормасов соединился с Чичаговым. Москва спокойна и тверда, но пуста, ибо дамы и мужчины женского пола уехали.

Прощайте, почтеннейший граф, будьте здоровы, сего желает вам преданный граф *Ф. Ростопчин*.

P. S. Скажите Ник. Селив. что я отправил водою в Нижний на барке 57 французов, ему будет праздник видеть этот ковчег.

Д. А. Апухтин - жене.

24 августа. Под Можайском

Милый и сердечный друг мой и ангел Машинька! Мы теперь стоим под Можайском на биваках, где соединились с полком, и я командую вторым баталионом. Корпус офицеров у нас прекрасный, ш[еф] бесподобный, и мы все, как друзья...Я, слава богу, здоров. Грусно иногда бывает, что с вами, мои милые, розно. То есть розно стало с сердцем, которое для вас живет и бьется. Но скучать некогда. Ты знаешь, мой друг, мою философию, что для того, чтобы быть счастливу, надобно стараться, как можно скорей стараться, привыкать к тому состоянию, к которому судьба нас определяет, что я и делаю....Придет время, естли угодно богу, когда прижму вас к моему пламенному сердцу, и тогда все четверо скажем: «Кто счастливее меня?» Вот, мой ангел, мое утешение. Естли это и мечта, она, по крайней мере, делает меня счастливым. Отечество, вера, государь! и Вы, мои друзья,- вот для чего я жить желаю. Пишу дурно, потому что биваки и пишу лежа. Прощай, мой друг,

я тебя обнимаю. Твой верный друг

Дмитрий Апухтин.

Е. Н. Давыдова - А. Н. Самойлову.

[Конец августа]

Посылаю, батюшка братец, печатные глупости Ростопчина. Я получила их вчера на почте с письмом Васинькиным и от Наталии Владимировны от 15-го августа. Зделой милость, голубчик, уведоь меня, что узнаешь о чуме

К. Д.

М. И. Кутузов - жене.

25 августа.

Верст шесть пред Можайском

Я, слава богу, здоров, мой друг. Три дня уже стоим в виду с Наполеоном, да так в виду, что и самого его в сером сергучке видели. Его узнать нельзя как осторожен, теперь закапывается по уши. Вчера на моем левом фланге было дело адское; мы несколько раз прогоняли и удерживали место, кончилось уже в темную ночь. Наши делали чудеса, особливо кирасиры, и взяли французских пять пушек.

Детям благословение.

Верный друг Михаила Г [оленищев]-Ку {тузов}.

Т. А. Каменецкий - О. К. Каменецкому.

26 августа. Москва

Милостивый государь дядюшка Иосиф Кириллович!

Вчера в 6 часов вечера происходило торжественное шествие Смоленския божия матери в Архангельский собор; сперва несколько часов божья мать изволила быть в доме одного купца в Тверской-Ямской улице, откуда уже при звоне колоколов и при пении приличных песен несена была на раменах двумя архимандритами в ходу до самого собора; и Иверской божьей матери, не доходя до Кремля, был молебен. Стечение народа было многочисленное. Вы не поверите, что в несколько минут вся Тверская улица - это от заставы и до самого Кремля - и весь Кремль наполнились народом, который со всем усердием сопровождал божью мать. Зрелище самое трогательное. Да сохранит Вас Смоленская божья мать святыми своими молитвами в совершенном здравии и во всяком удовольствии. Через полчаса после сего торжества провезли на 104-х повозках 34 пушки из Киевского арсенала в

Московский.

Сегодня в полночь получено следующее известие от его светлости Главнокомандующего армиями: «Вчерашнего числа [24-го] во 2-м часу пополудни неприятель в важных силах атаковал наш левый фланг под командою князя Багратиона и не только в чем-либо имел поверхность, но потерпел везде сильную потерю. Сражение продолжалось даже в ночи. Вторая кирасирская дивизия преимущественно отличилась своими атаками. Взяты пленные и пять пушек. Армии наши стоят на том же месте при деревне Бородине»...

Мимо Москвы проводят множество пленных. Тут можно видеть в миниатюре народов всех наций, кроме русских, шведов, датчан и турок. Англичане, испанцы и португальцы страшно проклинают [Наполеона](#). Некоторые из пленных не могут переносить нашего скверного климата и умирают на месте. В моих глазах умерло двое третьего дня, когда я ходил смотреть их. Мы укладывали несколько дней сряду золотые и серебряные монеты и медали, также некоторые редкие книги, как, напр., Museum Florentinum и другие. Учеников, которые имеют родителей, отпускают по домам, некоторые уже и уехали месяца на три, на четыре и более. Ивану Андреевичу яко хозяину дома теперь хлопотать довольно. Многие из московских бояр разъехались по другим губерниям, особливо в Ярославскую, Нижегородскую и Казанскую. Дня с три тому назад в Москву прислали из армии три роты артиллерии, которые расположились в недалеком отстоянии от Москвы на месте, так называемом *Поклонная гора*. И я себе купил саблю в арсенале за пять рублей. В Черниговскую губернию писем не принимают, в точности я еще этого не знаю, по крайней мере, Андрей Антонович послал было на почту письмо, но его не приняли....

Тут Каменецкий

Р. С. Жалованье нам раздают обыкновенно за прошедший месяц в начальных числах следующего, даже в 7-ое, а иногда в 8-ое число, а за настоящий август мы получили еще третьего дня.

[П. П. Коновницын](#) - жене.

27 августа.

Биваки при городе Можайске

Я два месяца, мой друг милый, ни строчки от тебя не имею, оттого погружен в скорбь сердечную и отчаянье. Утешаю себя только тем, авось все сообщение прервано, и оттого письма не пересылаются. Дай боже, чтоб сия причина была твоему молчанию! Но страшусь, чтоб не было другой. Друг ты мой сердечный, жива ли ты? Бог мой, не разлучи меня единой в жизни отрады. Ах, что дети, живы ли они, я себе уже все несчастья и злоключения представляю. Черные мысли следуют за мною повсюду, даже и в делах жестоких дел.

Обо мне ты нимало не беспокойся, я жив и здоров, а счастлив тем, что мог

оказать услуги моему родному отечеству. [Монтандр](#) тебе многое расскажет, чего описать некогда, да и памяти не станет. Я был в 4-х делах жарких прежде, после того 10 дней дрался в авангарде и приобрел все уважение от обеих армий. Наконец, вчерась было дело генерального сражения, день страшного суда, битва, коей, может быть, и примеру не было. Я жив, чего же тебе больше, и спешу тебя сим порадовать. Монтандра продержи у себя хотя с неделю или нет, мой друг, обрадуй меня, что ты с детьми жива как наискорее! Успокой смущенный дух мой.

Я командую корпусом. [Тучков](#) ранен в грудь, [Тучков Александр](#) убит, [Тучков Павел](#) прежде взят в плен. У [Ушакова](#) оторвана нога....Раненых и убитых много. Багратион ранен. А я - ничуть, кроме сюртука, который для странности посылаю...

Раздели печаль мою о моем добром товарище, о славном офицере, о преданном мне человеке. Сейчас мне приводят лошадь моего доброго [Гавердовского](#), он или убит, или в плену. Чтоб достоверно узнать, постараюсь послать парламентаря. Как меня сие крепко огорчило. Как он мне служил в авангарде, и был уже генерал-квартирм [ейстером] армии. Какую он славу себе уже приобрел, и армия его лишилась. Потеря, точно, велика. Как я желаю, чтобы он был жив. Но едва ли он живет. Не оставь его жену и детей....Дивизии моей почти нет, она служила более всех, я ее водил несколько раз на батарее. Едва ли тысячу человек сочтут. Множество добрых людей погибло, но все враг еще не сокрушен. Досталось ему вдвое, но все еще близ Москвы. Боже, помоги, избави Россию от врага мира.

О моих разных подвигах понаслышке на миру тебе, уповаю, расскажет [Монтандр](#). Лицом в грязь не ударил. А не пишу ничего, чтоб не показать хвастовства. Да теперь, правду сказать, и не до того. Не хочу чинов, не хочу крестов, а единого истинного счастья - быть в одном Квярове неразлучно с тобою. Семейное счастье ни с чем в свете не сравню. Вот чего за службу мою просить буду. Вот чем могу только быть вознагражден. Так, мой друг, сие вот одно мое желание. Пришли мне белья, теплый сюртук, теплые кое-какие вещи - и полно....

Пишу сие на дворе при народе, утомлен от службы: весь день сражался, а ночь шел на лошади, которые у меня все почти не ходят. Две лошади опять ранены, а жеребенок так худ, что ног не волочит, гнедая ссаднена - то я езжу часто на гусарских. Я нередко командую и гвардиею, и конницею по 100 эскадронов, и во всем до сего часа бог помогал....

Ну, прощай, мой друг, писал бы 5 листов, да устал - не спал ночь, и спешу тебя известить. Что Лиза, ее кашель? Петруша, Ваня, Гриша? Напиши особенно о каждом. Что пятый, стучит ли? Перекрести их, благослови, прижми их к сердцу и скажи, что я постараюсь оставить им имя честного отца и патриота. Целую тебя, крещу. Прощай, мой друг. Еще раз тебя обнимаю и есмь, пока жив, пока кровь в жилах, тебе верный и преданный друг

П. Коновницын.

Е. Жуков - А. И. Горчакову.

[27 августа. Можайск]

Сиятельный князь, милостивый государь!

Сейчас был я здесь в Можайске у нашего героя князя Андрея Ивановича. Я нашел его на постели. Он ранен, но я клянусь вашему сиятельству, что рана его в плечо не опасна. Он уже к вам писал с эстафетою, которое письмо вручит вам Александр Львович Нарышкин, что уже служит доказательством, что он в состоянии писать. Он хотел было писать и теперь, но я ему отсоветовал. Я взял обязанность сию на себя. Обрадовал я князя и чем же? Я достал три яблока и сейчас послал к нему. Посланный возвратился и не может мне описать, как он сим доволен. О положении брата вашего не премину вас извещать. Как скоро он оправится, то хочет опять лететь на поле славы. Прощайте, ваше сиятельство! Мое почитание графу и графине. С совершенным высокопочитанием и преданностью имею честь быть, сиятельнейший князь, милостивый государь, вашего сиятельства всепокорнейшим слугою.

Егор Жуков.

Н. М. Карамзин - брату.

27 августа. Москва

Не вините меня, что я недели две не писал к вам. Право, не хотелось за перо взяться. Наконец, я решился силою отправить жену мою с детьми в Ярославль, а сам остаюсь здесь и живу в доме у главнокомандующего Федора Васильевича, но без всякого дела и без всякой пользы. Душе моей противна мысль быть беглецом: для того не выеду из Москвы, пока все не решится. Вчера началось кровопролитнейшее сражение и ныне возобновилось. Слышно, что мы все еще удерживаем место. Убитых множество, французов - более. Из наших генералов ранены: Багратион, Воронцов, Горчаков, Коновницын. С обеих сторон дерутся отчаянно - бог да будет нам поборник! Через несколько часов окажется или что Россия спасена, или что она пала. Я довольно здоров и тверд, многие кажутся мне малодушными. Верно, что есть бог! Участь моя остается в неизвестности. Буду ли еще писать к вам - не знаю, но благодарю бога за свое доселе хладнокровие, не весьма обыкновенное для моего характера. Чем ближе опасность, тем менее во мне страха. Опыт знакомит нас с самими нами.

Д. С. Дохтуров - жене.

28 августа.

Вчера я к тебе, друг мой, писал чрез курьера, отправленного Кутузовым, где

уведомил тебя, что у нас было третьего дня престрашное сражение, верно, жесточее Прейс-Ейлавского. Меня бог спас чудесно: не было места, где бы можно быть безопасно. С семи часов утра и до вечера поздно сражение продолжалось. Я командовал центром, и у меня началось, но как ранили к. Багратиона, то Кутузов мне прислал повеление взять 2-ю армию в мою команду, куда я тотчас и отправился. Это было на левом фланге; на сем пункте неприятель устремил все свои силы для занятия возвышений и укреплений, нами сделанных. По приезде моем на сей фланг я нашел, что некоторые были уже нами уступлены и что мы должны были несколько назад податься. В сем положении я застал вторую армию. Наши дрались отчаянно, неприятель атаковал весьма дерзко, но везде его кавалерия была опрокинута нашими кирасирами, одним словом, сражались с удивительным мужеством и удержали место до ночи, где и ночевали, а в 5 часов немного отступили к Можайску. Не могу представить, как я остался безвреден. Все побито и ранено возле меня...Мы очень много потеряли, но неприятель, я думаю, еще более: взято у него два генерала и много раненых и убитых, как говорят пленные...Ты у меня спрашиваешь, душа моя, остаться ли тебе в Москве. Может быть, бог нам поможет злодея нашего истребить, но, однако же, чтоб ты не подверглась опасности, я советую тебе ехать в деревню, а я при всяком случае буду извещать тебя о себе. Верь, друг мой, что мне нет ничего на свете вас дороже...

Д. А. Апухтин - жене.

28 августа.

Биваки под Можайском у Кожухова

Милый и сердечный друг сердца моего, жизнь моя, мой ангел! Я спешу писать к тебе, что, благодарение богу, жив и здоров. Естли ты услышишь о сражении 27-го числа, то есть вчерашнего дня, я не скрою от тебя, что мы в нем были, но, благодарение всевышнему, все целы ночевали на месте сражения. Еще, кажется, никогда такова сражения не бывало. Невзирая на то, что мы стояли не в деле, а в резерве,- нас два раза в день на разных позициях обсыпало ядрами и в роте Сергея брата двух ратников ранило ядром. Все обстоятельства, кажется, в нашу пользу...Crainte de quelque feusse allarme qui peut arriver fort aisement. Дяде и тетушке скажи, что брат Иван и Михаиле здоровы. С Михаилом и Ермоловым я нынешнюю ночь ночевал, но не видался, потому что мы приехали в главную квартиру - они уже спали, а поутру они уехали - мы еще спали...Двое сутки у нас кроме вотки и простова вина пить было нечего, и я, признаюсь, умирал с жажды, но в главной квартире сегодня поутру в три часа напоил меня чаем Нарышкин Николай Дмитриевич. Это — благодеяние...А впрочем, моя жизнь, моя милая, мой ангел, я тебя и среди тысячи смертей не забываю, боготворю. Всем сердцем и всею душою всюду и везде благословляю душевно...Пока жив - есмь и буду верный муж и друг

Дмитрий Апухтин...

On dit que le roi de Naple Murat est tue....

И тебя, жизнь моя Алексаша, душевно обнимаю. Письма ваши меня утешили. Ты не можешь представить, как я ими порадован. Но желаю, чтобы вы были от всякого вранья избавлены выездом из Москвы. В самой армии мы насчет дел спокойны гораздо [более], нежели вы в Москве....

М. И. Кутузов - жене.

29 августа.

Я, слава богу, здоров, мой друг, и не побит, а выиграл баталию над Бонопартием.

Детям благословение. Верный друг Михаила Г[оленищев]-К[утузов].

М. К. Карасев, **Т. С. Мешков** и другие слуги - **Е. М. Олениной**.

11 октября. Нижний Новгород

Государыня Екатерина Марковна!

Письмо ваше от 28-го сентября мы получили, из которого увидели, что вы изволите беспокоиться о **Павле Алексеевиче**. О его здоровье доносим вам, что ему теперича против прежнего гораздо лучше - он изволит выезжать прогуливаться очень часто. Еще доносим вашему превосходительству, что наши господа были *раскасированы*. **Николай Алексеевич** был во 2-ом батальоне в 4-й роте, а Павел Алексеевич в 3-м батальоне правил должность за адъютанта. Лишь только началось дело у города Можайска при селе Бородине 26-го числа, лошадь была у Павла Алексеевича из крестьянских, которая боялась огнестрельного оружия, а потому и принужден он был отдать ее *Михайле*. Мы стояли тут долгое время, потом пришло повеление, чтобы денщики отошли гораздо дальше, *и мы лишились зрения господ своих*. *Тимофей* был у вьючных лошадей, а я остался у перевязки (где перевязывают раненых), чтобы, по крайней мере, осведомляться о господах. Вдруг стали говорить, что Оленин *оконтузен*. Михайле, бросившись, едва мог найти и увидел стоявших подле него наших полковых подлекарей, и кровь была уже ему отворена. Он едва только дышал и был полумертв. Лекаря меня послали найти какую-нибудь телегу. Телегу я нашел и, привязав кой-как к стремянам, привез ее, но, подъезжая к цепи, нашел, что дирекция переменилась, и мы не знали, где найти раненого. Николай Алексеевич, узнав об этом и не поверя, что братец его оконтузен, а думая, что он убит, плакал крепко и сказал: «Бог разве не велит мне быть в деле? Отмщу врагу за смерть брата моего!» Но вскоре после сих речей ударило ядро и убило Николая Алексеевича, г. **Татищева**-большого и третьего - унтер-офицера. Благодетель ваш Михаил Иванович, узнав, что мертвого потащили, сожалел и плакал. Мы нашли, что его начали хоронить с прочими там, где отведено было место для всех обер-офицеров. Мы стали просить офицера, откомандированного для хоронения, об отдаче нам тела, но он сего не позволял, и мы ходили просить дежурного генерала позволить нам взять тела Николая Алексеевича и г-на Татищева, и он

нам не отказал. Ехав по дороге с телами, нашли мы раненого Павла Алексеевича в перевязке в прежнем положении. По приезде нашем в Можайск сыскали два гроба для Николая Алексеевича и г. Татищева, и священник, отпев их, похоронил по долгу христианскому. При сем случае был и полковник Михаил Иванович, который также ранен в левую руку легкою раню. Он с Павлом Алексеевичем поехал до Москвы и берег его, как сына своего...Как сделалась там тревога и начали выезжать вон, Александр Иванович дал нам коляску и послал человека к крестьянину вашему Коню, нет ли лошадей из села вашего Богородского, который нам и представил тройку. При лошадях был мужик именем Павел, племянник кучера вашего Кузьмы...

Н. М. Карамзин - жене.

29 августа. Москва

...Неприятель в 80 верстах. Мы отступаем. Графиня завтра едет, граф переезжает на Тверскую. Сенат и присутственные места закрываются. Князь Петр наш возвратился из армии и, слава богу, не ранен. ...

Н. И. Лавров - А. А. Аракчееву.

30 августа. Вязьма

...По приезде князя Кутузова армия оживотворилась, ибо прежний [главнокомандующий] с замерзлой душой своей замораживал и чувства всех его подчиненных. Однако же обстоятельства дел, завлекшие так далеко нас внутрь России, принудили и Кутузова сделать несколько отступных маршей, дабы соединиться с резервными силами, и наконец, 26-го числа последовало жесточайшее сражение при с. Бородине, которое продолжалось с 5 часов утра до 7 часов вечера. Бесперывный огонь был смертоносен обеим армиям. Я имел честь командовать гвардиею, которая храбростью, послушанием и порядком заслужила похвалу от всей армии. Всякий сказывал, что она достойна своего наименования и достойна быть охранным войском благосердного нашего монарха. Сей день стоит ей убитыми и ранеными за 3000 человек. После сего жестокого дела ничто не разбрелось в сем знаменитом корпусе, и я стал с ним на биваки, как будто после учения. Словом, милостивейший благодетель, без лести вам скажу, что не воображал такого строгого порядка, какой был наблюдаем во всех сих полках. Менее всех потеряли Семеновский и Преображенский. Господа офицеры показали удивительную неустрашимость и прямо служили примером их подчиненным. Князь Кутузов по просьбе всех старших генералов армии хотел особенное сделать одобрение гвардии к государю императору. Где смерть пожрала столько сынов России, я кое-как уцелел, но проклятые французы истреляли моих верховых лошадей, и я теперь совсем пеш. Биваки расстроили мое здоровье. Если бог даст кончить сию утомительную войну, то минуты в службе не останусь, ибо, правда, никуда не гожусь, стар и слаб. Судя по делам, то через двое суток будет опять жарко...

Н. М. Карамзин - жене.

30 августа. Москва

...Вижу зрелище разительное: тишину ужаса, предвестницу бури. В городе встречаются только обозы с ранеными и гробы с телами убитых. Теперь я видел князя Лобанова, которого участь являться позже для дела, за ним полки рекрут....

И. П. Оденталь - А. Я. Булгакову.

[30 августа]. С.-П[етер]бург, ликующий неизреченно от победы в самый Александров день 1812 /года/

Кидаюсь на Вас мысленно, несравненный мой Александр Яковлевич, обнимаю Вас, прижимаю Вас и поздравляю Вас с победою над страшным, ужасным, лютым врагом. Не имею сил к излиянию на бумаге в сердце Ваше тех радостных чувствований, коими волнуется душа моя. Чего не могу по немощам моим выразить, о том судите по собственным Вашим чувствованиям. Торжествуй, Россия!...

Враг опрокинут, сбит с места, преследуем нашими героями. Сказывают, что до 15 тысяч повалили его разбойников; пленных - множество, а между трофеями есть и пушки. Ну! Михаила Архангел, докатывай! Трудно было тебе токмо сначала расстроить коварного злодея, а теперь мы на тебя как на каменную гору надеемся, что ты его саранчу дотла истребишь. Надобно людей? Так Растопчин даст еще тебе половину дружины своей, чтоб некуда было увильнуть крокодилу.

Я весь трясусь от радости. Ночью не мог от нее спать да также и ничего делать. Спешу, невзирая на слабость, идти в Невскую Лавру, чтоб узреть радужного Александра и быть участником ликующего народа. Сладка будет и смерть в таком торжестве....

Quel homme qu'est le Comte! Non, ce n'est pas un simple mortel.

Обнимаю Вас.

Митя всех гостей встречает резким своим голосом: «Знаете ли, что Кутузов побил французов?»

Н. М. Карамзин - жене.

31 августа. Москва

...Нынешнюю ночь видны были здесь огни нашей армии. Надежды мало. Графиня сию минуту едет в Ярославль...

Неизвестный - родным.

1 сентября.

Любезнейшие родители!

Вы погибли от рук моих. Я ваш убийца! Я не сомневаюсь, что вы теперь, страдая, странствуете по полям или лесам и что село ваше обращено в пепел. Теперь уже поздно к вам отсылать лошадь, она к вам не попадет. Решитесь, любезнейшие, ехать за нами, умрем вместе или с сумой пойдем. Мы завтра поедем все вместе по Касимовке в село Сельну на большой дороге к священнику Киприану, за 60 верст от Москвы. Купите на мой счет лошадь, авось либо как-нибудь пробьемся. Благодетеля моего протоиерея сегодня проводил за 10 верст, он поехал в Володимир, при расстании оба мы пролили реки слез. Засим испрашивая у вас родительского благословения, пребуду всепреданнейший и послушнейший сын *Алексей*.

Сестрицу целую.

Французская армия стоит в 20 верстах от Москвы.

Часть вторая «Кровь на сердце запекается»

И. П. Оденраль - А. Я. Булгакову.

3 сентября. [С.-Петербург]

...Государь еще здесь, и я не слышу более о дне его отъезда к Вам или в другое место.

Кутузов Александров день превратил сего года в П [етер] бурге в светлое Христово воскресенье. Все, поздравляя друг друга с победою, обнимались, лобызались. Не можно описать радости и восторга, которые изображались на всех лицах....Погода была прекрасная. Народу по Невскому проспекту от самого адмиралтейства до монастыря двигалось через целый день такое множество, что английский посол сказал: «Ma foi! en jugeant d'apres cette multitude je n'oserai prononcer, si Londres est plus peuple que Petersbourg». Высочайший именинник был чрезвычайно весел. Он шествие совершал взад и вперед на лошади. Воздух наполнялся восклицаниями народа. Я сам с ним кричал *ура!* ...Знайте также, что я видел несчастных, которые в радостный день стояли в церкви, повеся нос, а после уверяли, что мы преждевременно радуемся. У Вас эдакие мерзавцы составляют невидимое ополчение Злодея, а у нас они гордятся, что могут явно быть ему помощниками. Их, к щастию, теперь не слушают, и потому-то победителя сделали фельдмаршалом, пожаловали ему 100 т. рублей, супруга его возведена в статс-дамы, а племянница Яхонтова - в фрейлины....С тех пор, как Петербург стоит, то не было еще толь радостного Александрова дня, каков он был в прошедшую пятницу....

Наше ополчение в числе 12 тысяч в воскресенье на Исаакиевской площади получило одно знамя. Оно совсем готово и выступает в четверток на Псков. Вероятно, посылают его к герою Витгенштейну, к которому идет из Ревеля и

25-ти тысячный корпус, высаженный из Финляндии. Тут находится и 5 тысяч шведов...

Мы ждем с последним нетерпением известий от нового фельдмаршала. Сказывают, что Злодей отступил токмо на 15 верст. Ах! Кабы подоспел [Тормасов](#), так тотчас бы решились напасть на голодную, но отчаянную сволочь. Ее беспрестанно поят вином. Медленность Кутузова основана на пощаде своих. Он доконает Бонапарте более голодом. Скажите! Какая необходимость лезть на его необъятную артиллерию? Так, несравненный Булгаков! Кутузов победит, Россия избавится, Европа воскреснет. Он задохнется от славы, он умрет от радости. Какой блаженный конец! Для него нет другой награды, кроме бессмертия....

[М. А. Волкова](#) - [В. И. Ланской](#).

3 сентября. [Тамбов]

Здесь мы узнали, что Кутузов застал нашу армию отступающею и остановил ее между Можайском и Гжатском, то есть во ста верстах от Москвы. Из этого прямо видно, что Барклай, ожидая отставки, поспешил сдать французам все, что мог, и если бы имел время, то привел бы Наполеона прямо в Москву. Да простит ему бог, а мы долго не забудем его измены. До сегодняшнего дня мы были в постоянной тревоге, не имея верных известий и не смея верить слухам. У нас дыбом стали волосы от вестей 26 и 27 августа. Прочитав их, я не успела опомниться, выхожу из гостиной - мне навстречу попался человек, которого мы посылали к губернатору, чтобы узнать все подробности. Первая весть, которую я услышала, была о смерти братца [Петра Валуева](#), убитого 26-го. У меня совсем закружилась голова; удивляюсь, как из соседней комнаты не услышали моих рыданий несчастные двоюродные сестры. Дом наш невелик - я выбежала во двор, у меня сделался лихорадочный припадок, дрожь продолжалась с полчаса. Наконец, совладев с собой, я вернулась, жалуясь на головную боль, чтобы не поразить кузин своих грустным лицом. У меня защемило сердце, когда я взглянула на несчастных моих кузин. Они не получали известий от матери - ясно почему. Каждую минуту жду, что кто-нибудь из семьи приедет с горестным известием, больно видеть, как они тревожатся о матери и поминутно молятся за брата. Я не умею притворяться. Для меня невыносимо казаться веселой, когда я смертельно тоскую.

В моем грустном настроении я далеко не благосклонно встретила твои размышления о г-же [Сталь](#). Скажи, что случилось с твоим умом, если можешь ты так интересоваться ею в минуты, когда нам грозит бедствие. Ведь ежели Москва погибнет, все пропало! Бонапарту это хорошо известно; он никогда не считал равными наши обе столицы. Он знает, что в России огромное значение имеет древний город Москва, а блестящий, нарядный Петербург почти то же, что все другие города в государстве. Это неоспоримая истина. Во время всего путешествия нашего, даже здесь, вдалеке от театра войны, нас постоянно окружают крестьяне, спрашивая известий о матушке-Москве. Могу тебя

уверить, что ни один из них не поминал о Питере. Жители Петербурга вместо того, чтобы интересоваться общественными делами, занимаются г-жой Сталь - им я извиняю это заблуждение, они давным-давно впадают из одной ошибки в другую, доказательство - приверженность ваших дам к католицизму. Но ведь твоим, милый друг, редким умом я всегда восхищалась, а ты поддаешься влиянию атмосферы, среди которой живешь! Это меня крайне огорчает. Я этого от тебя не ожидала....

Д. С. Дохтуров - жене.

3 сентября. [Ок. Москвы]

...Я, слава богу, совершенно здоров, но я в отчаянии, что оставляют Москву. Какой ужас! Мы уже по ею сторону столицы. Я прилагаю все старание, чтобы убедить идти врагу навстречу. Бенигсен был того же мнения. Он делал, что мог, чтобы уверить, что единственным средством не уступить столицы было бы встретить неприятеля и сразиться с ним. Но это отважное мнение не могло подействовать на этих малодушных людей - мы отступили через город. Какой стыд для русских покинуть отчизну без малейшего ружейного выстрела и без боя. Я взбешен, но что же делать? Следует покориться, потому что над нами, по-видимому, тяготеет кара божья. Не могу думать иначе. Не проиграв сражения, мы отступили до этого места без малейшего сопротивления. Какой позор! Теперь я уверен, что все кончено, и в таком случае ничто не может удержать меня на службе. После всех неприятностей, трудов, дурного обращения и беспорядков, допущенных по слабости начальников,- после всего этого ничто не заставит меня служить. Я возмущен всем, что творится!...

М. И. Кутузов - жене.

3 сентября. [Ок. Москвы]

Я, мой друг, слава богу, здоров и, как ни тяжело, надеюсь, что бог все исправит. Детям благословение.

Верный друг Михаила Г [оленищев]-Кутузов.

А. А. Меншикова - мужу.

4 сентября. Насурово

Я послала, милый друг, к тебе двух лошадей и письмо, но они назад возвратились сюда. Мы завтра все едем в Тамбов, мне очень грустно. Я об тебе ничего не буду знать. От всего сердца тебя целую, бога ради, давай о себе знать. Маминька посылает свое благословение.

А. М.

Смоленский помещик - приятелю.

4 сентября. [Бельский уезд]

У нас по Вяземскому уезду начался скотский падеж. От моего дома в двадцати верстах пригнали ко французской армии польских 500 быков, они заразили весь скот и сами все подошли. Петербург безопасен - француз армию почти всю растерял. Через Вязьму взад и вперед, к Москве и Смоленску, идут французские войска, но очень мало. На сих днях проводили наших пленных воинов из Москвы чрез Вязьму, в том числе, штаб-и обер-офицеров, из них шестеро явились ко мне, а между ими и один родственник мой. Он сказывал, что дорогой от Москвы слабых без пищи пристрелено 611 человек, и в том числе 4 офицера. Войска французские очень слабы, без пищи, мужики весь хлеб меж собою поделили, а им не дают. Дом мой до сих пор не граблен, и весь Бельский уезд, а впредь богу вестимо, что будет. В хоробах моих три француза были, но чудо невероятное! Десяти лет мальчишка с девкой, которые для меня печь топили, выгнали их оттуда. Мальчишка закричал: «Ребята ж, сюда!» Они бросились в избу к его матери и стали просить хлеба и молока, но в то время наши три солдата, ушедшие из плена, явились в избу, хотели их схватить и вести в Сычевки. Услыша одно имя Сычевок, французы кинулись бежать! Скажу тебе, друг мой, что у нас с первого августа все барыни и господа повыздоровели, не слышать ни об истерике, ни о конвульсиях, а подагра сама без лекарей проходит. У меня родная тетка, лет 77, четвертый год в параличе, без руки и ноги и без языка, а теперь стала ходить, только не говорит. Один управитель у нас по соседству растек было водяною, но французские камердинеры неосторожно донага раздели [его] и привели в движение - воды открылись и сделалось легче. Но вместо россиян французы в Смоленске все издыхают, да и русские, которые к ним прилипли, лежат лоском. Еще скажу тебе анекдот. Майор и кавалер Георгиевский, живущий от меня в 25 верстах, лет 75-ти, стал на пути, где шли французские войска. Они обошлись с ним очень жестоко, а также и с женою его, потом выгнали из дому в избенку, где они и жили, а дом занимали французы. Я сжалился над ними и приказал своему племяннику выкрасть их из дому, что ему и удалось. Теперь этот майор идет в службу и готовится к сражению - не от безумия, а от досады: «Как-де меня могли бить французы!» Жена его упросила племянника не брать в плен живущих у них шести итальянцев и седьмого их попа за то, что они добрые люди....

М. А. Протасова - В. А. Жуковскому.

4 сентября. [Муратова?]

Здравствуй, милый добрый друг наш!

Бог сохранит тебя для нашего благополучия, несносно грустно о тебе, друг милый! Мы молимся очень усердно и беспрестанно, и я крепко надеюсь на милость божью! Ты, верно, возвратишься скоро и совершенно здоров в Муратове. Пиши к нам более. Милые письма твои нам всякий раз больше показывают дружбу твою. Дай господи, чтоб это письмо дошло к тебе, верно, ты бы много утешился. Будь на наш щет совершенно спокоен, мы, несмотря

ни на что, здоровы и только и думаем, что об вас. Теперь неизвестность - совершенный ад. Христос тебя помилует, друг мой....

П. М. Капцевич - А. А. Аракчееву.

6 сентября. Подольск.

Москва уступлена неприятелю 2-го сентября и занята его войсками в 6 часов пополудни. Весь арсенал и прекрасные новые ружья достались неприятелю; мало что ратниками вынесено; ружей, хлеба, сукон и всего нужного для армии довольно осталось. Два магазина с порохом подорваны по распоряжению генерала Милорадовича, и взрывы были с ужасным трясением.

Я командовал десять дней арьергардом под начальством генерала Милорадовича и самый последний позади армии с кавалериею и конною артиллериею удерживал наступление неприятеля и имел несчастье видеть вступающего за мною в город, в котором вопль и слезы каждого россиянина раздирали душу. Много подробностей писать вам, почтеннейший граф, о сем происшествии лишним считаю, но скажу только отличную черту твердости духа Михаила Андреевича Милорадовича среди смятения и присутствия его разума, когда неприятель 2-го сентября сильно наступал с 7 часов утра до 6 вечера на мой арьергард, где генерал Милорадович сам беспрестанно находился и получал известия, что неприятель отрезывает наш арьергард от города, а из Москвы, что стеснение казенных и партикулярных обозов в улицах делает невозможным провести через город войска арьергарда.... Подобные донесения повторялись часто и тогда уже, когда мы были 7 верст от города. Положение арьергарда самое невыгоднейшее - ретироваться под сильною пушечною пальбою и быть отрезану и разбиту от превосходного числа войск, командуемых королем неаполитанским. Надобно было искать средств избегнуть потери нашей и дать время вывезти казенные обозы и часть артиллерии из города. Генерал Милорадович в тесных сих обстоятельствах выдумывает и одною игрою ума и хитростию выигрывает 4 часа времени. Он посылает парламентаря к королю неаполитанскому, наставляет его объявить ему, что черный народ в Москве вооружен и готов защищаться, пушки в Кремле готовы, и каждый из обитателей готов предать пламени дом и всю собственность свою, если неприятель вступит вооруженною рукою. Переговоры сии остановили за 7 верст от города неприятеля, и генерал Милорадович, стремясь продлить оные, выиграл тем 4 часа времени и дал выйти из города множеству обозов. Ответ получен от Мюрата, что ежели мы не начнем делать выстрелы, то и они тоже, что по занятии города обещает устроить благочиние и тишину, в чем ручается честью. С такими условиями вошел наш арьергард в город разом вместе с неприятельским авангардом смешанный, без выстрела. Итак, до 3-го числа, утра до 6 часов мы ничего с неприятелем не имели, а за ночь дали время устроиться и войскам, и множеству обозов. Но видя генерал Милорадович большое неустройство от бесчисленности обывательских и казенных обозов, решился сделать условие с

неприятелем и на 3-е число быть покойными, что принято было со стороны неприятеля охотно. 4-го же числа поутру в 9 часов неприятель начал наступать, и мы за прежнее принялись - ретироваться, а куда, вам, конечно, уже известно.

Армии во все время сего происшествия были 20 верст позади арьергарда. Итак, спасение обозов и устройство к ретираде войск всегда будет обязано выдумке и присутствию разума генерала Милорадовича, под командою которого желаю я еще служить.

26-е число августа вам нечего описывать - это была геенна от 6 часов утра до 9 вечера - 14 часов. Вам уже все должно быть известно.

Вел. кн. Екатерина Павловна - Александру I.

6 сентября. Ярославль

Я не в состоянии больше сдерживаться, несмотря на боль, которую мне придется причинить вам, мой дорогой друг. Взятие Москвы довело ожесточение умов до высшей степени. Недовольство достигло предела, не щадят даже вас лично. По тому, что дошло до меня, можете судить об остальном. Вас во всеуслышание винят в несчастье вашей империи, в крушении всего и вся, наконец, в том, что вы уронили честь страны и свою собственную.

И не какая-нибудь группа лиц, но все единодушно вас хулят. Помимо того, что говорится о характере войны, которую мы ведем, одним из главных обвинений против вас стало то, что вы нарушили слово, данное вами Москве. Она ожидала вас с крайним нетерпением, но вы с пренебрежением бросили ее. Создается впечатление, что вы ее предали. Только не подумайте, что грозит катастрофа в революционном духе, нет! Но я предоставляю вам самим судить о положении вещей в стране, где презирают своего вождя. Ради спасения чести можно отважиться на все, что угодно, но при всем стремлении пожертвовать всем ради своей родины возникает вопрос: куда же нас вели, когда все разгромлено и осквернено из-за глупости наших вождей? К счастью, мысль о мире не стала всеобщей. Совсем напротив, помимо чувства унижения, потеря Москвы возбудила и жажду мщения.

На вас открыто ропщут, и я полагаю, что обязана вам это сказать, мой дорогой друг, ибо это слишком важно. Вам не следует указывать мне на то, что все это не по моей части - лучше спасайте вашу честь, подвергающуюся нападкам. Ваше присутствие [в армии] может вернуть вам симпатии, не пренебрегайте никаким средством и не думайте, что я преувеличиваю: нет, к несчастью, я говорю истинно. Сердце обливается кровью у той, которая стольким вам обязана и желала бы ценой тысячи своих жизней вырвать вас из положения, в котором вы оказались.

Н. Н. Мордвинова - С. Н. Корсакову.

9 сентября. Пенза

Любезный братец, вы вошли в [военную] службу, будете подвержены опасностям - о, сколь сия мысль нас тревожит и тем паче, что, зная, с каким жаром вы пылаете к любезному Отечеству нашему, боюсь, любезный братец, что вы, пренебрег [ши] всякие осторожности, ни жертвовали собою без нужды. Вспомните, друг наш, любезнейший братец, вы у нас один, что потеря вас для нас будет такая, что никогда и ничто на свете не может вознаградить. Вообразите себе печаль, в какую вы нас погрузите - о, ежели б я могла вам изъяснить то, что я чувствую! Знаю, что первый долг гражданина и сына Отечества - защищать его и не пощадить последнюю каплю крови своей для пользы его, и тот, который, видя пользу, которую принесет смертью своею, и поколеблется; тот, который, видя несчастных и слабых, и не будет их покровителем, который в страшную минуту обратится в бегство, которого дух трусости объемлет, который предпочтет слабую жизнь свою Отечеству,- тот не только гнусен вам, любезный братец, но и всякой слабой женщине. Тот, который не вспомнит, что идет за спасение отца, мат [ери], брата, государя своего, тот недостойн быть семьянином. Но благодарим бога, наш братец - не стыд, а слава нашему семейству; не подкреплять нужно дух его, но напротив, удерживать в стремлении. Им мы гордимся, и [он] наше составляет спокойствие, исполнен рвением, любовью горит к Отечеству. Но ради самой этой любви к Отечеству, ради взаимной любви нашей, любезный братец, поберегите себя. Вспомните об нас всех и обещайте нам не вдаваться без нужды в опасность. Ради нас оцените вашу жизнь, для нас драгоценную и для всех, которых вы знаете. Вспомните, что редкими вашими качествами вы не только можете услужить самому себе, но многим. Услуга Отечеству не есть единое пылкое желание и жертва самого себя, но добро, кое воспоследует. Прости, любезный братец, мои рассуждения. Может быть, не то я вам сказала, что нужно, не знаю, так ли изъяснилась, но надеюсь на любезного братца, что он меня пощадит. Скажите нам подробнее, что намерены вы делать, где вы живете, в каком доме, с кем, скажите нам все, что до вас касается. Берегите ваше здоровье, будьте, сколь можно, спокойны - мы, слава богу, все здоровы, здешний климат прославился для здоровья, болезни очень редко бывают. Несколько дней тому здесь был чрезвычайный холод и ветры, за 20 верст от города снег был до колена, но теперь все утихло и стало довольно тепло....

Не поверите, сколь мы все желаем с вами, со всеми нашими друзьями увидеться! Мне кажется, мы тысячу раз от вас далее, чем вподинно, хотя, правда, далеко улетели, и время... О, кажется век прошел с нашей разлуки! Прощайте, любезный братец, сегодня ожидаю от вас письма, но почта еще не пришла. Папилька едет в гости и берет письма. Прощайте на сем.

Вас многолюбящая Н. М.

И. Б. Пестель - сыну.

10 сентября. С.-Петербург

...Брат графа Аракчеева, находившийся подле князя Багратиона (адъютант его величества государя императора), прибывший сюда, рассказывал, что слышал, как говорили о раненых, которых он называл даже поименно, и что ты убит или, по крайней мере, тяжело ранен. Граф Аракчеев, который мне постоянно оказывал искреннюю дружбу, тотчас же написал мне и просил меня придти к нему, потому что ему нужно поговорить со мной. Когда я явился к нему, он мне сказал, что не приехал ко мне сам, потому что опасался, как бы твоя мать не догадалась о том, что он должен был сказать мне. В то же время он представил мне своего брата, который совсем грубо объявил мне это ужасное известие. Не могу выразить тебе, дитя мое, какое действие произвело на меня это ужасное известие. Не дай тебе бог испытать когда-либо в жизни то, что чувствовал я в продолжение трех дней, пока находился в этой страшной неизвестности. В надежде, что, может быть, ты только ранен и что всех раненых офицеров отправляют в Москву, я не мог ничего другого сделать, как поспешить воспользоваться любезным предложением графа Аракчеева послать тебе письмо в Москву. Так как все наши уже оставили Москву и так как я даже не знал, кто из всех моих знакомых находится в Москве, я решил написать московскому гражданскому губернатору [Обрескову](#) и послать ему *последнюю* тысячу рублей, которая была у меня, и просить его передать ее тебе, принять тебя под свою защиту и позаботиться о тебе как можно лучше. И вдруг 7 числа сего месяца граф Аракчеев пишет мне записку..., в которой удостоверяет меня не только о том, что ты жив, но что ты не был даже и ранен. Посуди, дитя мое, с какой радостью читал я эту записку. Вот тогда я пошел к твоей матери, чтобы ее успокоить, потому что она очень и очень страдала, не имея от тебя никаких известий после знаменитого сражения 26 числа прошлого месяца, которое, по уверению всех, было самое кровопролитное из когда-либо бывших....

М. Б. Барклай-де-Толли - жене.

11 сентября. Красная Пахра

Только что я узнал, что будет надежная оказия в Петербург (ибо я никогда не узнаю об отправке курьера, да и не связываюсь с жалкими людьми, в руках которых находится теперь управление армиями), и я пользуюсь ею, чтобы сообщить тебе, что у меня нового.

Я с нетерпением ожидаю разрешения отсюда уехать. Наши дела приняли здесь в настоящее время такой оборот, что мы можем надеяться счастливо и с почетом окончить войну, но действовать следует совершенно иначе и с большей активностью. Меня нельзя упрекнуть в безучастности, потому что я всегда откровенно высказывал свое мнение, но меня явно избегают и многое скрывают от меня. Чем бы дело ни кончилось, я всегда буду убежден, что я делал все необходимое для сохранения государства, и если у его величества

еще есть армия, способная угрожать врагу разгромом, то это моя заслуга. После многочисленных кровопролитных сражений, которыми я на каждом шагу задерживал врага и нанес ему ощутимые потери, я передал армию князю Кутузову, когда он принял командование, в таком состоянии, что она могла помериться силами со сколь угодно мощным врагом. Я ее передал ему в ту минуту, когда я был исполнен самой твердой решимости ожидать на превосходной позиции атаку врага, и я был уверен, что отобью ее. Я не знаю, почему мы отступили с этой позиции и таскаемся, как дети Израиля в пустыне. Если в Бородинском сражении армия не была полностью и окончательно разбита - это моя заслуга, и убеждение в этом будет служить мне утешением до последней минуты жизни.

Все, что я тебе здесь написал,- тайна, которую я прошу тебя крепко хранить. Единственная милость, которую я добиваюсь, заключается в том, чтобы меня отсюда отпустили, а уж в какой форме это будет сделано - мне совершенно безразлично.

Ф. В. Ростопчин—П. А. Толстому.

13 сентября. Пахра, 35 верст от Москвы

Сколь ни тяжело мне писать к вам, почтенный граф, но я хочу известить вас о предании Москвы и о бедственном положении армии нашей. Князь Кутузов обещал мне в десяти письмах, что он Москву защищать будет и что с судьбою сего города сопряжена судьба и России, [и] дал 26-го при Бородине баталию. Бонапарт атаковал всю нашу позицию с 5 часов утра до 7 часов вечера и был отбит так, что обозы отправились назад. Мы потеряли убитыми и ранеными 17 генералов, до 20 тысяч рядовых и на другой день 10 тысяч мародеров. Неприятелю этот день стоит близ 30 тысяч убитых и раненых, 29 генералов, по их письмам, *mis hors de comptant*. Мы у них взяли 10 пушек, они у нас - 18. С сим известием отправлен курьер в Петербург с места сражения, и Кутузов - фельдмаршал. Мы остались на месте, но ночью пошли назад. Бенигсен искал новых позиций и привел армию на Поклонную гору. Тут я виделся с Кутузовым, который повторил мне, что он дает баталию. Я возвратился в город и занимался ранеными, коих число в беспорядке пришедших было до 28 000 человек и при них - несколько тысяч здоровых. Это шло разбивать кабаки (в них вина уже не было) и красть по домам. В 8 часов вечера я получил от Кутузова письмо следующего содержания:

«Получа достоверное известие, что неприятель отрядил два корпуса по 20 тысяч на Боровскую и Звенигородскую дорогу, и находя позицию мою недовольно выгодною, с крайним прискорбием решил оставить Москву. Прошу вас прислать мне скорее проводников - вести войска чрез Калужскую и Драгомиловскую заставы во Владимирскую и Коломенскую» .

Тут мне оставалось вот еще что сделать. Важное, нужное и драгоценное все уже отправлено было, но должно было потопить оставшийся порох 6 000 пуд,

выпустить в магазине 730 000 ведер вина, отправить пожарные, полицейские и прочие команды, гарнизонный полк и еще два, пришедшие к 6 часам утра. Все сие сделано было. Войска наши вышли в беспорядке, и если бы злодей послал три полка кавалерии, то бы вся артиллерия ему досталась. [Мюрат](#) шел по Арбату, и мужик, выстрелив по нем из окна, ранил [какого-то] полковника. Вечеру загорелись лавки и лабазы близ Кремля. На другой день во многих местах загорелся город и при сильном ветре, продолжаясь три дня, огонь истребил 5/6 частей города. Церкви разграблены, и в соборе стоит эскадрон кавалерии. Что Кутузов не хотел защищать Москвы, сему доказательство то, что 29-го послано повеление отправить провиант во Владимир, а Бонапарт накануне своего входа отдал [распоряжение] в приказе, какому полку быть на карауле. Теперь, пройдя четыре дороги поперек, мы стали на старой Кулужской в 35 верстах, ничего не делаем, не знаем, что и неприятель делает, а одна лишь партия в 1200 человек на Можайской дороге взяла в 36 часов 1300 человек пленными, курьера и два транспорта из Смоленска. В письмах из армии неприятельской, захваченных с курьером, все говорят, что грабежу не было, что все вывезено, вина нет и провианта лишь на 8 дней. Кутузова никто не видит. [Кайсаров](#) за него подписывает, а [Кудашев](#) всем распоряжает. Бенигсен надеется быть главнокомандующим. Барклай советовал оставить Москву, чтобы спасти армию, полагая, что сим загладит потерю Смоленска. Армия в летних панталонах, измучена, без духа и вся в грабеже. В глазах генералов жгут и разбивают [дома] офицеры с солдатами. Вчера два преображенца грабили церковь. По 5 000 человек в день расстреливать невозможно. Регулярного войска из Калуги и от [Лобанова](#) прибыло до 27 000 человек. Мы стоим, что будет - никто не знает. Настоящее бедственно, но будущее ужасно, хотя неприятель и должен здесь погибнуть и не выйти из России.

Вам преданный граф Ф. *Ростопчин*.

[Н. М. Лонгинов](#) - [С. Р. Воронцову](#).

13 сентября. С.-Петербург

...Письмо сие назначая для вас единственно или для немногих, коим, ваше сиятельство, сообщить заблагорассудите, я почитаю за лучшее писать оное по-русски, дабы любопытное око иностранцев не могло проникнуть содержание оногo. Коль скоро правительство составлено из частей, несогласных между собою, нельзя ожидать, чтобы оногo могло поддерживать себя иначе как интригами, а сии, распространяясь повсюду, наполняют все места, зависящие от оногo. Таким образом, стоит только упомянуть имена министров наших, чтобы все понять и всех [о] ценить как должно.

Граф [Румянцев](#) один, можно сказать, наибольшее имел влияние на все меры правительства, если не куплен Францией, то из единственной в своем роде глупости и неспособности. [Он] всегда так действовал, как бы на жалованьи у Бонапарте, до того, что если бывали когда минуты доброго расположения

государя к доброму делу, то оно не иначе исполнялось как мимо его. При всем том он вообразил и заставил многих о себе думать, что он - [Макиавель](#), хотя голова его нимало не похожа на сего умного софиста в политике...

[Козодавлев](#), министр внутренних дел, есть его креатура, подлеший из подлецов, знающий порядок и течение обыкновенных дел и ничего никогда не значивший.... Много препятствовал сближению России с Англиею и постоянно показывал себя врагом последней. Сей глупый, впрочем, педант никакого никогда влияния [и] даже понятия о политической системе нашей, если то можно назвать системою, не имел. ..

Барклай, выведенный из ничтожества Аракчеевым, который думал им управлять, как секретарем, когда вся армия возненавидела его самого, показал, однако же, характер, коего. А. не ожидал, и с самого начала взял всю власть и могущество, которые А. думал себе одному навсегда присвоить, но ошибся, присвоив их месту, а не себе, и Барклай ни на шаг не упустил ему, когда вступил в министерство. Я почитаю, сколько могу судить, что Барклай есть честный тяжелый немец с характером и познаниями, кои, однако ж, недостаточны для министра. Притом, не имея ни связей, ни могущих друзей, он один стоял против всех бурь, пока, наконец, [Ольденбургская](#) фамилия и [Сперанский](#), как утверждают, приняли его в покровительство. ..

Б[алашов], полиции министр, другого ремесла ввек не имел как шпионство, быв долго в Москве и здесь полицмейстером. Подлой должности и поручить нельзя как душе подлой, которой никто не мог себя вверить или вступить с ним в связь. Он много делал зла, добра - немногим, а в политике ничего не смыслит...

Дмитриев, пиита, человек прямой и честный, немного мартинист, шел своею дорогою, не входя в большие связи, кроме с старинным приятелем Балашовым и с [Разумовским](#), с прочими он мало знался и делал одни свои дела.

Министерство, так составленное, не могло почти действовать. Для него надобна была душа. Нашлась она в [Сперанском](#), к несчастью России...

Описав, таким образом, корень всего зла, можно удобнее приступить к отраслям, кои не меньше имели влияния на нашу армию. Некто [Фуль](#), который принят из Пруссии в нашу службу генерал-майором, был творцом нашего плана войны. Человек сей имеет большие математические сведения, но есть не иное как немецкий педант и совершенно имеет вид пошлого дурака. Он самый начертал план Иенской баталии и разрушения Пруссии.... Многие не без причины почитают его шпионом и изменником. Кто и как его сюда выписал - неизвестно, только он после Тильзита здесь очутился. О плане его и говорить нет нужды - он был слишком виден по всем происшествиям войны. Барклай, исполнитель оного, немец в душе, привлекший ненависть всех русских генералов, у коих он был недавно в команде, соединяющий гордость с грубостью, положил за правило никого не видеть и не допускать [к себе].... Солдаты главнокомандующего не видели и не знали, кроме [как] в деле

против неприятеля, где он всегда оказывал много храбрости и присутствия духа. Но все, что касалось до распоряжений прежде и после дела при непрерывном отступлении после успехов, казалось непонятным, а о движениях неприятеля не иначе узнавали, как когда оные были уже произведены в действо, тогда как наши казались ему известными. До Смоленска винить Барклая нельзя (он исполнял предписанный план), но после Смоленска, когда предписано [было] ему действовать наступательно и он имел к тому способы, одержав значущий успех, отразив неприятеля, оправдать его трудно, тем более что большая часть генералов доказали ему возможность удержать позицию, которая одна могла закрыть Москву. Многие поставляют его на одной доске с [Сперанским](#), но несправедливо, кажется....

Князь Багратион, хотя и неуч, но опытный воин и всеми любим в армии, повиновался, но весьма неохотно Барклаю, который его моложе, хотя и министр. Впрочем, он долг свой исполнил и соединился с ним, несмотря на все препятствия и трудности. После Смоленска он писал государю, что он готов повиноваться даже и Барклаю, но что сей командовать не способен, и все солдаты ропщут. Изнурили их напрасно, половину растеряли для того, чтобы Москву и знатную часть России разорить, тогда как свежими еще войсками в начале можно было неприятеля остановить. Государь сам был свидетелем, когда в бытность его в Видзах корпус гр. [Шувалова](#) (ныне графа [Остермана-Толстого](#)) почти громко закричал «измена!» По рапорту о сем графа Шувалова, его сменили, а план по-старому продолжали исполнять, пока нашли, что не по нашему, а по своему плану неприятель действует. В Дриссе узнали, что неприятель устремился на Смоленск, в военном совете положено туда [же] идти. Государь потерял голову и узнал, что война не есть его ремесло, но все не переставал во все входить и всему мешать. Граф Аракчеев уговорил его ехать в Багратионову армию с собою. Лишь коляски тронулись с места, он велел ехать в Смоленск, а не в Витебск и объявил ему, что ему должно ехать в Смоленск и Москву учредить новые силы, а что в армии присутствие его не только вредно, но даже опасно. Говорят, что Аракчеев взялся быть исполнителем общего желания всех генералов.... Ненависть в войске до того возросла, что если бы государь не уехал, неизвестно, чем все сие кончилось бы.

Вся публика кричала Кутузова послать. Кутузов был здесь и трактован как всякий офицер, несмотря на прошлую кампанию и на мир с турками, о коих даже и слова не сказано ему по приезде государя, пока, наконец, он сам не стал требовать объяснения, дурно, хорошо ли он сделал, и что он желает знать мнение государя. Тут и сторговались с ним выбрать княжеский титул или жене портрет! Наконец, когда дело зашло и за Смоленск - нечего делать, надобно послать Кутузова поправить то, что уже близко к разрушению. Увы! Москва не спасена, несмотря на 26 августа, стоившее нам до 30 000 героев! ..Бог знает, что вперед случится....

Ваше сиятельство еще до получения сего узнаете о вступлении французов в

Москву. Сие случилось вследствие военного совета, который был созван и в коем Бениксен и Коновницын, генерал-лейтенант, предлагали защищать Москву, прочие все были [за то, чтобы] оставить оную, в том числе и князь Кутузов, несмотря на то, что при отъезде отсюда и по прибытии в армию он объявил, что неприятель не иначе вступит в сию древнюю столицу как по его мертвому трупу. Видно, были важные причины, кои заставили отступить и не произвести в действие первоначального плана защищать ее, как Сарагоссу. Если то справедливо, что сначала Кутузов отступил 15 верст по Рязанской и Тульской дороге, а теперь опять левым крылом занял Можайск, то может статься, что неприятель обойден и должен выйти [из Москвы], чтобы открыть себе путь, ибо Нижегородская, Ярославская, Костромская, Владимирская и другие милиции могут ему попрепятствовать идти далее со всеми силами, особливо имея в тылу целую армию, недавно сражавшуюся с успехом под Можайском и усиленную корпусом вновь сформированных войск под командою князя [Лобанова](#) и милициями. С другой стороны, корпус отдельный бар. [Винценгерода](#) находится около Клина до 28 000 человек, прикрывая Ярославскую и Тверскую дороги и посылая отряды на Волоколамск. Многие письма, кои я сам видел, полагают, что дела наши чрез отдачу Москвы много выиграли, но кроме того, что почти невозможно преградить совершенно путь армии до 200 000 простирающейся, зло (морально судя) потери столицы есть пятно для чести народной и может произвести в народе печальные следствия, если дух начнет упадать и жар простынет. Чтобы предупредить сии пагубные последствия, надобно немедленно действовать наступательно. Надеюсь, что князь Кутузов сего не упустит, но с 4-го числа известий от него нет.

Вооруженный московский народ, который [графом Ростопчиным](#) удивительно был электризован под именем клича, вышел с ним в числе 63 000 человек и соединился с армиею, унеся с собою запасов сколько возможно. Прочие все [запасы] истреблены или вывезены заблаговременно так [же], как и наши раненые и больные, которых было до 11 000 человек. Все войска, регулярные и нерегулярные, кои должны быть ныне с Кутузовым, полагают в 225000 человек. [Тормасов](#) и [Чичагов](#) получили повеления действовать немедленно на Смоленск.

Все сие, если не замешкается, будет иметь важные следствия, но если станут долго откладывать, [то это] может быть только для будущего полезно, так [же], как и шведская высадка и занятие Мадрита [Веллингтоном](#). Нам же теперь настает нужда в действиях немедленных, каковых спасение России и Европы требует...

Если бы с [самого] начала дали команду Кутузову или посоветовались с ним, [то] и Москва была бы цела, и дела шли бы иначе, но предубеждения противу него с австрийской кампании, где он, впрочем, нимало не виновен, доселе остались непреклонными. Даже когда Отечество стало на краю гибели, государь даже и не начинал говорить с ним про войну. Кутузов [сам] почел обязанностию говорить о том и доказал, что план [[Фуля](#)] был самый

необдуманный и войска были расположены не по военным правилам, а более похоже на кордон противу чумы. Хотя и поздно принялись за него, но, по крайней мере, надежда остается, что Отечество не погибнет и что почтенный сей старик и военными способностями, и опытностию, и именем своим может спасти и поправить дела. Что до Москвы, знающие положение мест и войск доказали, что, отдавши Смоленск, ее удерживать было бы безрассудно. С часу на час ожидаем теперь о случившемся в армии с 4-го числа известий. Они должны быть важны и решительны. Одно к утешению нам остается, что государь и не думает о мире и решился никаких предложений не принимать, хотя бы дело дошло до Казани и Архангельска. Вчера императрица, говоря о слухах, рассеваемых злонамеренными людьми насчет мира, именно мне поручила, если о том будет речь при мне, противуречить и позволила даже на нее ссылаться. Не меньше тому доказательством и то служит, что, с получением вестей о занятии Москвы, укладка архивов и пр. продолжается во всех департаментах правительства и других казенных местах. Кажется, сие совершается напрасно, ибо нельзя думать, чтобы неприятель решился сюда идти, разве несчастье довело бы нас потерять всю армию без остатка, чего при помощи бога случиться не должно и не может....

P. S. Я забыл упомянуть, что генерал [Бениксен](#) находился в армии во все время при государе или, что называлось, *при особе Его Величества*. Сие новое звание сделано для него, [Аракчеева](#), [Армфельта](#), [Чичагова](#), в которое и [Зубов](#) попал в Вильне уже. Это был род военного совета, которого не слушались и спрашивали только в крайности и без намерения следовать мнению его. Бениксен играл ролю, которая, я думаю, удивляла его и совсем не была приятною. Вообще, странно советоваться в исполнении плана с теми людьми, кои в составлении оногo не участвовали. По отъезде государя из армии поведено Барклаю и Багратиону во всем советоваться с Бениксеном и действовать с *его согласия*, но не *по его приказаниям*, то есть он был род дядьки без всякой власти. Бениксен, несмотря на болезнь свою, выполнил сие желание, остался в армии, хотя ни тот, ни другой из главнокомандующих его не спрашивали. После смоленских несчастий государь предлагал ему главное начальство, от чего он отказался по двум причинам, кои делают ему честь. Первое, что он не в силах ни физически, ни морально принять на себя толь великое бремя, зная, что есть человек способнее его, второе, что для русских войск надобно русского начальника, особливо в такое время, когда нужно их одушевить и ободрить. Кутузов, по мнению его, соединял все таковые качества с известными ему способностями, почему [[Беннигсен](#)] и объявил, что он охотно под ним служить будет. Пока сие происходило, роптание в войсках до того усилилось, что он почел нужным и благопристойным удалиться в Вязьму, а при отступлении из Дорогобужа войска почти взбунтовались и громогласно требовали Бениксена. Сие побудило его оставить в Вязьме экипажи и поскорее далее удалиться.

Князь Кутузов нашел его близ Торжка, и таким образом оба сии генералы и старинные друзья возвратились в армию и нашли ее уже в Гжати. Бениксен

теперь есть первый по главнокомандующем и генерал-квартирмейстер всех действующих армий. Здесь немцы кричали за [Палена](#), но к чести Бениксена он был пружиною, что русским русского дали начальника, хотя сам - немец. Теперь немцы опять вопят Палена с тех пор, как Москва потеряна....

Что я не ошибся, полагая потерю нашу в вечных отступлениях, видно будет из того, что Барклаева армия состояла из 135000 человек и Багратионова из 65 000, а в Дорогобуже сочлось обеих вместе 84 000. Где прочие девались? Без сомнения, ни убиты, ни все в плен взяты, а растеряны по дороге больными, ранеными, усталыми, кои к ним не возвратились. Неприятель столько же терял, но все к нему возвращались, так как он шел вперед, а мы отступали. Не лучше ли было пожертвовать половиною сей потерянной армии в деле, когда она была полна и дышала мщением и жаром сразиться с неприятелем? Если бы корпус Милорадовича, вновь сформированный, и московская милиция не подошли к Можайску, то не было [бы] с чем сражение дать неприятелю, который имел 160000, по крайней мере, и весьма вероятно, что вся армия наша была бы истреблена, не видав даже Москвы. Вот в каком положении были дела. Слава богу, что надежда не потеряна к поправлению. Кутузов, [Строгонов](#), сам Бениксен, хотя и был противного мнения, пишут, что отдачею Москвы ничего не потеряно, напротив, Строгонов говорит, что неприятель от сего обмана должен понести такую потерю, какой он не воображает. Дай бог! Отперли ворота - коли удастся запереть, сомнения нет, что ему худо будет. Но я не вещественного, а морального зла боюсь, как выше упомянул....

Я мог во многом ошибиться, но описал все, что знаю.

М. И. Кутузов - дочери.

15 сентября. В 35 верстах от Москвы

Мой друг Парашинька, я вас никогда не забывал и недавно к вам отправил куриера. Теперь и впредь, надеюсь, в Данкове безопасно. А ежели бы [французы] приблизились, на что еще никаких видимостей нет, тогда можно вить далее уехать.

Я баталию выиграл прежде Москвы, но надобно сберечь армию, и она целехонька. Скоро все наши армии, то есть [Тормасов](#), [Чичагов](#), [Витхенштейн](#) и еще другие, станут действовать к одной цели, и [Наполеон](#) долго в Москве не пробудет. Боже вас всех благослови.

Верный друг Михаила Г [оленищев} -Ку [тузов].

М. В. Акнов - И. Я. Неелову.

15 сентября. [Тверь]

Милостивый государь Иван Яковлевич!

Новостей никаких, как тол[ь]ко вчерась говорили, что наш город Тверь от нашествия неприятельского обезопасен....Дай-то господи, чтоб возымет

таковую божескую милость.

Вчера конвойный, который из-под Москвы привел новых пленных, 3 офицеров и 87 рядовых, говорил, что неприятелем сожжено уже пол-Москвы ви[н]ой его напряжения к разорению России. На ночь выезжают французы из Москвы, а на день въезжают...

Е. Н. Давыдова - А. Н. Самойлову.

17 сентября. М. Каменка

Сейчас мой казначей возвратился из Кременчуга. Читал копию с письма, присланного... из Москвы в Кременчуг к [Пономареву](#), что французы с 26-го числа августа по 1-е сентября ежедневно продолжали сражение, и французы уже отретировались от Можайска. Не пошлешь ли ты, мой друг, к Пономареву, чтобы узнать пообстоятельнее....

М. А. Волкова - В. И. Ланской.

17 сентября. [Тамбов]

Что сказать тебе, с чего начать? Надо придумать новые выражения, чтобы изобразить, что мы выстрадали в последние две недели. Мне известны твои чувства, твой образ мыслей; я убеждена, что судьба Москвы произвела на тебя глубокое впечатление, но не могут твои чувства равняться с чувствами лиц, живших в нашем родном городе в последнее время перед его падением, видевших его постепенное разрушение, и наконец, гибель от адского могущества чудовищ, наполняющих наше несчастное отечество. Как я ни ободряла себя, как ни старалась сохранить твердость посреди несчастий, ища прибежища в боге, но горе взяло верх: узнав о судьбе Москвы, я пролежала три дня в постели, не будучи в состоянии ни о чем думать и ничем заниматься. Окружающие не могли поддержать меня, как я предвидела - удар на всех одинаково подействовал, на лица всех сословий, всех возрастов, всевозможных губерний, произвел ужасное впечатление. Известие о битве под Можайском окончательно сразило нас, и с этих пор ни одна радостная весть не оживляла нас. До сих пор нам еще неизвестны все жертвы 26-го августа. Нам назвали [Валуева](#), [Корсакова](#)-старшего и [Кутайсова](#). Пока не предвижу возможности получать здесь новости и прошу тебя, если получишь мое письмо, сообщи мне как можно более сведений об убитых и раненых. Сообщения с Москвой прерваны, не знаем, откуда получать известия, к кому обратиться. События так быстро сменяются, мы даже не знаем, что случилось с лицами, которых мы оставили в Москве. Надо полагать, что вам известно более, чем нам, вы должны знать хотя [бы] число убитых. В положении, в котором мы находимся, смерть не есть большое зло, и если не должно желать ее ни себе, ни другим, [то], по крайней мере, не следует слишком сожалеть о тех, кого бог к себе призывает: они умирают, исполняя самый священный долг, защищая свое отечество и правое дело, чем заслуживают благословение божие. Я стараюсь проникнуться этим чувством, а равно и внушить его моим

бедным кузинам Валуевым.

Тамбов битком набит. Каждый день прибывают новые лица. Несмотря на это, жизнь здесь очень дешева. Если не случится непредвиденных событий и обстоятельства нам позволят сидеть спокойно, мы проведем зиму в теплом и чистом домике. В прежнее время мы бы нашли его очень жалким, а теперь довольствуемся им. Кроме нашего семейства, здесь находятся [Разумовские](#), [Щукины](#), кн. [Меншикова](#) и [Каверины](#). Есть много других москвичей, которых мало или почти вовсе не знаем. Все такие грустные и убитые, что я стараюсь ни с кем не видаться - с меня достаточно и своего горя.

Меня тревожит участь прислуги, оставшейся в доме нашем в Москве, дабы сберечь хотя [бы] что-нибудь из вещей, которых там тысяч на тридцать. Никто из нас не заботится о денежных потерях, как бы велики они ни были, но мы не будем покойны, пока не узнаем, что люди наши как в Москве, так и в Высоком остались целы и невредимы. Когда я думаю серьезно о бедствиях, причиненных нам этой несчастной французской нацией, я вижу во всем божью справедливость. Французам обязаны мы развратом. Подражая им, мы приняли их пороки, заблуждения, в скверных книгах их мы почерпнули все дурное. Они отвергли веру в бога, не признают власти, и мы, рабски подражая им, приняли их ужасные правила, чванясь нашим сходством с ними, а они и себя, и всех своих последователей влекут в бездну. Не справедливо ли, что где нашли мы соблазн, там претерпим и наказание? Одно пугает меня - это то, что несчастья не служат нам уроком. Несмотря на все, что делает господь, чтобы обратить нас к себе, мы противимся и пребываем в ожесточении сердечном.

[Александр I - вел. кн. Екатерине Павловне.](#)

18 сентября. С.-Петербург

Вот вам, дорогой друг, мой обстоятельный ответ, который я должен вам дать.

Нечего удивляться, когда на человека, постигнутого несчастьем, нападают и терзают его. Я никогда не обманывал себя на этот счет и знал, что со мною поступят так же, чуть судьба перестанет мне благоприятствовать. Мне суждено, быть может, лишиться даже друзей, на которых больше всего я рассчитывал. Все это, к несчастью, в порядке вещей в здешнем мире!

Мне всегда претило, а особенно при несчастье, утомлять кого бы то ни было подробностями о себе самом, но по моей к вам искренней привязанности, я делаю над собой усилие и изложу вам дела в том виде, как они мне представляются.

Что лучше, чем руководствоваться своими убеждениями? Именно они заставили меня назначить Барклая главнокомандующим 1-ой армией за его заслуги в прошлых войнах против французов и шведов. Именно они говорят мне, что он превосходит Багратиона в знаниях. Грубые ошибки, сделанные сим последним в этой кампании и бывшие отчасти причиной наших неудач, только подкрепили меня в этом убеждении, при котором меньше, чем когда-

либо, я мог считать его способным быть во главе обеих армий, соединившихся под Смоленском. Хотя я не вынес большого удовлетворения и от того немногого, что выказал в мое присутствие Барклай, но все же считаю его менее несведующим в стратегии, чем Багратион, который ничего в ней не смыслит....

В Петербурге я нашел всех за назначение главнокомандующим старика Кутузова - к этому взывали все. Так как я знаю Кутузова, то я противился сначала его назначению, но когда Ростопчин в своем письме ко мне от 5 августа известил меня, что и в Москве все за Кутузова, не считая ни Барклая, ни Багратиона годными для главного начальства, и когда Барклай, как нарочно, делал глупость за глупостью под Смоленском, мне не оставалось ничего иного, как уступить общему желанию - и я назначил Кутузова. И в настоящую еще минуту я думаю, что при обстоятельствах, в которых мы находились, мне нельзя было не выбрать из трех генералов, одинаково мало подходящих в главнокомандующие, того, за которого были все...

После того, что я пожертвовал для пользы моим самолюбием, оставив армию, где полагали, что я приношу вред, снимая с генералов всякую ответственность, что я не внушаю войскам никакого доверия и поставленными мне в вину поражениями делаю их еще более прискорбными, чем те, которые приписали бы генералам,- судите сами, мой добрый друг, как мне должно быть мучительно слышать, что моя честь подвергается нападкам. Ведь я поступил, как того желали, покидая армию, тогда как сам только того и хотел, чтобы с армией оставаться. До назначения Кутузова я твердо решил вернуться к ней, а отказался от этого намерения лишь после этого назначения, отчасти по воспоминанию, что произошло при Аустерлице из-за лживого характера Кутузова, отчасти следуя вашим собственным советам и советам многих других, одного с вами мнения...

Я вернулся в Петербург с 21-го на 22-е [августа]. Предположив, что я выехал бы на другой же день, я прибыл бы в Москву только 26-го, в день битвы, а следовательно, я не имел бы даже возможности предотвратить гибельное отступление, сделанное в ночь после сражения и погубившее все. Судите, чем бы я был тогда в Москве? Не сделали ли бы меня одного ответственным за все события, происшедшие от этого отступления, раз я был так близко (и это было бы справедливо). А между тем мог ли я помешать случившемуся, когда пренебрегли воспользоваться победой и потеряли благоприятную минуту? Я, значит, приехал бы для того только, чтобы на меня легла тяжесть позора, до которого довели другие?

Напротив, мое намерение было воспользоваться первой минутой настоящего преимущества нашей армии над неприятелем, которое вынудило бы его отступить, чтоб действительно приехать в Москву. Даже после известия о битве 26-го числа я выехал бы тотчас, не сообщи мне Кутузов в том же рапорте, что он решил отступить на 6 верст, чтобы набраться сил. Эти роковые 6 верст, отравившие мне радость победы, вынудили меня подождать

следующего рапорта. Из него я увидел ясно только одни бедствия....

Что касается меня, дорогой друг, то я могу ручаться единственно за то, что мое сердце, все мои намерения и мое рвение будут направлены на то, что, по моему глубокому убеждению, может служить на благо и на пользу отечества. Относительно таланта, может, его у меня недостаточно, но ведь таланты - дар природы, и никто никогда сам их себе не добудет. Справедливости ради следует признать, что нет ничего удивительного в моих неудачах, когда у меня нет хороших помощников, когда я терплю недостаток в механизмах, чтобы управлять такой громадной машиной и в такое кризисное время против адского врага, величайшего злодея, но и высокоталантливого, который опирается на соединенные силы всей Европы и множество даровитых людей, появившихся за двадцать лет войны и революции. Вспомните, как часто в наших с вами беседах мы предвидели эти неудачи, допускали даже возможность потери обеих столиц, и что единственным средством против бедствий этого жестокого времени мы признали *только твердость*. Я далек от того, чтоб упасть духом под гнетом сыплющихся на меня ударов. Напротив, более, чем когда-либо, я полон решимости упорствовать в борьбе, и к этой цели направлены все мои заботы.

Признаюсь вам откровенно, что мне гораздо менее чувствительно, когда меня не понимает общество, то есть множество людей, мало меня знающих или даже вовсе незнающих, нежели когда это непонимание я вижу в тех немногих лицах, которым я посвятил все мои привязанности и которые, как я надеялся, всецело знают меня. Но клянусь вам пред богом, если подобное горе добавится ко всему, что я теперь переношу, я не стану обвинять этих людей, а отнесу это к обычной участи людей несчастных, которых все покидают.

Простите, добрый мой друг, что так долго испытывал ваше терпение как длиной этой письма, так и длительностью его составления, ведь я мог лишь ненадолго отрываться от моих ежедневных занятий....

И. А. Поздеев - С. С. Ланскому.

19 сентября. Вологда

Письма ваши я все исправно получил, за которые покорно благодарю. И если будете писать ко мне, то уже прошу писать в Вологду, ибо мы сюда приехали по взятии Москвы, о которой последнее известие имеем от 5-го сентября, что она горит, зажжена с Рогожской [слободы] и продолжает гореть... Сюда все едут из Ярославля, Рыбной, Углича и прочих. Ризницу от Троицы сюда привезли, московская сюда же едет...

Дорога от Москвы в Петербург открыта - вы на таком же призе, как Москва. Войск от Москвы до Петербурга нет, кроме мужиков с рогатинами, как против медведей, кои суть жертвы, да и те отягощены набором рекрут и налогами до крайности. Одни дворяне и их приказчики побуждают к повиновению к государю, дабы подати, подводы и прочие налоги давать. А дворяне к мужикам

остужены рассеяньем слухов от времен [Пугачева](#) о вольности, и все это поддерживалось головами французскими и из русских, а ныне и паче французами, знающими ясно, что одна связь содержала, укрепляла и распространяла Россию, и именно связь государя с дворянами, поддерживающими его власть над крестьянами, кои теперь крайне отягощены набором рекрут, милицией и так называемым ныне ополчением, и особливо с Московской губернии, которая уже не наша. И слышу, пишут теперь из подмосковной дворовые, что уже мужики выгнали дворовых всех в одних рубашках вон теперь, а ныне уже зима, куда идти без хлеба и одежды? В леса? Замерзнуть и погибнуть с голоду. Вот состояние России! А сердце государства - Москва взята, сожжена! Войска мало, предводители пятятся назад, научились на разводах только, а далее не смыслят, войска потеряли прежний дух, а французы распространяются всюду и проповедуют о вольности крестьян - то и ожидай всеобщего [возмущения]. При этом частом и строгом рекрутстве и наборах ожидай всеобщего бунта против государя, и дворян, и приказчиков, кои власть государя подкрепляют.

Теперь множество и наехало, и едет в Вологду, которая им кажется далее от французов. А принц в Ярославле и своих подчиненных городах отдал повеление: коли французы будут приближаться, то все зажигать. (То теперь случай вора и желающим все замешать, обокрасть.) А селения и города зажигать - после от стужи помирать!

О сем, что я пишу, прошу не говорить обо мне, ибо теперь надобно молчать и ожидать, как придет всеобщее резанье. Вот что произвели молодые головы, когда бог не положит конца!

[Д. С. Дохтуров](#) - жене.

20 сентября. [Тарутинский лагерь]

Письмо твое, друг мой, чрез [Молчанова](#) я на сих днях получил. Благодарю бога, что ты здорова. Охотно бы я желал что-нибудь сделать для Молчанова сходно с его желанием, но он остался у Коновницына, которому он несколько родня. Мы почти все стоим на одном месте и часто имеем маленькие авангардные дела, все почти в нашу пользу. И так как дирекцию мы взяли по Калужской дороге, то я нахожу, что тебе нет ни малейшей опасности остаться в Рязани, по той причине, что неприятель должен сообразоваться с нашими движениями и оставить как Тульскую, так и Рязанскую дорогу. Оставайся, душа моя, покойно в Рязани и не слушай пустых вестей, кои только напрасно вас беспокоят. Бедный Багратион! Как я о нем сожалею от всего сердца. Это почти можно было представить: малейшая рана должна [была] быть для него смертельна - у него вся кровь была испорчена. Мне его чрезвычайно жаль как своего хорошего приятеля и больше еще как хорошего генерала. Дай ему бог царство небесное!

А. А. Закревский - М. С. Воронцову.

20 сентября. Село Рожественно

Известие, полученное здесь о кончине князя Петра Ивановича, нас поразило. Жаль его и очень жаль, но помочь нечем. Уведомьте, пожалуйста, каково ваше здоровье, и где вы теперь находитесь, и куда предполагаете ехать до получения совершенного выздоровления от ран? Беспорядки и беспечность князя Кутузова и Бениксена всех с ума сводят и приводят, как нарочно, армии наши к совершенному истреблению: таскают ежеминутно без пути и без пользы, войска изнуряют вовсе в теперешнюю дождливую погоду, для чего, сами не знают и не имеют никакого плана.

Сверх сих двух полководцев распоряжают многие, а наиболее из достойнейших Кайсаров, князь Кудашев и тому подобные, которых есть достаточное количество. Научите меня, как на сие смотреть холоднокровно и без злости тогда, когда по их милости погибает отечество и войска, которые в теперешнее время надо очень беречь. Даже Барклая вывели из терпения беспорядками, который просится до излечения болезни оставить здешнюю армию. Я же в то [же] время постараюсь ехать с ним и потом пойду в Петербург. Признаться вам должен, что по милости вышних начальников мундир наш носить не хочется.

Армии наши, 1-я и 2-я, соединены в одну. Сен-При письмо попало как-то французам, которое он писал к брату, и они его напечатали в газетах, в коем были рассуждения и попреки обеим армиям.

О бывшем деле 26-го числа напечатана чепуха, между прочим написано, что Платов преследовал неприятеля на другой день 11 верст. Как можно писать Кутузову такие вздоры государю? За что произвели его в фельдмаршалы?

С. Н. Марин - М. С. Воронцову.

20 сентября. [Тарутинский лагерь]

Хороши ребята - уехали и как в воду упали, ни от кого ни строчки. А мне так скучно, что я на стены лезу. Мне же сказали, что князь наш скончался. Я не хочу сему верить, хотя многие меня в этом уверяют. Потеря сия слишком велика. Не нужно, любезный Воронцов, долго обдумывать, чтобы видеть, сколько отечество наше в нем потеряло. Зигрот скажет тебе, что у нас делается, я же ничего не пишу, потому что боюсь попасться, как наш любезный Сен-Приест: письмо, писанное им к брату, французы перехватили и напечатали. Я тебе его посылаю с тем, однако ж, чтоб мне его возвратить. Пожалуйста, Мишель, пришли мне рубашек и платков - меня обворовали, и я теперь без одежды. Армия наша соединена с первой, и я уже не генерал, а нахожусь при Ермолове. Покуда ничего не делаю - болен, а что буду делать, того по чести не знаю. Мы стоим теперь на Кулужской дороге в 63 верстах от Москвы. Партии наши в несколько дней взяли около трех тысяч человек в плен, сожгли пропасть их обозу и несколько со снарядами ящиков. Между

пленными находятся бригадный генерал [Ферьер](#) и [Потоцкий](#), сын [Яна Потоцкого](#), [а] также один из [Платеров](#). С Дону идут 20 полков казачьих и уже начинают соединяться с армиею. Неприятель терпит большой недостаток во всем, наша же армия все имеет. Михайла Богданович нездоров. Приезжайте скорей, ваше сиятельство, и утешьте вашим приездом преданного вам

Марина.

[М. В. Акнов](#) - [И. Я. Неелову](#).

21 сентября. [Тверь]

Милостивый государь Иван Яковлевич!

Слухи есть, что под Коломною неприятельский корпус в 30 т. ч. нашими разбит, и взято 40 пушек, и два его еще корпуса будто направляются в Калугу и Тулу, сам-де в Москве и с немногими силами. От В [ышнего] Волочка до Москвы с ямов выбрать повелено из ямщиков в казаки и на своих лошадях по 200 член [ов]. Приехал вчерась сенатор сюда для распоряжения по провиантской части и при нем 4-го депар [тамента] секретарь Андрей Иванович Чижов. Остановился у Гальяса в каменном доме. Более новостей не слышно...

[М. С. Воронцов](#) - [А. А. Закревскому](#).

22 сентября. с. Андреевское

...Михаиле Богданович дурно делает, что просится в отставку, служба его нужна, первое, для государства, второе же, и для него самого. Разные трудные обстоятельства обратили на него от многих негодование. Это пройдет, как все успокоится, и ему во многом отдадут справедливость. Выходя же в отставку, он делает то, что неприятели его желают, а прочим кажется еще больше виноватым. Поверь мне, что, наконец, меньше будут думать о Дриссе, об оставлении Смоленска и пр., нежели о том, что ему мы обязаны тем укомплектованием, коим армии наши теперь держатся, и даже что он первый и он один причиной, что последовали роду войны, который со всеми ошибками и со всеми несовершенствами в исполнении есть один, который мог нас спасти и должен, наконец, погубить неприятеля. М. Б. и во фронте и в советах может быть полезен Отечеству, и теперь такое время, что никто от своего места отходить не должен...

[А. Я. Булгаков](#) - [А. И. Тургеневу](#).

23 сентября.

В 10-ти верстах от Юрьева по Владимирской дороге

С чего начать, любезный Тургенев! Не стало б трех суток все тебе пересказать, что было с нами и со мною. Довольно того, что жив. Надеюсь слишком на свое счастье, попался я французам в руки 2-го сентября, в самое то время, как

занимали они отдаваемую им без боя Москву. На Сретенке был я взят и тут же и ускользнул от них чудом после долгого допроса. Дай бог таких времен и испытаний не видать никому. Ужасно! Несчастливая Москва в награду своей ревности, щедрости и привязанности к отечеству горит, пламя видно за 130 верст. Горе тому, кто отдал ее, велик его ответ перед богом, перед отечеством и потомками. Сто тысяч солдат можно набрать, но что потеряно в Москве, того помещикам никакая сила земная возвратить не может, не говорю о пятне, о бесчестии, которое на нас падает и которое одним только совершенным разбитием, истреблением врагов загладиться может. Не оправдал Кутузов всеобщих ожиданий, но дело не потеряно, ежели..... не потеряны. Ты можешь себе представить положение моего начальника(48): потеря двух домов (оба сожжены), из коих, кроме портрета [Павла I](#) и шкатулки, ни булава не была вывезена. Ты не можешь сделать себе понятие о страшных опустошениях и насилиях, делаемых каннибалами в несчастной Москве. Как можно было это предвидеть! Но горсть бродяг неужели мнит дать нам закон? Лучше удавиться, чем пережить этот стыд. [Чичагов](#) скоро очень должен соединиться с Кутузовым. Я говорил сейчас с квартальным офицером, который бежал из Москвы в последний вторник, его рассказы ужас наводят. Вот тебе копия с известий оттуда от 18-го сего месяца.

[А. А. Меншикова](#) - мужу.

23 сентября. Тамбов

Я получила, милый друг, два твои письма под № 25 и 26. Благодарю бога, что ты здоров, но очень боюсь, не ранен ли ты был 26 числа и от меня это скрываешь. А мужика я отправляю сегодня к тебе, но сию минуту мне прислали сказать, что едет курьер, и я спешу писать, чтобы его застать... Бога ради, напиши с этим курьером, если можно, письмо, а он назад сюда возвратится. Город весь наполнен приезжими по большей части из Москвы. С великим трудом нашли нанять четыре комнаты и то за 200 р. в месяц, да еще нанимаем другой двор для лошадей и живем в превеликой тесноте.

...Ты, милый друг, напиши тогда, когда будет можно возвратиться хотя [бы] в Рязань. Маминька третий день нездорова. Прощай, милый и любезный друг, целую тебя от всего сердца.

А. М.

Не знаю, дойдет ли это письмо, а я двоих посылала, и ни один не доехал. К тебе повели лошадь из Насурова, которую я купила и там нарочно оставила для тебя. Но поехал Петр-писарь с ней, то боюсь, что он не доедет до тебя.

[М. В. Милонов](#) - [Н. Ф. Грамматину](#).

24 сентября. С.-Петербург

Я получил письмо твое сию минуту. Это еще первое по твою отъезде. Слава

богу, ты жив и здоров; в теперешних обстоятельствах чего больше? Зачем не написал ко мне прямо? Шванович не прислал ко мне письма твоего, и я разрываюсь с досады, что не знал о тебе целый месяц, писавши к тебе почти каждую почту; но письма мои, вероятно, должны быть затеряны, ибо Москва (увы!) 3 сентября сдана на капитуляцию французам. Надежда на бога, на храбрость солдат, которые дерутся как львы, и на народ русский! Ежели бог не совсем еще нас оставил, может быть, эта мрачная туча пронесется мимо! Я все еще нездоров, но мне лучше... Что делать, милый друг? времена скорби и страха! година испытания! Ежели ты все будешь в Костроме, может быть, я тебя увижу: отсюда все перебирается в Казань, и меня приглашают ехать водою, только какова и езда теперь!... Здесь все ополчается, и я сам решаюсь перепоясаться на брань за отечество! [Петин](#) убит. Князь Багратион умер от раны. Вообрази судьбу человека: летал с отважностью на палящие батареи и не имел решимости сделать операцию! Я взял отпуск - если можно - ехать или идти в военную службу: это необходимо для безопасности. К тому же и должно теперь вооружиться все, что может, иначе... Сегодня пронеслись слухи, что генерал [Багговут](#) разбил [Мюрата](#), 4 тыс. положил на месте, а две взял в плен. Изверг шел истреблять Тулу и оружейный наш завод. Прости, мой милый друг! Может быть, мы увидимся скоро; может быть, никогда мы не увидимся.

Весь твой М. Милонов.

[М. В. Акнов](#) - [И. Я. Неелову](#).

25 сентября. [Тверь]

Милостивый государь Иван Яковлевич!

Носятся слухи, что из Москвы неприятель выступил. Главная квартира нашего Главнокомандующего за Москвою в 30 верстах. Сказывают, что были силы в сражении, а о низовых городах ничего не слышно. Из Уфы сильное ополчение из разных иноверцев приготовлено, и донских казаков к [Платову](#) идут 20 полков. ...

Францов во многом числе гоним пересылкой в Уфу чрез Бежецк...

[Д. П. Трошинский](#) - [М. И. Кутузову](#).

26 сентября. Полтава

...Боже мой! До какого по несчастию дожили мы времени! Кровь на сердце запекается, когда помыслию, что ни мужественное многочисленное воинство, ни вождь, состарившийся на бранях и многократно победою увенчанный, не могли заградить ворот Москвы кровожадному врагу, неслыханно счастливыми случайностями водимому и убеждающему даже и самых недоверчивых людей в том, что несбыточному верить должно... Но зачем предаваться унынию?.. Вы еще живы, дух российский еще жив и в сердцах соотечественников наших воспламенится несчастием, как бурею искра в погасающем пожаре. Сия

надежда утешает меня и ободряет совеща[сь] с вами о спасении престола и Отечества. С доверенностью предложу вам мои мысли: главнейшая есть та, что сила народа нашего велика, что враг в середине нашего царства, зачем же медлить ополчить весь народ? Государь 18 июля думал, что довольно части оною для отражения врага. Он пощадил общее рвение и подовольствовался частию жертвы, оным предложенной. Событие доказало истину, что не всегда милосердие венчается достойною наградою, что должно иногда с сжатым сердцем и с твердостью для искоренения зла не дорожить и тем, что нам любезно. Ежели бы земское ополчение не остановлено было в губерниях Харьковской, Курской, Орловской и Псковской, то до сих пор по примеру Малороссии было бы готово до 200 т. воинов, с помощью части регулярных войск могущих преградить или по крайней мере затруднять врагу обратный путь, по которому теперь приливается к нему беспрестанно новая всякого рода подмога. Чего медлите вы? Пригласите все сии губернии к вооружению - ревность их наградит потерянное время. Все готовы, в две недели ополчитесь более ста тысяч войска, когда в один месяц и не при толь бедственной крайности Малая Россия вывела на границы свои до 60 т. большею частью конных казаков. Вы вождь, приобревший доверенность всех состояний - они ждут слова вашего. Не косните. Уверьтесь примером нашим в общей готовности жертвовать всем за царя и отечество. Когда и Манифест 18 июля не остановил нашего усердия, внушенного одною предосторожностью, то падение Москвы не окрылит ли рвення всех россиян? Уже я слышу, что Слободской губернии дворянство и без воззвания готовится последовать нашему подвигу. Одно ваше слово оживит благородное общество и прочих губерний. Повторяю вам, светлейший князь! Не косните. Спасение отечества требует от вас решимости - ею торжествует враг, ею да погребется сила его в снега хладной, но пламенем любви к царю и отечеству горящей России. Бог пошлет верным своим благодать, вождю их победу над кичащимся врагом. Дерзайте. Но я забываюсь - мне ль подстрекать мужественного и мудрого военачальника к похвальному подвигу? Останавливаю перо мое и прошу, уважая доброе намерение, простить, ежели я перешел границу умеренности по неискусству в военном деле, о котором говорить только мне прилично. Итак, обращаясь в мою черту, нужным только нахожу известить в. св., что Полтав. губернии земское ополчение .. уже совершенно сформировано и начальником оною избран генерал-майор князь [Жевахов](#). Дворянское ополчение стоит в готовности в Переяславле, Прилуке, Золотоноше и Пирятине. Благоволите распорядить [ся] оным, и если сего мало, то именем предводимого мною дворянства уверяю, что к защите престола и Отечества готовы все жертвовать и именем и жизнью...

P.S. Курьеры ваши часто чрез Полтаву и Лубны переезжают. Вспомните иногда, что близ них живет душевно вам преданный, которому каждая строка ваша будет драгоценна, доказывая, что вы его еще не забыли...

С. Н. Марин - М. С. Воронцову.

27 сентября. Тарутино

Ты бранишь меня, любезный Воронцов, что я не пишу к тебе, но скажи, как мог я иначе писать, как не чрез курьеров? Ибо, благодаря обстоятельствам, и Москва наша - за границей, и почты все - к черту. ..Армии наши соединены, и вторая исчезла вместе с своим начальником, но и первая без командира, ибо Михаила Богданович за болезнью получил высочайшее повеление от армии удалиться, следовательно, мы как овцы без пастыря. Ермолов не хочет служить или, лучше [сказать], не хочет быть начальником генерального штаба, да и имеет все права. Представь себе, что здесь никто ничего не знает. Отряды ходят и рапортуют прямо Коновницыну и ни слова в дежурство, как будто чужой армии. Часто кричал ты, что у нас беспорядок, но я мог тебе дать отчет всякую минуту, где какой казачий пост находится, здесь же, напротив, целые полки неизвестны.

Несмотря на все это, каждый день таскают пленных, и с тех пор, как мы оставили Москву, взято около 10 тысяч, а может, и более. Мужики бьют их без милосердия. Наши партии живут на Можайской дороге, и недавно один офицер со ста человеками сборного войска взял б пушек и сжег [артиллерийский] парк. Галлам очень худо, и они присылали [Лористона](#), который жаловался на наших мужиков и очень был огорчен, когда светлейший отвечал ему, что мир с ними не в силах заключить и государь, ибо война сделалась народной. Ответы князя были очень хороши, и кажется, что поворотили нос мерзкому Бонапартию...

Д. С. Дохтуров - жене.

29 сентября. [Тарутино]

Мы стоим уже несколько дней на одном месте довольно покойно. Неприятель нас не беспокоит, и везде приметна слабость его. Всякий день мы у него берем более двухсот в плен, не теряя ни одного человека с нашей стороны. Он так далеко забрался, что ему очень трудно будет отсюда вырваться. Ты мне пишешь, друг мой, что желаешь приехать ко мне, я сам сего от всего сердца желаю, но по несчастью теперешние обстоятельства сему препятствуют. Во-первых, как тебе сюда приехать? Кроме беспокойствия, я страшусь, чтоб ты не была встревожена на дороге какими ни есть слухами пустыми. И сверх сего, мы не уверены ни на одном месте остаться долго, то куда ты приедешь? Я же не могу сам далеко отлучиться. Подожди, душа моя, и если будет способное время для свидания нашего, я тотчас к тебе пришлю кого-нибудь из моих адъютантов....Дай, боже, только, чтобы эта проклятая война скоро кончилась, и помоги нам бог опровергнуть нашего злодея. Представь себе, друг мой, что еще за Смоленск никто не получил награждения. Я, право, не в претензии на награждения, но жаль, что мои подкомандующие по их заслугам ничего не получили, кроме нескольких офицеров, да и то не очень справедливо и все по протекции.

М. И. Кутузов - дочери и зятю.

1 октября. На Калужской дороге

Парашинька, мой друг, с Матвеем Федоровичем и с детьми, здравствуй! Я, слава богу, здоров. Стоим уже более недели на одном месте и с [Наполеоном](#) смотрим друг на друга,- каждый выжидает время. Между тем маленькими частями деремся всякий день и поныне везде удачно. Всякий день берем в полон человек по триста и теряем так мало, что почти ничего. [Кудашев](#) разбойничает также с партией и два хороших дела имел....

Верный друг Михаила Г[оленищев]-Ку[тузов].

В Рязани можете быть спокойны, к вам никакой француз не зайдет.

Г. С. Волконский - дочери.

2 октября. Оренбург

Три дражайшие ваши, матушка, сердечный друг, княгиня Софья Григорьевна, грамотки я получил к искреннему моему утешению. Благодарю вас, голубушка, за оные чувствительнейше и поздравляю с кавалером Георгиевским. Сам поздравляю героя с отличным украшением. Мужество и храбрость россиян везде покрыты славою. Больно только русскому сердцу, что неприятель занял Москву, привел ее в ужаснейшее положение. Да подкрепит всевышний оружие наше на истребление и конечную гибель врагов!

У меня здесь новостей никаких нет. Многочисленные полки иррегулярных войск отправлены в армию. Все идут с охотою на защиту Отечества....

С. Н. Марин - неизвестному.

2 октября. Тарутинский лагерь

...От Красной Пахры отступила армия к Воронову и потом к Тарутину за реку Нару, где по сие время обретается. Граф Растиопчин до Тарутина следовал с армиею, когда же кончилась Московская губерния, то он поехал, как сказывал сам, в Ярославль. Оставляя Вороново, граф Растиопчин своими руками зажег дом свой и истребил пламенем всё к дому принадлежащее строение, оставя в церкви послание к французам, которым упрекает их за разорение Москвы и земли русской. Несколько времени зарево пылающей Москвы освещало темные осенние ночи. Выходящие оттуда жители сказывали, что большая половина превращена в пепел. Зло сие кончилось для нас полезно, ибо с домами вместе сгорели запасы, и неприятель остался совершенно без продовольствия. Доказательством сему служить может то, что выходящие из плену наши солдаты сказывают, что их заставляют молоть муку из заграбленного по селениям в зернах хлеба. Теперешнее положение нашей армии имеет все выгоды. Точка, нами занимаемая, от природы хороша и укреплена искусством так, что неприятель не осмелится напасть на нас и нарушить нашего спокойствия, которое нужно для образования вновь

поступивших людей, между тем как наши партии, непрерывно беспокоя неприятеля разъездами, все дороги от Москвы к губерниям лежащие, особливо же Боровскую и Можайскую, с сих дорог беспрестанно присылают в главную квартиру пленных сотнями. И если считать с убитыми нашими партиями и крестьянами, то урон неприятельский день в день можно полагать более пятисот человек в сутки.

Продовольствием армия наша снабжена по 1-е ноября, неприятель же, лишенный всех способов [снабжения], терпит во всем недостаток, питается лошадьми и не имеет в виду получить хлеба ниоткуда. Крестьяне, оживляемые любовью к родине, забыв мирную жизнь, все вообще вооружаются против общего врага. Всякий день приходят они в главную квартиру и просят ружей и пороха. То и другое выдают им без малейшего задержания, и французы боятся сих воинов более, чем регулярных, ибо озлобленные разорениями, делаемыми неприятелем, истребляют его без всякой пощады. Сие приносит двойную пользу, потому что уменьшает число войск вражеских и потому что лишенный продовольствия неприятель не осмеливается посылать своих мародеров в ближайшие к нему селения иначе как большими отрядами, которые старанием казаков всегда бывают перехвачены или побиты. Если бы я хотел описывать все случившиеся происшествия в окружных селениях и какие способы употребляют добрые, но раздраженные наши поселяне к истреблению врагов, то бы никогда не мог кончить. Не могу умолчать о поступке жителей Каменки. 500 человек французов, привлеченные богатством сего селения, вступили в Каменку. Жители встретили их хлебом и солью и спрашивали, что им надобно? Поляки, служивши переводчиками, требовали вина. Начальник селения отворил им погреба и приготовленный обед предложил французам. Оголодевшие галлы не остановились пить и кушать. Проведя день в удовольствии, расположились ночевать. Среди темноты ночной крестьяне отобрали от них ружья, увели лошадей и, закричав «ура!», напали на сонных и полутрезвых неприятелей. Дрались целые сутки, и, потеряв сами 30-ть человек, побили их сто, и остальных 400 отвели в Калугу. В Боровске две девушки убили четырех французов, и несколько дней тому назад крестьянки привели в Калугу взятых ими в плен французов. Сейчас, в то время, как я пишу сие, привезен французский офицер, который рассказывает, что у них уже не очень охотно как офицеры, так и солдаты ходят на фуражировку - партии наши набили им оскомину.

Между партизанами нашими более всех отличается артиллерии капитан [Вагнер](#). Он начал тем, что пошел в Москву и в числе господских людей получил паспорт от французского начальства. С сим паспортом вышел он на Можайскую дорогу, собрал свой отряд поблизости оной и опять пошел в крестьянском платье в сопровождении двух мужиков к французам, с которыми шел несколько времени, высмотрел, где у них были орудия, говорил с нашими пленными и, отстав от них, соединился с отрядом своим, напал на неприятеля, взял 6-ть пушек, одного полковника, несколько офицеров и до 100 человек пленных, побив не менее. Его отряд состоял из 100 человек казаков, гусар и

драгун. И с сею сборною командою был он окружен 7000 неприятелей, сделал плотину чрез непроходимое болото и ушел. Теперь имеет он отряд, до пятисот человек состоящий, разъезжает кругом армии Бонапарта и все, что встретит, истребляет и, одевшись иногда французским офицером, ездит по их полкам, расспрашивает, судит с ними о положении армии и всегда удачно возвращается к своим.

Третьего дня г.-м. [Дорохов](#) овладел Вереєю, в которой французы с некоторого времени укрепились. Причем взято одно знамя, две пушки и один полковник, 14-ть офицеров, 350 рядовых, побито более 200. С нашей стороны потеря состоит в 20 человек убитых и раненых. Пожалуйте, не думайте, что число наших убитых и раненых писал я, как обыкновенно в реляциях,- оно истинно.

Ахтырского гусарского полка подполковник [Давыдов](#) с отрядом своим находится близ Вяз [ь] мы и нападает на транспорты и парки неприятельские. Он много истребил и много взял в полон.

Князь [Кудашев](#) с двумя казацкими полками послан на Тульскую дорогу и тот же день прислал 200 человек пленных.

Граф [Винценгероде](#), прикрывая Троицкую, Петербургскую и Ярославскую дороги, не позволяет неприятелю никак посылать своих разъездов далее 10-ти или 15-ти верст от Москвы. Одним словом, Бонапарте находится в осаде, и надобно чудом каким-нибудь избавиться ему из сей западни....

Сверх того, кроме армии, близ Москвы расположенной, имеем мы: в Риге гарнизон, соединенный теперь с корпусом [Штенгеля](#), что составит до 40 т [ы-сяч]. Винценгероде считает в отряде своем до 8 т [ысяч]. Граф [Витген\[ш\] теин](#), к которому теперь присоединилась Петербургская дружина, может иметь до 40 т [ысяч], но что всего важнее, так это армия [Чичагова](#), в которой под ружьем 90 т [ысяч], [которая] следует теперь к Минску и перережет совершенно коммуникационную линию неприятеля, так что мудрено ему будет посылать курьеров без прикрытия, и то очень сильного. Чичагов в полном марше, и 27-го сентября был он в Мозыре. Сверх войск, которые он теперь имеет, должны к нему [подойти] малороссийские казаки и отряд генерал-лейтенанта [Эртеля](#). Продовольствие имеет он верное, ибо Бобруйская крепость наполнена провиантом. Приближение осени также не может благоприятствовать французам. Лошади их так изнурены, что крестьяне наши не хотят их брать. Следственно, при движении он подвергнет себя [риску] потерять всю артиллерию, которая и до сего [дня] возима крестьянскими лошадьми и волами. Расстояние, занимаемое его войском, не так велико, чтобы могло доставить фураж для его конницы. Они принуждены уже теперь стаскивать крышки с домов и ими кормить лошадей. Что ж будет далее? Отчаяние войск его неможно из[об]разить, когда по взятии Москвы узнали они, что не должны надеяться мира. Это видно потому, что все их генералы, офицеры и солдаты, и даже сам [Мюрат](#) беспрестанно говорят о мире, но [у нас], к счастью нашему, о нем не помышляют, что вы увидите из приложенного при сем объявления,

присланного сюда из Петербурга. Таковые обстоятельства более и более улучшают наше положение и ведут неприятеля к бездне, куда завлекла его буйственная дерзость. Должно ожидать с помощью божьего погибели врагов и торжества правды.

Мы получили официальное известие, что Мадрит занят англичанами и что [Иосиф Бонапарте](#) бежит из Гишпании. Сие угрожает нашествием самой Франции. Слух носится, что Неаполь взят и что король туда прибыл. Вчерась приехал курьер от [Эртеля](#) с известием, что он разбил [Домбровского](#) и взял 4 т [ысячи] в плен.

Есть известие из Малороссии, что дворянство, воспламеняясь любовью к отечеству, вооружает своих людей, и посланные отсюда офицеры за ремонтами не могли нигде сыскать купить лошадей.

Чтоб известить вас о всем, скажу, что для армии выписывают 100 000 полушубков, 100 000 пар лаптей и онуч для зимы и 6 т [ысяч] лыж для стрелков, ибо [раз] в большие снега нельзя будет употреблять конницы, то беспокоить неприятеля должно стрелками.

С тех пор, как мы оставили Москву, неприятель потерял пленными до 12 т [ысяч] без малейшей нашей потери. Через главное дежурство перешло их 4 т [ысячи], но более еще взято их мужиками и отдаленными партиями, которые посылают [пленных] прямо в губернские города.

У нас жил один пленный полковник, который во все отступление нашей армии был в неприятельском авангарде, и уверил нас честью, что все сие время не взяли они ни ста человек наших в плен, а что дезертиров наших он не видывал.

Сергей Марин.

[К. Н. Батюшков - П. А. Вяземскому.](#)

3 октября. [Нижний Новгород]

Я обрадовался твоему письму, как самому тебе. От Карамзиных узнал, что ты поехал в Вологду, и не мог тому надивиться. Зачем не в Нижний? Впрочем, все равно! Нет ни одного города, ни одного угла, где бы можно было найти спокойствие. Так, мой милый, любезный друг: я жалею о тебе от всей души, жалею о княгине, принужденной тащиться из Москвы до Ярославля, до Вологды, чтобы родить в какой-нибудь лачуге. Радуюсь тому, что добрый гений тебя возвратил ей, конечно, на радость. При всяком несчастье, с тобой случившемся, я тебя более и более любил: [Северин](#) тому свидетель. Но дело не о том. Ты меня зовешь в Вологду, и я, конечно, приехал бы, не замедля минутой, если б была возможность, хотя Вологда и ссылка для меня одно и то же. Я в этом городе бывал на короткое время и всегда с новыми огорчениями возвращался. Но теперь увидеться с тобою и с родными для меня будет приятно, если судьбы на это согласятся. В противном случае я решился - и

твердо решил - отправиться в армию, куда и долг призывает, и рассудок, и сердце, - сердце, лишенное покоя ужасными происшествиями нашего времени. Военная жизнь и биваки меня вылечат от грусти. Москвы нет! Потери невозвратные! Гибель друзей; святыня, мирное убежище наук, - все осквернено шайкою варваров! Вот плоды просвещения, или лучше сказать, разврата остроумнейшего народа, который гордился именами [Генриха](#) и [Фенелона](#). Сколько зла! Когда будет ему конец? На чем основать надежды? Чем наслаждаться? А жизнь без надежды, без наслаждений - не жизнь, а мученье. Вот, что меня влечет в армию, где я буду жить физически и забуду на время собственные горести и горести моих друзей.

Здесь я нашел всю Москву. Карамзина, которая тебя любит и любит и уважает княгиню, жалеет, что ты не здесь. Муж ее поехал на время в Арзамас. [Алексей Михайлович Пушкин](#) плачет неутешно: он все потерял, кроме жены и детей. [Василий Пушкин](#) забыл в Москве книги и сына: книги сожжены, а сына вынес на руках его слуга. От печали Пушкин лишился памяти и насилу вчера мог прочитать [Архаровым](#) басню о соловье. Вот до чего он и мы дожили! У Архаровых собирается вся Москва, или лучше сказать, все бедняки: кто без дома, кто без деревни, кто без куска хлеба, и я хожу к ним учиться физиономиям и терпению. Везде слышу вздохи, вижу слезы - и везде глупость. Все жалуются и бранят французов по-французски, а патриотизм заключается в словах: point de paix! Истинно, много, слишком много зла под луною. Я в этом всегда был уверен, а ныне сделал новое замечание. Человек так сотворен, что ничего вполне чувствовать не в силах, даже самого зла: потерю Москвы немногие постигают. Она, как солнце, ослепляет. Мы все в чаду. Как бы то ни было, мой милый, любезный друг, так было угодно провидению!

Тебе же как супругу и отцу семейства потребна решительность и великодушие. Ты не все потерял, а научился многому. Одиссея твоя почти кончилась. Ум был, а рассудок пришел. Не унывай и наслаждайся пока дружбою людей добрых, в числе которых и я, ибо любить умею моих друзей, и в горе они мне дороже. Кстати, о друзьях: Жуковский, иные говорят, в армии, другие - в Туле. Дай бог, чтобы он был в Туле и поберег себя для счастливейших времен. Я еще надеюсь читать его стихи, надеюсь, что не все потеряно в нашем отечестве, и дай бог умереть с этой надеждой. Если же ты меня переживешь, то возьми у [Блудова](#) мои сочинения, делай с ними, что хочешь: вот все, что могу оставить тебе. Может быть, мы никогда не увидимся! Может быть, штык или пуля лишит тебя товарища веселых дней юности... Но я пишу письмо, а не элегию. Надеюсь на бога и вручаю себя провидению. Не забывай меня и люби как прежде. Княгине усердно кланяюсь и желаю ей счастливо родить сына, а не дочь.

Константин Батюшков.

Я не пишу о подробностях взятия Москвы варварами: слухи не все верны, а и к чему растравлять ужасные раны?

А. П. Ермолов - А. А. Закревскому.

[Начало октября. Тарутинский лагерь]

Любезнейший Арсений Андреевич!

Не могу забыть отъезда вашего, и признаюсь, что вы так искусно избрали время уехать, что, конечно, никогда более жалеть вас невозможно, как в наших обстоятельствах. Правда, что мы заместили Михаила Богдановича лучшим генералом, то есть богом, ибо, кажется, один уже он мешается в дела наши, а прочие все ни о чем не заботятся. Мы не знаем, что из нас будет, никто ни о чем не думает, и кажется, трусость гнусная есть одно наше свойство. Жаль мне чрезвычайно, что за медленностию генералов не успел я доставить сведений и реляции о деле 7-го августа. Хотелось мне, чтобы сие обработано было вами и чтобы Михаил Богданович кончил дела, которые происходили в его командование, ибо не было дела, которого бы должны мы стыдиться. Теперь это пойдет чрез П. П. Коновницына, который кричит, что его дивизия более всех служила, что ничего никому не дано, что о нем самом ни слова не сказано. После того можете вообразить, что наши дела не в лучшем представлены будут виде.

Я не бываю в главной квартире, не хожу к князю, не бывши зван, но сколько ни редко бываю, успел заметить, что Коновницын - великая баба в его должности. Бестолочь страшная во всех частях, а канцелярия разделена на 555 частей или отделений, департаментов и прочее...

Прощай! верь дружбе моей и почтению

душевно любящий *Ермолов.*

П. П. Коновницын - жене.

4 октября. [Тарутино]

Пишу сие с фельдъегерем, если дойдет к тебе, моя душа, то здорово. Я жив, но замучен должностию, и если меня делами бумажными не уморят, то, по крайней мере, совсем мой разум и память обессилят. Я иду охотно под ядра, пули, картечи, только чтоб здесь не быть.

От тебя другой месяц ничего не имею, тужу, как может только добрый муж, отец и друг то чувствовать. Монтандр не едет - вот какво к тебе посылатъ нарочных!...

Ф. И. Колобков - А. И. Озерецковскому.

5 октября. Коломна

За нужное почитаю уведомить вас о неприятеле. По взятии им Москвы грабил все дома, даже что схоронили имущество в земле, и оное по доказательствам

наших соотечественников. Все сокровища вырыл, церкви разграбил, иконы колот и оклады снял, и живут во многих церквях. На престолах едят и делают всякие неистовства, словом сказать, осквернил, а во многих церквях дохлые лошади лежат. А в Москве от падали пройти нельзя. Наши пленные роют для них, невзирая на лица, картофель; [на них] наваливают, как на скота тяжелые ноши, а мочи нет, так погоняют фухтелями, а нередко и колят штыком. А есть нечего, хлеба ни за 5 рублей фунта не достанешь. Почти все пленные ушли из Москвы. Москва во многих местах выжжена и [лишь] малость осталось. В крепость не пускают не только наших, [но] и своих по разбору пускают. Спасские и прочие ворота заколочены, кроме Никольских, как сказывают, что находится в Кремле главный наш злодей. Теперь французская армия по Калужской дороге от Москвы в 40 верстах, в 8 верстах от реки Нары(67), и наши войска расположены напротив их. Уже 14 дней нет сражения, на одном месте стоят. <...> Я в армии по случаю был до отпуска сего письма 2-го октября. Деревни близ нашей армии разорены и сожжены. ...Войск наших очень довольно, а ему нечего доходит есть, передаются к нам ротами. Отрывки его войск мужики наши бьют и в плен берут. Крайне ему приходится тесно. Сперва он пошел по Коломенской дороге к Боровскому перевозу, но наши его пощипали. После оног подался уже на Калужскую дорогу, оставя несколько войска при оног перевозе, но казаки наши были оставлены и, согласясь Шубинской волости с мужиками, в прах их разбили, в плен взяли до 600 человек, а прочие все побиты. Обоз воинский отбили, где и найдено множество сокровища и окладов с образов довольно. О всем, что знаю, вас уведомил, а как у нас есть еще оказия быть в армии, и за долг поставлю, буде случатся новости, вас уведомить.

А. А. Карфачевский - неизвестному.

6 ноября. [Москва]

...Нельзя описать всех ужасов, произведенных в Москве французами,...Я от пожару пошел на пожар, и наконец, добрался до почтамта и живу в нем. Но 10-го октября пришел французский караул с повелением зажечь почтамт. Я накормил и напоил сих голодных пришлецов и заплатил с помощью наших собратий 205 рублей, за что остались несожженными, и тем спас до 60-ти семейств. Я рапортовал начальству нашему, но что получил за то? Ничего, ниже ответу какого....

За несколько дней до вторжения неприятеля в Москву народ был уверен, что столица сия никогда французами взята не будет, однако, что-то предчувствуя, приходил в уныние, и выезжали из оной. Но невзирая на сие, нашлось более 20 000 жителей, кои или по неимению способов к выезду, или по любви к отечеству остались для защиты первопрестольного града и семейств своих. 1-го сентября на улицах уже не было столько народа, как прежде, а только прохаживались одни раненые солдаты, бывшие в деле под Можайском, разбивали питейные дома и лавочки на рынках. По известию, что под стенами

Москвы назначено дать неприятелю сражение, оставшиеся жители приготавливали себя к оному. Но в понедельник, т. е. 2-го сентября поутру удалилась из Москвы градская полиция вместе с чиновниками и пожарными трубами. Везли во множестве чрез город пушки, и шло русское войско в большом количестве и скорым походом, имея направление от Тверской к Рогожской заставе. После полудня отдан был раненым солдатам приказ идти по Коломенской дороге, а между тем выдали из арсенала народу ружья и сабли. В сие время слышны были близ Москвы выстрелы. Все думали, что началось сражение, а потому возносили мольбы свои к богу о ниспослании победы и торопились бежать с оружием на помощь соотечественникам своим. Но вдруг появилось в самом Кремле войско, которое велело бегущему народу кидать оружие и говорить пардон. Противящихся тому или непонимающих их языка кололи и рубили без милосердия. Тут догадались, что это - наш неприятель, и с трепетом бежали все от поражения, крича: «Французы в Москве!» И в самом деле, они рассыпались по улицам, и некоторые из них бросали прокламации печатные (коих трудно достать, да и ни у кого их нет). Вместе со входом французов начались пожары. Загорелся винный двор у Каменного моста и под Симоновым монастырем пороховые магазейны, потом Гостиный двор, ряды и во многих местах дома, церкви, а особливо все сожжены фабрики и другие заведения. Пожары продолжались целые б суток, так что нельзя было различить ночи от дня. Во все же сие время продолжался грабеж: французы входили в дома и производили большие неистовства, брали у хозяев не только деньги, золото и серебро, но даже сапоги, белье и, смешнее всего, рясы, женские шубы и салопы, в коих стояли на часах и ездили верхом. Нередко случалось, что идущих по улицам обирали до рубахи, а у многих снимали сапоги, капоты, сюртуки. Если же находили сопротивление, то с остервенением того били и часто до смерти, а особливо многие священники здешних церквей потерпели большие мучения, будучи ими пытаемы, куда их церковное сокровище скрыто. Французы купцов и крестьян хватили для пытки, думая по одной бороде, что они попы. Словом сказать, обращение их с жителями было самое бесчеловечное. И не было различия, чиновник ли кто или крестьянин,- всякого, кто им попадался, употребляли в работу: заставляли носить мешки с грабленным имуществом, бочки с винами, копать на огородах картофель, чистить его, рубить капусту и таскать с улиц мертвых людей и лошадей.

Осквернение же ими храмов божиих ясно доказывает, что оне не имеют никакой веры в бога. В тех церквях, кои не сгорели, по ограблении их ставили лошадей, били скотину и помещали раненых солдат, а святые иконы по снятии окладов кололи и извергали на них нечистоты. Делали притом другие мерзости, о коих язык изъяснить не может. В купеческих и господских домах имущество, поставленное в кладовые и подвалы, закладенное искусно кирпичами так, что вовсе нельзя было приметить, что тут было отверстие, французами открыто. Даже не скрылось и в землю закопанное. Под огородами и дворами землю ощупали и вынимали сундуки. С самого их вступления

Кремль был заперт, и никого туда не пускали из жителей - в нем производили какую-то работу. 7-го октября был взорван Полевой двор и сожжен Симонов монастырь. В сей день приметно было в войске их чрезвычайное движение, и, как после узнали, выступило половина войска на Калужскую дорогу. Во всю же ночь ехали обозы, неизвестно чем нагруженные, после чего не так уже много видно было их по улицам. А с 10-го на 11-е число в ночь вышли они из Москвы и взорвали порохом арсенал, во многих местах кремлевские стены и башни. Ударом, от сего происшедшим, разрушились в городе-Китае обгорелые стены, которые для пущего их падения были подбиты под основание. Во всех почти домах, уцелевших от пожара, вылетели от сотрясения воздуха стекла, и даже вышибло рамы, и растворились двери. Что же было с жителями Москвы, когда и находящиеся за 20 верст от оной приведены были треском сим в смущение. Со светом дня увидели мы русских казаков в Кремле, кои успели изловить оставленных для зажигания подрывов, французами учиненных, и, принудив их загасить многие фитили в бочках с порохом, спасли от разрушения соборы, монастыри, Спасскую башню, Оружейную палату, колокольню Ивана Великого, от коей оторвало пристройку с большими колоколами. Крест с Ивана Великого снят, и листы с главы его во многих местах сняты, позлащенный всадник, стоявший на строении Сената, снят же.

С 2-го сентября по 12-е октября в Москве никаких торгов не было, а потому жители, лишены будучи от грабления запасенного хлеба, претерпевали ужаснейший голод....

И. А. Тутолмин - Н. И. Баранову.

Ноябрь. [Москва]

М. г. Николай Иванович!

Великодушно извините, ваше превосходительство, что я к вам не писал, поистине не было времени. Как вы из Москвы выехали, вскоре получил от государыни повеление отправить в Казань обоего пола старших воспитанников. Августа 31-го их выпроводил, а 2-го сентября пожаловали гости, об оных ни от кого не был предуведомлен. Армия наша ретируется чрез Москву, а говорят, идет преследовать неприятеля, который будто поворотил на Коломну. Конец наших у воспитательного дома, а неприятель вступает в город. Сие происходило пополудни в 4 часа, и [неприятель] в Кремль вошел. Войска наши кабаки разбили, народ мой перепился. Куда ни сунусь - все пьяно: караульщики, рабочие, мужчины и женщины натаскали вина ведрами, горшками и кувшинами. Принужден был в квартирах обыскивать - найдя, вино лил, а их бил, приведя в некоторый порядок. А неприятель уже в городе по всем улицам фланкирует и около Москвы цепь обводит. Нечего дремать - пустился по своему прешпекту и на Солянке дожидаюсь вышних неприятельских начальников, но нейдут. Сказал Зейпелю и экономскому сыну [быть] за переводчиков [и] сам-третьей полетел в Кремль. Пройдя Варварку, повернул в яблочные ряды, взглянул к Лобному месту, видя [как] из Спасских

ворот густые колонны идут на площадь. Прибавя шагов - в Спасские ворота, в которых очень стеснены взводы, [и мы] кое-как продрались в Кремль. Отойдя от ворот шагов 50, навстречу их генерал. Я приступил к нему, сказав о себе, спросил, кто войском начальствует. Он спросил - на что? «Просить его покровительства, для воспитательного дома салвагвардию». Он отвечал: «От императора назначен губернатор граф [Дюронель](#)». [Он] очень учтиво оборотил свою лошадь и повел нас к Ивану Великому. Навстречу ему - жандармский поручик. Он ему приказал: «Оного чиновника доставьте к губернатору». С тем мы и пошли на площадь против Сената. Он велел нам на одном месте стоять, чтоб нас он не потерял, а мы - его. Сам [же] поскакал по всему Кремлю искать губернатора. Возвратясь, сказал: «Нет здесь, он поехал на Тверскую в наместнический дом». Мы туда промаршировали. По многим исканиям добрались к губернатору уже [за] темно. Я его прошу о салвагвардии, он тотчас тому же поручику приказал, чтоб он сказал жандармскому полковнику дать мне 12 жандарм при одном офицере. Полковник оного же поручика нарядил и на походе из взводу отшел 12 [жандармов], и мы пошли в [воспитательный] дом. Казанскую церковь прошли, повернули в Никольскую, уже большой грабеж начался в рядах. Прошу поручика, хотя они конные, а мы пешие, прибавить ходу. Итак, достигли до [воспитательного] дому. Слава богу, никого еще не было! Уже для них приготовлено ество сахарное и питье веселое, но они сказали, что «мы желаем наперед успокоить своих лошадок, а после будем просить и для нас». Я - на конюшню, казенных лошадей выкинул, их поместил. Они чрез полчаса пришли кушать, пили и ели аппетитно. Поблагодаря, я им предложил квартиру докторскую, в которой приготовлены были постели. Они, поблагодаря, [сказали]: «Ныне поздно, мы на сенце можем, а завтра будем вас просить о квартирах». Поставили посреди корделожского двора одного часового, сказав мне: «Будьте покойны». С тем с нами и распрощались. Какой покой? Всю ночь на дворе, все сами были караульные. В эту же ночь начались пожары, но не так сильны. 3-го числа ...за крестовыми и водяными воротами и в окружном строении грабят. Оставят как мать родила, бедняк бежит: «Ваше превосходительство, ограбили!» Что ж делать, так тому и быть! Жандармы говорят: «Мы в доме стережем, а за воротами сами не смеем, не приказано». 4-е число, в вечерни вся Москва объята пламенем так, что наш дом от огня был, как в котле при сильном ветре. Нельзя отдать [должного] нашим трудам, что мы всю ночь и на другой день до 10 часов в поте лица были. Нет возможности всех страхов и ужасов описать, но провидение божие от гибели спасло...

5-го числа в 2 часа дня [Наполеон](#) поехал по городу смотреть свои злодеяния. По набережной доехал до воспитательного дома, спросил, что это за здание. Ему сказали: «Воспитательный дом». Почему он не горел? - «Его избавил оного начальник [со] своими подчиненными». Тут же на месте [Наполеон] послал ко мне генерал-интенданта всей армии графа [Дюмаса](#) (я прежде с ним виделся). [Дюмас] прискакал в дом, спросил: «Где ваш генерал?» Я был в бессменной страже - подошел к нему: «Что вам угодно?» - «Я прислан к вам от

императора и короля, который вашего превосходительства приказал благодарить за труд и спасение вашего дома. Притом Его Величеству угодно с вами лично познакомиться». Я, поблагодаря, принял равнодушно, но тем очень был обрадован, что весь дом оным окуражился. 6-го числа в 12 часов приехал ко мне от императора статс-секретарь [Делорн](#). Я встречаю его, он мне говорит, что прислан от государя просить, чтоб я был к нему. Присланного я знал в Москве назад 5 лет, который у [Александра Дмитриевича Хрущева](#) ежедневно бывал. Поцеловались, посадя его, стали говорить как знакомые. Я обрадовался, что он по-русски говорит, как русский, расспрашивал его про все семейство Хрущева. Наконец, [он] взял меня за руку, сказал тихо: «Поедем, чем скорее, тем ему приятнее». Сели на дрожки, а его верховую [повели] за нами. Приехали в Кремль, он ввел меня в гостиную подле большой тронной. Тут много армейских и штатских, все заняты. Не более [чем через] 10 минут отворил Делорн двери. «Пожалуйте к императору». Я вошел, Делорн показал: «Вот государь. Он стоит промеж колонн у камина». Я [приблизился] большими шагами, не доходя, в 10 шагах сделал ему низкий поклон. Он с места подошел ко мне и стал от меня в одном шаге. Я зачал его благодарить за милость караула и за спасение дома. Он мне отвечал: «Намерение мое было сделать для всего города то, что теперь только могу сделать для одного вашего заведения. Скажите мне, кто причиною зажигательства Москвы?» На сие я сказал: «Государь! Может быть, начально зажигали русские, а впоследствии - французские войска». На то сердито отозвался: «Неправда, я ежечасно получаю рапорты, [что] зажигатели - русские, но и [сами] пойманны [е] на самом деле показывают достаточно, откуда происходят варварские повеления чинить таковые ужасы. Я бы желал поступить с вашим городом так, как поступал с Веною и Берлином, которые и поныне не разрушены. Но россияне, оставивши сей город почти пустым, сделали беспримерное дело. Они сами хотели предать пламени свою столицу, и чтоб причинить мне временное зло, разрушили созидание многих веков. Я могу оставить сей город, и весь вред, самим себе причиненный, останется невозвратным. Внушите о том императору Александру, которому, без сомнения, неизвестны таковые злодеяния. Я никогда подобным образом не воевал, воины мои умеют сражаться, но не жгут. От самого Смоленска и до Москвы я более ничего не находил, как один пепел». Потом спросил меня, известно ли мне, что в день вшествия французского войска в столицу выпущены были из тюрьмы колодники, и правда ли, что полиция с собою увезла пожарные трубы? На сие я сказал, что я слышал [об этом]. Отвечал мне на сие, что дело сие не подлежит никакому сомнению. Я с ним обо всем полчаса говорил. Он стоял на одном месте, как вкопанный. Фигура его пряма, невелик, бел, полон, нос с маленьким горбом, глаза сверкают, похож больше на немецкое лицо, широко плечист, бедра и икры полные. Отпустя меня, подтвердил еще, чтоб я о сем [разговоре] писал к своему императору Александру и послал бы рапорт чрез одного из своих чиновников, которого он велит препроводить до своих форпостов. Что я и исполнил, отправил 7-го сентября, но ответа не имел.<...>

Ваш дом в сильный пожар 4-го сентября сгорел и ограблен. В Москве больше не осталось домов как восьмая часть, и то разграблены. Никак нельзя описать, какие ужасы и страхи происходили. Наконец, [французы] взяли у меня половину квадрата, все окружное строение для раненых и больных, в оных поместили 3000 [человек]. Ежедневно умирало от ран и поносов от 50-ти до 80-ти человек. Совсем меня загадили - где спали, ели, [там и] испражнялись. Каковы же ныне отделения!... 7-го октября Наполеон выехал из Москвы в 5-ть часов с главною своею армиею, которая потянулась по Калужской дороге, а обозы тяжелые отправили по Смоленской. В Москве же остался маршал герцог Тревизский с малым числом войск, которые с 9-го числа начали перебираться из города в Кремль, где прежде того производимы были злодейственные приготовления для взорвания на воздух находящихся в Кремле зданий. 10-го числа по наступлении ночи в воспитательном доме снят французский караул, и все французские войска вышли из Кремля и оставили город. В 11-ть часов загорелся Кремлевский дворец, а во 2-м часу ночи первый сделался жестокий удар, подорвавший и разрушивший арсенал, каковых было пять ударов. Оные слышны были за 80 верст, коими разрушены: пристройка к Ивановской колокольне, некоторые башни и часть кремлевской стены. Соборы же промыслом божьим остались целы, но самым хищным образом разграблены. Еще гораздо ужаснейших происшествий надлежало бы ожидать, если бы не было дождя, который всю ночь сильно шел. От ударов сих в воспитательном доме было наичувствительнейшее потрясение. Хотя предварительно открыты были окна, однако во многих местах разбились стекла, выбились рамы и двери и обвалилась штукатурка, что подействовало и в оставших[ся] в городе домах. Дети не были слишком встревожены, потому что я заблаговременно о сем предупредил как их, так и служащих, и все мы по совершении бедствий и ужасов остались живы. Нет возможности всего описать. Я очень нездоров, а притом от государыни перепиской чрезвычайно замучен....

А. А. Сокольский - Ивану Николаевичу.

Конец 1812 г.

...В последнюю среду получено повеление, чтоб нам за институтами ехать в Казань. В четверг я спешил и проститься с вами, и посоветоваться. Мне встречаются, прошед Меншикову башню. Ваши. Подхожу поздоровываться - меня не узнают. На вопрос, куда путь держат, не отвечают. Как учтивый кавалер - ну провожать их или, признаюсь,- гнаться за ними. Приходил к Петрову и там ни слова. Вот все наше прощанье. Могу уверить вас, что, ей-богу, не с тем я шел, чтобы увязаться ехать с вами, а истинно с тем, чтобы спросить у вас, ехать в Казань или нет. Мы ждали прогонов от Туголмина, но в субботу ввечеру получили отказ. Сказано нам, что будем вознаграждены! В воскресенье поутру... Его Высокоблагородие - adieu в Нижний! Он уговаривал всех, что нечего опасаться неприятеля до тех пор, пока не подъехала к его воротам кибитка. Все ходили на поклон к Богдыхану, кроме, разумеется, меня.

Потом Петров и Заборовский отправились для покупки лошадей, но это было уже поздно, на них начали вывозить остававшихся [еще] раненых в Москве. Наступил 1-й час, но их не бывало, мы призадумались. Грабеж был во всей силе. Я вышел за ворота. Мой ангел-хранитель указал мне повозку, которую и нанял я до Измайлова за 10 ру. Тут прибыли наши и привели 2-летнего жеребенка с телегою. Надежда оживилась: две телеги, лошадь, кобыла с жеребенком. Тут составились 2 воза, и мы, вооружась, поехали в Измайлово. У Покровского мосту встретили около 5 000 раненых, кои разбивали кабаки. Нам многие грозили страшною опасностью, но при помощи провидения, сжавши сердца, мы проехали Семеновскую заставу и с захождением солнца вступили в дом священника. Отпустя нанятую лошадь, расположились перекусить и уснуть покрепче, наши дамы утомились. Но нам не дали покою - пальба из ружей по селу, зверинцу и приходящие из города в нашу квартиру знакомые и незнакомые с полными мешками, заряженными ружьями и саблями. Все то, что взяли с собою, решились оставить на дворе на случай опасности. На другой день мои свояки на оставшейся тележке и паре рысаков, без хомутов и шор, поехали в город. Лишь успели купить мяса, то увидели скачущих через Охотный ряд казаков. Подавай бог ноги! и наши воротились в 3 часа не с добрыми вестями. Народ бежал мимо нас толпами, грабительство производилось и за нами, и перед нами. На одной тележке ехать было некуда - итак, перекрестясь, остались в Измайлове. Вечеру видели казаков, кучу попов и много проходящих, кои все подтверждали, что неприятель в 3 часа вошел в город, откуда около 4 часов слышали выстрелы, а в 6 часов возле зверинца так стукнули, что мы присели. Поляки сделали кордон почти около всей Москвы. В этот день пристал к нам отставной офицер [Борзянков](#). В самую полночь человек 10 раненых начали ломить наши ворота, мы вскочили и решились сражаться. Но его мундир защитил нас. В эту ночь загорелся Гостиный двор и Смоленская. Поутру около 10 часов запылала фабрики около Новой деревни, запылало Покровское и так далее - около Яузы, Гошпиталя, немецк[ий] рынок, но в среду сделался пожар всеобщий. Страшное зарево видно за 100 верст. Тут число пришедших в нашей квартире умножилось, и мы для безопасности - оба пока - решились стоять на карауле. Две ночи проводили в ужасе, смотря на разительную картину пылающей Москвы. Ничто и никогда в свете не представляло такой картины!

Ветер ломил нашу хижину. В четверг начали в селе появляться фуражеры, по 2, по 3. Крестьяне били их и зарывали. Мы решились переехать в село. В пятницу и субботу начали грабить село, но не так сильно. Наши дамы забились под крышку. Крестьяне разбежались, и мы в 28 домах остались только одни, да прокурор 8 департ [амента] Петр Иван [ович] Дмитриев. Между фуражерами были беспардонные, т. е. в латах. Воскресенье прошло для нас благополучно, и мы имели случай согласить эскорту французов с крестьянами. Но - о, ужасный день понедельник! Лишь проснулись, застучали в наши ворота, отняли лошадемок и начали грабить нас нещадно. Офицер Борзянков нашел случай накануне перебраться в город. Не ожидая великой

опасности, рано поутру случился я на улице, возвратясь от уехавшей эскорты. Вдруг наскочил на меня поляк, приставил к сердцу пистолет и упрекал меня, будто я кричал накануне «ура!», и строго спрашивал, где их кирасиры (т. е. убитые). Я туда, сюда - смерть перед глазами! Но, благодаря господу, не совсем струсил и начал его униженно уверять, что не знаю никакого Гура, что не видал и кирасиров. 25 минут шельма ругал меня и готов был застрелить, но удалось мне отговориться неведением, и он меня оставил. Наши дамы видели всю эту сцену, а кавалеры, помнится, стояли у ворот. Тут, чтобы избавиться [от] сабли и пули, отворили мы ворота, и к нам начали приходиться гости, по 6, по 5 и по 3 человека. Они сделали честь нашим сапогам, платкам, капотам, тулупам, подтяжкам и так далее. Даже не устыдились искать у нас серебра и пониже поясицы. Словом, я надел лапти и с дырами серый кафтан, Заборовский нарядился не лучше меня, а у Петрова более уцелело, потому что и сапоги, и другое одеяние было им не впору. Нас грабили 2 и 4 полку гусары, и один, шельма, верно, жид, приходил по два дни с товарищами, все у нас повытаскал, даже перочинные ножички, бритвы, с рук кольца. Нашедши пули, бросили нам с ругательством в рожи. Во вторник мы сделали из остального имущества род лавки и предлагали, что им нравилось. Это спасло нас от жестоких грубостей. Под вечер пришли трое. Я случился на крыльце. Двое ухватили меня за руки, а третий, развязавши все, бывшее на шее, положил на нее вострую саблю и требовал шуб, серебра, денег и проч. Постный вид, немецкие клятвы и двугривенный избавили меня от сей беды.

В этот же день прострелили 2 пулями живот господину Дмитриеву, и он на другой день в госпитале скончался, оставив 5 детей. Наши дамы все сидели закупоренные. Хлеба у нас не было, и мы, купивши ржи, посылали молоть ее в полночь. Все - до последнего зерна было вырывается. Мужик один показывал [нам]. В среду, поймавши курицу, задумали мы спозоранку сварить суп. Приходят 6 чел. Трое полезли в печь, трое пошли грабить, и были столь жестоки, что начинали саблями разводить доски на том потолке, над коим сидели наши дамы. Евские суп начали поприглядываться к нашим девушкам, шутить, но мне удалось и тех, и других избавить от опасности. Евские суп стали, наконец, уверять грабивших, что у русских изб не делается ходу на чердак, хотя последние и начинали теревить солому и ломать крышку. Слава богу! Они нас с покоем оставили, и мы заключенным подали супу. Видимая опасность, особливо появление пьяных французов, разбивших пивоварню Брыкина, наконец, сострадание одного из неприятелей, который советовал мне идти к дивизионному генералу и просить пощады,- вложили в меня мысль решиться и идти в лагерь к неприятелю. Жалеющих, спасибо, было немного, и я в 3 часа после обеда пустился на волю божью. Дорогою увидел я вдалеке наших грабителей и рассудил идти в город. Был у 2 или 3 генералов, но их не нашел дома. Наконец, приблел к маршалу [Мортье](#), и его адъютант велел мне идти к коменданту [Мило](#). Там нашел я [Виллерса](#), полицмейстера французского, я его знал, и он мне через ½ часа дал сертификат, в коем было прописано: по указу-де императора, оный комендант повелевает всем

французским войскам асе [есору] [Сокольскому](#) и его фамилии отдавать должный респек [т] и хранить его собственность. Поутру прибил я к воротам копию сертификата и заложил оные бревном. Бросились опять грабить, но, увидя бумагу, иные проходили мимо, иные жестоко ругали, а неумевшие читать грозили саблею и пистолетом в окошки, от коих я не отходил многие дни. Как скоро, говорил я, осмелится кто ломать ворота, то я имею приказание от ком [енданта] Мило прямо репортовать к дивизионному] ген [ералу] [Бауерману](#) (когого я и в глаза не видывал). В пятницу Петров отправился с письмом к Виллерсу (когого я просил, чтобы очистили половину моего дому от постоя, что действительно [было] исполнено через неделю), чтоб дан был и Петрову сертификат. В тот же четверг разломали задние ворота, но и там удалось мне уверить и отогнать. Таким образом жили в великой опасности до 16 числа сент [ября]. Сертификаты везде рвали, коменданта ругали, жены наши по-прежнему под крышкою пребывали. Но мы вообще большой опасности не видали и спокойнее прежнего спали. С 16 на 17 в самую полночь отворили у нас окошко и закричали: «*Вы горите!*» Я почти два месяца не раздевался, выбежав, увидел, что, действительно, 4 дома пылают вдруг на той улице, где мы жили. Лошадей не было. Какая-то худая тележка попалась нам - ну ее починивать и выбираться. Лишь успели вынести, что подле нас было, как вдруг являются беспардонные. Прощай все! Но и тут сам бог удержал их руки от грабительства, и они спрашивали меня, кто зажег. Зажгли сами. В 2 с ½ часа притащились опять ко священнику, который, не могши всего перенести, вынесен был мертвый в церкву, лежавши непогребенный 4 или 5 дней. Здесь опять должно было вооружиться новым терпением, сносить новые грубости, но для погребения старика привезен [был] поп из запасного дворца под французским караулом, которому должно было заплатить. А через несколько дней Петров там же выпросил лошадей и караул, с коим мы и перетащились в запасной дворец.

Как мы тут жили, о том перескажу вам словесно после. 7 октября 4 взрывами поднят на воздух и сожжен полевой двор, а с 10 на 11 в ¼ по полуночи - половина цейггауза, галлерей с большими колоколами, в двух местах стена и Алексеевская башня изволили приподняться с своего места. От первого взрыва протянул я и ручки, и ножки, а жена моя закудахтала. Уехали неприятели, и мы дней через 5 перебрались в дом свой. Тут является Арефий и умножает наше семейство двумя особами, т. е. Наською и Машкою. Первая пожаловала с шелудями, и в нашей кухне начали жить 9 или 10 особ. К Арсению Алексеевичу почтение у всех оказалось велико, но не у меня. И мы после жесточайшей и самой фабричной брани с Петровым расстались. Он почел меня за беглого рекрута и сильными доводами доказал, что он в тысячу раз достойнее и умнее меня. Все этому аплодировали, и я, грешный, прожил 5 дней в бане. О, как жестоки чувства в казенной палате!

Благодарю бога, что он послал мне случай иметь понятие о языках. Заговорил всеми глаголами, а то бы, бог весть, что с нами было.

Илларион - Е. Ан.

[Без даты и места]

...Известно вам да будет, честнейшая и милостивейшая государыня, в каком мы положении во время ужасной сей бури находились.

Я думаю, вам не безызвестно, что французы и с ними двадцать языков взошли в ц [арствующий] град Москву 1812-го года сентября 2-го дня, что было в понедельник, а в обитель нашу Симоновскую [еще нет], хотя во вторник и в среду в монастырские ворота, восточные и западные, стучались много раз, но еще не ломали их. А в четверг, т. е. 5-е число поутру, во время всенощного бдения, бывшего без звону, ворота западные прорубили и взошли прямо в собор во время великого славословия, стали в западных церковных дверях и стояли до окончания службы. Служили всенощную иеромонах Митрофан и иеродиакон Мельхисидек, а архимандрит [Герасим](#) в алтаре стоял, а братья на клиросах пели. По окончании службы варвары царскими дверьми взошли в алтарь, побрали все со св. престола: кресты, евангелие и антиминс в карманы вместо платков, также и жертвенника потир, дискос с прибором [взяли], а другие начали ломать шкафы, сундуки и проч. Некоторые из братии, старички, как-то...иеромонах Тихон и иеромонах Митрофан и другие после всенощной, не выходя из церкви, начали читать правило ко святому причащению, остановясь за левым клиросом пред большим распятием Иисуса Христа, хотели за литургией причаститься св. тайн, но бог не допустил. В это время вдруг пошел стук, гром и крик и шум. «Мы от сего страха,- говорили старцы,- пред крестом пали ниц на помост чугунный, воображая, [что] вот подойдут к нам варвары и отрубят нам всем головы, [и] в тайне сердца своего со слезами молились. Вдруг подходит к нам один варвар и, толкнувши ногой игумена Андрея, говорит: «Что вы? О чем молитесь? Нас клянете?» Но игумен отвечал: «Мы о своих грехах молимся, а вас не клянем». Потом варвар начал с нас сапоги снимать. У иеросхимонаха Ионы сапоги были привязаны ремнями, и он, вставши, развязал, и варвар, севши на скамеечку против Владимирской иконы божьей матери, свои скинул и ему кинул, но тот не надел их. Потом начали нас всех раздевать и обыскивать и, обыскавши, ушли от нас. Мы же, из церкви вышедши на паперть, увидели, что архимандрита истязывают варвары: уставивши в грудь саблю, спрашивают, где добро, и говорят: «Давай злата, серебра и белья». Архимандрит говорит: «Пойдемте ко второму начальнику, все деньги у него» - и отвел их к наместнику. А мы, убежав, скрылись под Сергиевской церковью в тайном месте, куда уже много от страху набежали и мирских. Сидели мы там до вечера, потом я посмотрел на монастырь - не видать никого - я пошел в свою келью. В ней все еще было цело. И в башнях ходил, тут в погребе скрылись архимандрит [Герасим](#), иеромонах Феокист <...> и прочие. И они меня сперва испугались, потом пошли все в мою келью. Архимандрит попросил есть, я затопил печь и воды в чайнике согрел, а за водой на колодезь сходил. Некоторые варвары видели меня, но ничего мне не сказали, а в Сергиевской церкви, в трапезе братской и кладовой огни горят. И

я, пришедши в келью сзади, нашел медку, сухарей - все укрепились сим. Архимандрит Герасим влез на ограду и прочие с ним, а меня послал в Успенский собор посмотреть, что в нем делается. Я хотя и страшился, но не ослушался настоятеля, пошел из кельи опять задом. Подхожу к собору - в нем огни и много варваров бегают с возжженными местными свечами. Я с молитвою и с рассуждением, что хотя меня убьют, но я послан на послушание, вошел в собор. Варвары бегают и меня видят. Я взошел в алтарь - на престоле ковчег цел. Я взял его под полу и пошел в келью и подле кельи посмотрел, - в ковчеге св. даров и ящика нет. Я ковчег зарыл в грядках и землей засыпал и хотел идти в келью, но услышал топот и лалаканье. Я в грядках скрылся и лежал более двух часов. Потом, услышав из башни голос иеромонаха Феокиста, я подошел к ним и рассказал архимандриту о соборе и ковчеге и где скрыл [его]. Потом пошли в мою келью [и] начали советоваться, как бы из монастыря уйти по той причине, что штатные француза убили и подле заднего братского флигеля в отход кинули, а после они же начали его из отхода вытаскивать. В это время какой-то французский начальник увидел их и убитого француза, но штатные сказали: «Не мы убили его, а монахи».- «Где же монахи?» Штатные отвечали: «Все бежали из монастыря». Ежели бы нас нашли, то всем бы головы отрубили, а если бы сего (убиения француза) не случилось, то все мы хотели [бы] в монастыре сидеть, что бы с нами ни случилось.

Послал о. архимандрит иеромонаха Митрофана узнать о западных воротах, можно ли уйти из монастыря. Иеромонах Митрофан, сходя, сказал, что никак нельзя - ворота бревнами завалены. Потом, немного спустя времени, послал архимандрит двоих иеромонахов, Феокиста и монаха Амфилохия. Они, пришедши, сказывают: «Очень можно [уйти]. Одним бревном [ворота] приперты, и варвары все спят, никого нет, а светло, почти как днем, от московского пламени». Итак, все монахи стали готовиться в поход. Иеросхимонаха Иону стал уговаривать архимандрит остаться в монастыре, но он отвечал: «Как мне одному с варварами оставаться? Нет, я с вами же пойду». Потом он надел на себя две рубашки, два балахона и шубу на заячьем меху китайчатую, обулся в туфли, взял образ божьей матери Казанской, а более ничего, ни денег, ни платочка, ни камилавки, ни хлеба. Потом помолились все со слезами в моей келье и пошли позади келий к воротам, и вышедши из монастыря, они побежали под гору, а я не успел за ними, пошел вниз к реке и, бежав подле реки, увидел архимандрита и прочих за слободою, на берегу сидящих. Потом пошли мы к Данилову монастырю. Хотели через мост перейти на ту сторону, [но] тут увидели мы на той стороне караул французский и пошли по берегу в деревню Кожухово, где перешли через реку мостом и пошли в село Коломенское, где один мужичок принял нас, ввел в сенной сарай и посадил лестницей на сено, куда подал нам хлеба и горшок парных яблоков, где мы сидели до ночи, а ночью пошли в Екатерининскую пустынь, где пробыли двое суток, потом пошли в Давидову пустынь. Тут некоторые остались, а мы с архимандритом пошли в город Коломну, в Троицкий

монастырь. Здесь архимандрит сего монастыря [Анания](#) нас принял. Здесь иеросхимонах Иона у архимандрита Анании проживал до освобождения Москвы от французов, а архимандрит [Герасим](#), несколько здесь поживши, пошел в армию, где и был до возвращения в Москву.

По освобождении цар [ствующего] града Москвы, матери градам, все жители услышали о сем с такой радостью, что и изъяснить я не могу. Только едино сердце у всех восхищалось. Хотя и на пепелище, но на свое жилище всякий возвращается, и увидя свои хижины сожженные, горькие слезы проливали.

[П. А. Кикин](#) - брату.

[7 октября. Тарутинский лагерь]

....Теперь скажу о нашем положении по сие время. Война, сначала столь, по видимому, безвыгодная и даже бедственная, по мнению моему, взяла совсем иной оборот, ибо потеря наша состоит в нескольких губерниях, которые по окончании военных действий неминуемо снова к нам присоединятся. Следственно, одни государственные и частные имущества потерпели, кои также легко поправляются, особенно когда воспоследует хороший конец. Выгоды же, приобретенные сею войною, суть несчетны. Мы узнали возможность вторжения неприятеля в наши границы, чего, конечно, никто уже не предполагал после двух столетий непрерывно, час от часу процветающей России; узнали нужду вперед предохранять себя от того, увидели неисчетные средства в богатстве и способах государства, утвердились в народном духе и привязанности к отечеству, научились распознавать истинных сынов отечества от тех, кои покорствовали силе, ожидая удобного случая отторгнуть себя от оногo, познали, в чем состоит обязанность каждого друг к другу и родине своей, удостоверились, что народное просвещение, к благу человеческого рода филантропами проповедуемое, есть призрак обольщающий, [а не] токмо неудовлетворяющий рассудку, ибо неприятель наш, мечтающий воспламенить народ громкими словами: вольность, свобода, грубо ошибся в ожидании своем. И [он] убедиться теперь должен, что не нашел того варварства и порабощения, которыми несправедливо нас всегда упрекают и на конец [которых] так сильно надеялся, шедши в сердце России. Справедливую честь дворянству российскому приписать следует, и остается желать, дабы и просвещение оставалось в той же силе, ибо знающий свои обязанности, почитающий веру и любящий отечество просвещен достаточно....Где ни шел [неприятель] - везде находил опустошение, где мы ни останавливались - везде отражен. Привыкший, где [ранее] навоевал, содержать войска свои на счет [покоренной] земли, у нас, конечно, немногим воспользовался. Поддерживал войска свои надеждою, что обогатится в Москве и предпишет нам постыдный

мир - теперь, напротив, видит, что всякий из нас охотно всем жертвует, но твердо стоит за веру и честь. Каждый не иначе как с ужасом о мире помышляет, от чего обманутые и изнуренные французы негодуют весьма и, видя невозможность почти хорошо кончить для них, теряют дух, приходят в отчаяние.

[Так] как надлежит когда-нибудь кончить, то в коротких словах после столь плодovitого и нескладного описания скажу, что одно желание всех русских должно быть - продолжение войны, которое неизбежно рано или поздно накажет достойно общего врага, и спасая Россию, спасет всю Европу. Худое положение неприятеля ясно доказывается тем, что просит уже мира, предлагая несомненно все возможные нам выгоды. На передовых постах в разных переговорах французские генералы и [Мюрат](#), неаполитанский король без околичностей говорят нам, что ничего [так] не желают, как прекратить войну. Один из них сказал: «Дайте только нам паспорт, мы выйдем все и оставим все по-прежнему, и вы будете в покое». Известно, что он не смел бы заговаривать о том, если бы [это] несогласно было с волею Наполеона. Дерзость его может быть жестоко наказана, лишь бы с нашей стороны твердо устоять в решимости не делать отнюдь миру до совершенного истребления армии его, и если поможет бог, до общей перемены в Европе и избавления [ее] от ига Наполеона. Может сие показаться желанием чрез меру дерзостным, но зная подробно все обстоятельства, смело могу сказать, что для события оного надобно. А именно, твердость с нашей стороны и решительность венского двора, выгоды коего теснее прочих сопряжены с сею переменою, прочее же все уже готово и в действии. Остается согласно выполнить - тогда одно счастье может спасти любимца своего, ибо, действительно, он в худом положении.

Сейчас получено известие от генерал-адъютанта графа [Винценгерода](#), стоящего на Петербургской дороге, что он взял в плен в течение трех недель 2700 человек, которые доставлены в Тверь. На Ярославской дороге также взято несколько сотен. Время стоит у нас хорошее, но зима приближается, и неприятелю минуется час от часу более средства и возможности здесь держаться. Мудрено придумать даже, какие возьмет меры он. Остается одно отступление и то по дурным дорогам с изнуренными лошадьми и имея одну армию пред собою, другую на его дороге, [которые] не обещают ему ничего доброго... Гений его и счастье сопровождали всегда его замыслы - они одни могут его вывести из сего лабиринта. Россия ему - второй Египет. Австрийцы ушли в свои границы, что для нас не токмо полезно, но даже обещает многого впредь.

Я предполагаю, что с нетерпением ожидают возвращения курьера, может быть, уже и негодуют на меня, что его задержал, но надеюсь оправдаться, изъясняя оному причину. Мы намерены были произвести атаку на неприятельский авангард, которая вчерась с успехом была выполнена. Генерал Бенигсен с тремя корпусами, имея большое число казаков под командою графа [Орлова-Денисова](#), пошел в обход и напал на них с левого их фланга.

[Милорадович](#) - с правого. Неприятель нимало не держался, в беспорядке начал отступать и был прогнан за 15 верст, оставляя большое число своего обоза. Потеря его состоит в одном штандарте, 15 офицерах и до 600 пленных, по сие время приведенных. Значительный же урон его был в пушках, которые казаки брали, как грибы, и взято, по словам их, более 30. Но, [так] как они ко мне еще не доставлены, то достоверного числа сказать не могу. День сей, то есть 6 октября, не так важен потерей неприятельскою, сколько последствиями своими, ибо придает духа нашим и произведет сильное негодование с их стороны. Впрочем, сие зависит от начальников. Мы вчерашний день потеряли весьма мало, но, к несчастью, лишились хорошего корпусного командира - генерал-лейтенанта [Багговута](#), убитого 3-м или 4-м неприятельским ядром. Партии наши вчерась также доставили значущее число пленных нижних чинов, также и офицеров. Теперь тороплюсь отправлять курьера в надежде, что не будут недовольны мною.

П. Кикин

[М. И. Кутузов](#) - жене.

7 октября. Лагерь под Тарутином

Бог мне даровал победу вчерась при Чернишне_; командовал [французами] король неаполитанский. Были они от 45 до пятидесяти тысяч. Немудрено было их разбить, но надобно было разбить дешево для нас, и мы потеряли всего с ранеными только до трехсот человек. Недостало еще немножко счастья, и была бы совсем баталия Кремская. Первый раз французы потеряли столько пушек и первый раз бежали, как зайцы. Между убитыми много знатных, об которых к государю еще не пишу, не зная наверное.

Я вчерась говорил с одной партией пленных офицеров и сегодня получил от их благодарное письмо, которое посылаю только для семьи, а не для публики....

[А. Е. Измайлов](#) - [Н. Ф. Грамматину](#).

7 октября. С.-Петербург

...Потеря Москвы с самого начала навела на нас, петербургских жителей, большой страх, но благодаря богу, страх наш мало-помалу прошел и уступил место надежде. Несмотря на то, что в прошедшем месяце отправились отсюда на Крохинскую пристань многие караваны с казенным имуществом, жители не думают теперь выбираться из Петербурга, да и из прежних беглецов многие от дороговизны воротились назад и раскаиваются в напрасном своем страхе.

Общество наше еще существует, только собрания сделались малочисленные. Некоторые из членов уехали отсюда, в том числе и [П. М. Карабанов](#). Он послан по казенной надобности и теперь уже, думаю, окончил благополучно свое плавание.

А соименитый вам [Н. Ф. Остолопов](#) в самый день кровопролитного Бородинского сражения 26-го августа, едуци сюда из Вологды, ранен был на дороге близ Череповца весьма опасно разбойниками, которые ограбили его почти на 7 т. р. Удивительно, как он остался жив, ибо по одному направлению попали ему в висок две картечи. Но теперь опасность совершенно миновалась, и он написал стихи на смерть раненного с ним в один день князя Багратиона.

После отъезда вашего отсюда родился у меня сын Платон. Хотя ныне в надежде и на Кутузова, и на Витгенштейна мы гораздо спокойнее прежнего, но несколько времени назад и не знал я, что делать с шестерыми ребяташками, а особливо слышав о варварствах, которые делались в Москве *просвещенными* нашими врагами. Вот до чего довело нас пристрастие к французам! Несмотря на все это, и теперь еще многие не могут отвыкнуть от французского языка и театра....

[М. А. Волкова](#) - [В. И. Ланской](#).

7 октября. Тамбов

С третьего дня мы подверглись нового рода мучению: нам приходится смотреть на несчастных, разоренных войной, которые ищут прибежища в хлебородных губерниях, чтобы не умереть с голода. Вчера прибыло сюда из деревни, находившейся в 50 верстах от Москвы (по Можайской дороге), целых девять семейств: тут и женщины, и дети, и старики, и молодые люди. Все помещики, имевшие земли в этой стороне, позаботились вовремя о спасении своих крестьян, дав им способы к существованию. Государственные же крестьяне принуждены были дожидаться, покуда у них все отнимут, сожгут их избы, и тогда уже отправились по русской пословице куда глаза глядят. Крестьяне, виденные нами вчера, были разорены нашими же войсками; мне их стало еще жальче оттого, что, рассказывая о всем, с ними случившемся, они не жаловались и не роптали. В такие минуты желала бы я владеть миллионами, чтобы возратить счастье миллиону людей, им же так мало нужно! Право, смотря на этих несчастных, забываешь все свои горести и потери и благодаришь бога, давшего нам возможность жить в довольстве посреди всех этих бедствий и даже думать об излишнем, между тем как столько бедных людей лишены насущного хлеба. Пребывание мое в Тамбове при теперешних обстоятельствах открыло мне глаза насчет многого. Находясь я здесь в другом положении, думай лишь об удовольствиях и приятностях жизни, мне здешние добрые люди непременно показались бы глупым и очень смешными. Но прибыв сюда с разбитым сердцем и с душевным горем не могу тебе объяснить, как благодарны были мы им за ласковые к нам поступки. Все наперерыв стараются оказать нам услуги, и нам остается лишь благодарить этих добрых соотечественников, которых мы так мало знаем. Правда, здесь не встретишь молодых людей, которых все достоинство заключается в изящных манерах, которые украшают своим присутствием гостиные, занимают общество остроумным разговором, но, послушав их, через пять минут забудешь об их

существовании. Вместо них сталкиваешься людьми, быть может, неуклюжими, речи коих нецветисты и неигривы, и которые умеют управлять своим домом и состоянием, здраво судят о делах и лучше знают свое отечество, нежели многие министры. Сначала, привыкши к светской болтовне, мы их не могли понять, но мало-помалу мы свыклись с их разговором, и теперь я с удовольствием слушаю их рассуждения о самых серьезных предметах....

Д. С. Дохтуров - жене.

8 октября. [Тарутино]

Третьего дня у нас было очень хорошее дело. Авангард неприятельский под команду Мюрата был нами атакован нечаянно и разбит вдребезги. Взято у них более 30 пушек со всеми снарядами, более тысячи [человек] в плен попались. Слава богу, дело было хорошее, а что всего лучше: нам стоит весьма мало, только весьма жаль: бедный Багговут убит. Вот судьба - бог его спас в кровопролитных делах, а тут, где такая малая потеря, как нарочно, он один из значущих убит. Даже ни одного штаб-офицера не потеряно. Я чрезвычайно о нем сожалею - он был храбрый и достойный человек. Он, я думаю, будет похоронен со всею военною церемониею. Надо, по крайней мере, отдать последний долг хорошему слуге и верному сыну Отечества....

А. А. Закревский - М. С. Воронцову.

10 октября. Володимир

Вчерашнего числа проехал чрез Володимир князь Меншиков, бывший адъютант покойного князя Петра Ивановича и пожалованный в флигель-адъютанты. [Он] говорил мне, что Румянцев и Аракчеев желают мира и уговаривают на сие государя. Кутузов писал также к императору, чтоб стараться скорее заключить мир, ибо он боится, чтоб его не разбили - тог мир не так совершится, как бы можно было теперь. Должен вам признаться, что я не всему этому верю. Меншиков - молодой человек - может солгать. Буде же действительно правда, что они желают мира, то вот три первейшие России врага. Почтеннейший граф, можно ль будет ожидать что-нибудь доброе? Нет, при эдаких бездельниках, кроме зла, быть ничего не может. Да я хочу спросить: то ли время говорить о мире с коварным злодеем тогда, когда он совершенно в наших руках и должен погибнуть; если не совсем, половина армии его при отступлении должна остаться у нас и большая часть артиллерии. Вот каковы патриоты в России! Кутузов при старости достиг своей цели, следовательно, ему желать более нечего, как мира, пагубного России. Время все покажет... В Петербурге всякий день французские театры. Народ кричит, но государь, несмотря на это, нарочно приказывает играть французские пьесы. Из сего также могут быть последствия самые худые. Буде вы получили какие известия о Москве от Винценгероде и из армии, не оставьте меня уведомить по уговору нашему. Гофшпитальным вашим мой

ПОКЛОН.

В. С. Норов - родным.

10 октября. На поле при реке Наре

Здравствуйте, папенька, целую ваши ручки и прошу вашего благословения. Богу угодно было, чтоб братец пролил кровь свою за отечество и попал в руки неприятеля, но человеколюбивого, ибо сам братец пишет, что ему и всем раненым нашим офицерам весьма хорошо, доктора искусные, и рана его заживает. Он потерял только кисть ноги. Сперва оторвало только ему носок, но отрезав немного повыше, его тем спасли. Кротким своим нравом и поведением братец сыскал себе во всех своих товарищах и начальниках друзей. Генерал Ермолов и все офицеры гвардейской артиллерии, получа от него письма чрез французского парламентаря и узнав, что ему нужда была в деньгах, послали ему значительную сумму червонцев....По крайней мере к утешению вашему я извещаю вас, что братец действовал столь отлично во время сражения, что обратил на себя внимание начальников и награжден орденом святого Владимира с бантом и чином подпоручика. Мне весьма приятно было слышать от товарищей его, как все братца хвалят, и сколько он имел духу. В самую ту минуту, как его ранили, он сказал только: «Заставили меня французы ходить на одной ножке». Словом сказать, братец подал самому мне собою пример, и я сколько его сожалею, столько и радуюсь, что он храбрый офицер....Я прибыл в армию только с неделю. Приезд мой был ознаменован столь счастливым происшествием, что надо вам об этом донести и обрадовать вас всех победою. Третьего дня атаковали мы французов столь счастливо, что они бежали от нас, как овцы. 37 пушек и один знак достались победителям. Говорят, что начальник польских войск князь Понятовский убит, а французы в крайнем беспорядке разбрелись по лесам, откуда ежедневно водят их к нам сотнями. Следствием мудрого распоряжения князя Кутузова французская армия доведена до крайности, и они питаются только лошадьми. По начатым движениям французов видно, что они хотели бы отступить, но сего им невозможно, и гордый Наполеон найдет здесь гроб своей славе и воинам своим. Еще не удалось мне быть в огне, и я был только зрителем третьего дня победы, ибо до гвардии не доходило дело. Сегодня или завтра надеюсь, что удастся мне с своими егерями потягаться с французами; уже я видел их удаль, но где им устоять против штыков наших? Так будьте уверены, что если мы много потеряли, то и французам всем лечь на земле нашей. Сие видно по положению армии....

Вас, маменька, прошу Христом-богом не беспокоиться обо мне, как и о братце.... Братец возвратится к вам здоровым и орденом украшенным, он заслужил поведением своим любовь и почтение от всех своих товарищей, и приятно слышать, как все они его хвалят. Вы знаете, маменька, долг наш отечеству, знаете и нас, что мы постыдились бы быть в покое, когда и честь, и долг велят сражаться, и мы друг перед другом покажем, что мы русские и

воспитаны в честных и благородных правилах...О себе же скажу вам, что восхищен всем, что каждый день вижу. Наконец, я в своем месте и чувствую себя способным быть полезным отечеству. Живу я как нельзя лучше в походе. Очень здесь весело: военная музыка и гром орудий рассеивают всякую печаль. Прошу вашего благословения и с оным готов ежеминутно лететь в сражение. ...Сын ваш *Василий Норов*.

Н. М. Карамзин - И. И. Дмитриеву.

11 октября. Нижний [Новгород]

Любезнейший друг!

Выехав из Москвы в тот день, когда наша армия предала ее в жертву неприятелю, я нашел свое семейство в Ярославле и оттуда отправился в Нижний. Думаю опять странствовать, но только без жены и детей и не в виде беглеца, но с надеждою увидеть пепелище любезной Москвы: граф П. А. Толстой предлагает мне идти с ним и с здешним ополчением против французов. Обстоятельства таковы, что всякий может быть полезен или иметь эту надежду. Обожаю подругу, люблю детей, но мне больно *издали* смотреть на происшествия, решительные для нашего отечества. Осудишь ли меня? По тому же побуждению я и в Москве оставался. Верю проведению. Не буду говорить много, хотя и с другом. Во всяком случае еще напишу к тебе отсюда.....

Жаль многого, а Москвы всего более - она возростала семь веков! В какое время живем! Все кажется сновидением. Прости, милый друг...

Верный твой друг *Н. Карамзин*.

Е. Н. Давыдова - А. Н. Самойлову.

14 октября, м. Каменка

Сейчас получено из Кременчуга известие от приезжего капитана комиссариатского из Бобруйска, и [он] сказывал, что там крепости начальник получил от Чичагова радостные известия, что Чичагов разбил неприятельские корпуса и вступил в Люблин без в [с] якого затруднения. Тут объявлен ему от Римского двора неутралитет. О сем делано торжество в бобруйской крепости, и 301 выстрел дан был. А получено сие известие от 9-го октября....

Д. С. Дохтуров - жене.

15 октября. [Ок. Малоярославца]

Здравствуй, мой милый и добрый друг. Спешу известить вас, что 12-го числа этого месяца у меня происходило большое дело, которое продолжалось целый день. Я был назначен в одну экспедицию для того, чтобы захватить несколько неприятельских отрядов, но это не удалось, потому что Наполеон оставил Москву и направился со всеми своими силами по новой Калужской дороге. Но

для того, чтобы не дать ему овладеть этою дорогою, столь необходимою для наших сообщений, я устремился со всеми войсками, которые имел в своем распоряжении, к маленькому городу Малому Ярославцу. Я прибыл туда в пять часов утра и произвел немедленно атаку моими егерями, которые прогнали неприятеля. Но неприятель усиленно вытеснил нас и занял опять город. Я усилил атаку, выгнал их. Все сие продолжалось несколько раз. Они усиливались беспрестанно, и всякий раз я их выгонял. В четвертом уже часу после полудни прислали ко мне на подкрепление 7-ой корпус Раевского и несколько после - Бороздина корпус, но и тут неприятель все покушался нас опрокинуть и, завладев городом, занять дорогу Калужскую. Но ему не удалось, он был всегда отбит. Наполеон сам был тут. Целый день я был в сем деле, устал, как собака, но слава богу, совершенно здоров и невредим. Наши дрались славно, много у нас ранено и убито, но у нашего злодея несравненно более.

Я ласкаю себя, что мною довольны, я все сделал, что мог. Пока не прислали подкрепления, с одним моим корпусом мне было весьма трудно, но бог помог, все кончилось по желанию. Я тебе посылаю нарочного курьера с сим известием....

П. И. Энгельгардт - матери.

15 октября. Тюрьма, Смоленск

Дрожайшая матушка!

Я по лживому доносу четырех крестьян: Григория Борисова, Михаила Лаврентьева, Корнея Лаврентьева и Авдея Свиридова осужден на смерть, и сегодня покончат нить дней моих. Молите бога обо мне. Прощайте, попросите прощения мне у жены моей и тещи. Я сделал духовную: исключая подаренных попу Одигитриевскому Мурзакевичу [и отпущенных] нескольких на волю, предоставил в Ваше владение все свое имение. Вот участь несчастных. Благословите меня, хотя мертвого, много бо может моление матерние к благосердию владыки. Сестрице моей Виктории Михайловне мое почтение. Прощайте, дай бог, чтобы эта участь многих не постигла. Мне остается только полчаса наслаждаться светом.

У подлинного так: истинно и усердный сын *Павел Энгельгардт*.

Н. М. Карамзин - брату.

16 октября. Нижний [Новгород]

Уверенный в вашей нелестной родственной дружбе, мог ли я сомневаться и в искреннем участии, которое вы принимали в судьбе нашей? Не менее того я был тронут до глубины сердца, читая ваше дружеское письмо, в котором вы описываете ваше обо мне беспокойство. До сей минуты мы, слава богу! здоровы. Вчера курьер от владимирского губернатора привез нам известие, что Наполеон совсем вышел из Москвы, подорвав Грановитую палату, и направил

адские стопы свои к Смоленску, захватывая и Калужскую дорогу. Надобно ждать кровопролитной битвы. Злодей идет не по розам, а по трупам. Дело еще не кончилось, но кажется, что бог не совсем оставил Россию. Жаль только, что дано повеление еще умножить ополчение новым набором *шести* человек со *ста* для уравниения наших губерний с Московскою! Авось либо это и отменится. Я ездил в свою деревню и видел много жалкого; не знаю, чем будем жить. Но главное то, чтобы спаслась Россия. Думаем остаться здесь на зиму - в крестьянских избах нельзя жить с детьми.

Д. А. Валуева и П. С. Валуев - Марг. А. Волковой.

16 октября. Владимир

Поздравляю, милая сестрица, с возвращением Москвы. [Она] в бедственном состоянии, верного ничего не знаем, а по слухам, едва ли осталось 2000 домов. Кремль, сказывают, злодей подорвал, но верного ничего еще нет. Мы вчера послали на курьерских людей в Москву обо всем узнать, и Ивашкин также с полицией третьего дня туда же отправился. На будущей почте я вас, милая, обстоятельнее уведомяю....

Посылаю к вам разговор Милорадовича с Мюратом - умный, колкий, без брани, вежливым манером как русский и патриот говорил дерзко. Простите, милая.

Сестрица ваша, а моя почтенная жена и друг, растревожена будучи многими неприятностями, описывает вам Москву гораздо в худшем состоянии, нежели она к нам возвратилась. Хотя по сию пору слухи разногласны, но как партикулярные, так и донесения генерал-майора Еловайского, занявшего Москву тремя полками,- никто не утверждает, чтобы подорван был весь Кремль, а большая часть утверждает, что взорвана только крышка с Грановитой и часть Арсенала, а прочее, как-то: соборы, монастыри, сенатский дом, новая Оружейная [палата], Синодальное строение и Потешный дворец целы, и сверх того, почти все из Москвы выходцы удостоверяют, что еще в Москве партикулярных домов, каменных и деревянных, осталось целыми до 4000 и более. В числе последних уверяют нас и об нашем, у которого сгорели только конюшни, сарай и моя канцелярия, и для того надеюсь я в оном поместить себя, друзей и благодетелей моих.

Сверх отправленных от нас вчера наших трех человек, на сих днях отправлю я в Москву архитектора с помощником и некоторых чиновников для осмотра всего. Надеюсь, что репорт от них получу скоро, и с будущей почтой будете вы обо всем уведомлены верно и решительно.

Препоручаю в продолжение вашей родственной милости моих детей, пребываю, целуя ручки ваши, вашим искренним слугой

Петр Валуев.

М. И. Кутузов - жене.

16 октября. [Без места]

Я, слава богу, здоров, мой друг. Здесь, ей-богу, все хорошо. Наполеон бегаёт по ночам с места на место, но по его поручению мы его предупреждаем везде. Ему надобно как-нибудь уйти, и вот чего без большой потери своей сделать нельзя.

Детям благословение.

Верный друг Михаила Ку[тузов].

М. И. Кутузов - дочери и зятю.

17 октября.

Парашинька, мой друг, с Матвеем Федоровичем и с детками, здравствуй! Я, слава богу, здоров, но эти дни покою нет. Неприятель бежит из Москвы и мечется во все стороны, и везде надобно поспевать. Хотя ему и очень тяжело, но и нам за ним бегать скучно. Теперь он уже ударился на Смоленскую дорогу. Теперь вы далеко от театра войны и будьте спокойны....

А. Я. Булгаков - И. П. Оденталю.

20 октября. Москва

Я так был озабочен, что с первым нашим курьером не успел к вам написать, любезный Иван Петрович. Этого [курьера] не выпущу без подробного к вам донесения. Я в Москве или, лучше сказать, среди развалин ее, гласно мщения требующих. Трудно было сюда въезжать. Мы оба с графом, сидя в дормезе, давали свободно течение горьким слезам. Из 9000 с лишком домов осталось только 2655, между коими треть - маленькие домики и избы, так что надобно полагать 9/10[домов] сгоревшими. В Пречистенской части только восемь домов, а в Пятницкой - пять. Грустно смотреть! Теперь вижу я, что Москва не город был, а *мать*, которая нас кормила, тешила, покоила, обогащала. Всякий русский, всякий христианин имел в виду в старости Москву, а после смерти - царство небесное! Из оставшихся домов нет ни единого, который не был бы разграблен. Церкви осквернены, обруганы, обращены в конюшни. Из Чудова [монастыря] выгнали мы лошадей, в Благовещенском соборе навалена была бездна бумаги, на которой вам пишу, были бутылки, стояла бочка с пробками, мощи изувечены частью, частью же расхищены. Дмитрию-царевичу отрубили руки и голову. Повторены здесь ужасные сцены Робеспьера времени. Девочки десяти лет изнасилованы на улицах. У женщин, которые имели кольца на руках, обрубали пальцы со словами «cela va plus vite comme cela»! В Богородске по подозрению, что убиты там пять французов, взято пять мещан, двое расстреляны, двое повешены за ноги, а пятый погружен в масло, а потом сожжен живой на костре. Огнем сим изверги раскуривали трубки свои, певши

песни. Ужасно рассказывать. Ярость [французов] еще более умножалась от злости, что не заключается мир, и от недостатка в хлебе и шубах. Офицеры были убиваемы, а генералы обруганы солдатами французскими, кои никого не слушали, что доказывается прокламацией самого Наполеона, где [он] сулит жесточайшие наказания.

Покорность, храбрость, любовь к отечеству, к государю московских крестьян спасли Россию. Москва стоит Наполеону 25 т. человек; все козни, коварства злодея были тщетны. Россияне остались непреклонны. Его поморили в Москве с голоду, а как стал посылать в окружности фуражировать, то из 100 человек возвращалось едва 5 или 10. Есть анекдоты, коих грешно будет не передать потомству. Русские, сударь, герои. Гордиться должен тот государь, который имеет славу ими владычествовать. Вытеснен злодей из Москвы не армией, но бородами московскими и калужскими. Бежит Наполеон, в двое суток сделал он с гвардией 150 верст, но [и] так не далеко уйдет - мужики бегут за утомленную его армиею. Ужасны и хладнокровны мщениа наших крестьян, они тиранят жертвы свои, ловят их сами по дороге или покупают их за последние деньги у казаков на мучение. Я, право, сердце имею доброе, но не пожалею ни об одном. Нарышкин, мой приятель, служащий у графа [П. А. Толстого](#), приехал из армии. Он говорит, что французов мрет по 1000 и 1500 в день. У всех мертвых лошадей вырезаны языки и пахи - этим только питаются. Бонапарте хотел уверить всех, что Москва зажигалась по приказанию [Ростопчина](#), что он же желал порядок, тогда как варвар подкапывал Кремль и взорвал его, отъезжая....

Изменников было человек 40, не более, почти все - бродяги, мартинисты или известные якобинцы, яко [Ключарева](#) сын, некоторые купцы из раскольников и тому подобные. Большая часть вытребована императором в Петербург. Они составляли муниципалитет Наполеона и имели для отличия перевязи - белые и красные ленты. Граф с сими лестными знаками отличия заставил их сгребать под караулом снег на улицах впредь до повеления. Бедный граф очень огорчен несчастьем Москвы. Грешно будет императору не сыпать деньгами, чтобы восстановить свой *верный* первопрестольный град. Неужели будет сказано, что пришел кровопийца Наполеон и уничтожил в месяц столицу, столько веков процветавшую? Как скоро присутственные места восстановятся, а они только разграблены, то народ валить станет со всех сторон. Почта восстановлена со вчерашнего дня. Пишите мне по-прежнему, любезнейший Иван Петрович. Умные ваши и любопытные письма крайне будут меня радовать. Адресуйте на имя графское, с коим я живу. Получили ли вы письма мои от 23-го сентября и 11-го октября из деревни графа Воронцова? О вас давно не знаю я ничего. [Августин](#) во Владимире и будет сюда для освещения вновь оскверненных храмов божьих.

[И. В. Сабанеев](#) - [М. С. Воронцову](#).

23 октября. Рожаны

...Здесь прошел слух, что гр. [Меттерних](#) в звании австрийского посла поехал в Петербург с угрозами и предложением о мире. Какой мир! Что нам осталось? Что терять можно? Истребить злодея с его шайкою и плевать на немцев. А пусть идут, пусть войдут, пусть что хотят делают. У русских должна быть одна цель: гибель изверга; ничем дорожить не должно. Я очень рад, что все честные люди одного со мною мнения. Какого мира ожидать можно с Наполеоном? Я не думаю, чтобы государь на сие согласился.

[Н. Н. Раевский](#) - [А. Н. Самойлову](#).

23 октября. Вязьма

Заглавие письма моего, милостивый государь дядюшка, обрадует вас. Неприятель бежит. Мы его преследуем *казаками* и делаем *золотой мост*. Вот как все происходит и происходило.

После сражения б-го сего месяца, через два дня явился неприятель в *Боровске*, что на Калужской дороге в Москву, который с нами на одной высоте. А известие сие получено чрез *мужиков* боровских. Мы тотчас пошли на Малый Ярославец, который занятым нашли неприятелем. Дохтуров и я атаковали город, восемь раз их выгоняли, и к вечеру половина города осталась за нами. По сие время еще не решено, маскировал ли он свое отступление или действительно хотел следовать чрез Калугу, только скажу вам, что сей день стоит нам около 6 тысяч, а неприятелю, по крайней мере, столько ж. Я имел против себя итальянскую гвардию. После сего тщетного покушения неприятель пошел на Можайск и Вязьму и, как кажется, пойдет на Витебск и так далее за границу. Казаки его преследуют кругом, французы мрут с голоду, подрывают ящики, и с 12-го мы имеем их до 60-ти пушек и великий [Наполеон](#) сделал набег на Россию, не разочтя способов, потерял свою славу [и] бежит, как заяц. Граф [Витгенштейн](#) соединился со [Штейнгелем](#), выгнал Saint-Cyr(30) из Полоцка, взяв 2000 в плен и одну пушку. [Чичагов](#), не знаю зачем, послал отряд в Варшаву, другой - в Вильну, а сам одиннадцатого сего месяца еще был в Бресте.

Николай Чудотворец - великий генерал. С помощью его мужики более чем войска победили французов. Нап[оле]он [рас]счит[ыв]ал на мир с взятием Москвы и на возмущение, но в расчетах своих ошибся. Австрия за нас, и буде она нам поможет, то и вся немецкая земля подымется. Можно считать, что настал перелом счастья Бонапарте. Русский бог велик!

Мы все здоровы, брат Петр в отряде у [Милорадовича](#), потому не пишет. Мы все веселы, холоду, голоду не чувствуем,- всё ожило, злодей наш осквернил и ограбил храмы божьи - [теперь] едва уносит ноги свои. Дорога устлана мертвыми людьми и лошадьми его. [Неприятель] идет день и ночь при свете пожаров, ибо он все жжет, что встречает на ходу своем. За то и мы хорошо ему платим, ибо пленных почти не берут, разве одни регулярные войска.

Прощайте, будьте благополучны.

А. Я. Булгаков - жене.

25-26 октября. Москва

Я писал к тебе вчера, милая Наташа, и дал тебе отчет как о нашем путешествии, так и о печальном въезде в Москву. Исключая меня, все в доме спят, и я пользуюсь минутой общего покоя, чтобы побеседовать с тобой подольше. От Богородска до Москвы мы заметили мало следов неприятельского шествия: сожжено несколько деревень, от времени до времени видны были на дороге мертвые тела. Начиная с [Измайловского] зверинца, число мертвых тел увеличилось. Мы въехали через Рогожскую заставу в сопровождении драгун, казаков и гусар, начальники которых представляли свои рапорты по мере приближения к городу. Первый взгляд на Москву не произвел на меня того впечатления, которого я ожидал, ибо уцелевшие церкви со своими золотыми и серебряными главами придавали городу вид довольно игривый, но боже! что я ощущал при каждом шаге вперед! Мы проехали Рогожскую, Таганку, Солянку, Китай-город, и не было ни одного дома, который бы не был сожжен или разрушен. Я почувствовал на сердце холод и не мог говорить. Всякое попадавшееся лицо, казалось, просило слез об участи несчастной нашей столицы. На заставе нашли мы Василия Обрезкова. Все это место усеяно лошадиными трупами, но я не почувствовал никакого запаха, только пожалел наших бедных солдат, закапывавших эти трупы, которые, должно быть, вблизи издавали сильный запах. Это мне внушило мысль, которую граф тотчас же одобрил и которая заключалась в том, чтобы употреблять на эти работы вместо своих французских солдат, здесь оставшихся и выздоравливающих от ран. Пусть околевают эти негодяи или искупают свою жизнь тяжелой и нездоровой работой.... Мы направились к Иверским воротам. Лавки с обеих сторон все сожжены и уничтожены, а те, которые на левой стороне, разрушены выстрелами трех орудий, поставленных у Сената и теперь еще тут стоящих.... Спасские ворота заперты, а так как Никольские завалены обломками башни, шпиля (я разглядел во рву под мостом двуглавого орла, который венчал башню) и Арсенала, то нам нельзя было въехать в Кремль ни теми, ни другими воротами, и мы принуждены были ехать по Моховой мимо Пашкова дома через Боровицкие ворота, где стоит пикет и не пропускает никого без особого позволения.... Царское местопребывание стало местом ужаса: дворец сгорел, на большой лестнице валялась солома, капуста, картофель. Грановитая палата сожжена-я вошел вовнутрь - во многих местах еще дымилось. Мы спустились по Красному крыльцу - оба собора представились нашим глазам совершенно целыми, так же и Иван Великий, у которого, впрочем, есть продольная трещина на стороне, обращенной к Красному крыльцу. Колокольни и все, что примыкало к Ивану Великому, взорвано и представляет страшную развалину. Тут и кирпич, и камни, и колокола, и балки, и кресты, перемешанные в грудах обломков, которыми завалена площадь на большом пространстве. Часть стены, обращенная на Москву-реку, разрушена. Это сделано было, вероятно, для того, чтобы проложить самый короткий путь к реке, куда французы, кажется,

побросали пропасть пушек, ибо видны следы от самого верха до гранитной набережной, а железная решетка была в этом месте снята. Часть Кремля, где прежде стояла царь-пушка, усеяна бумагами, рукописными книгами и пергаменами. Некоторые из них я прочел - это сенатские и межевые дела, видно, они из этой бумаги делали патроны. Оттуда пошли мы на площадь против Сената. Арсенал взорвало, то есть ту половину, которая к Никольским воротам, прочее только сожжено, но не взорвано. Новая Оружейная [палата] совершенно цела, Сенат также, только в нем все переломано, оконницы и стекла все перебиты....Ужас и уныние наводит смотреть на опустошение. Вообрази себе, что я сегодня, шедши от своего дома сюда пешком, к графу, пришел в четверть часа, потому что от дома [Белавина](#) у нас до дома [Юшкова](#) против почты я шел прямою линией, потому что все выгорело на этом пространстве. Иногда не знаешь, где находишься - одни церкви дают возможность определить местность. Завтра отправляюсь осматривать остальные части города. Графу нездоровится - его слишком поразила эта раздирающая картина, он не решается выйти из дома, не спал всю ночь напролет и сегодня ходит в халате. Он думает, что Москва никогда не оправится, я утверждаю противное, но что потребуется много времени....Вчера входит Ивашкин с расстроенным лицом. Что такое? «Французы идут в Москву». Кто вам это сказал? «Человек один проскакал в телеге и говорил это во все горло». Вероятно, какой-нибудь пьяница, а ему даже и в голову не пришло его тотчас остановить.... Дома наши загажены, вообрази, что свиньи-французы пакостили на полу в мраморной зале - войти нельзя было. В доме Мавры Ивановны жили они с лошадьми вместе - просто ужас! Удивляюсь, как все не перебито. Картины оборваны и взяты, а рамы на стенах. Не понимаю, какими судьбами уцелел только один портрет [Людовика XVI](#).... Карты изорваны, с больших книг вырезаны переплеты и взяты. ...Удалось собрать около тысячи книг, завтра уложу их в ящики и отошлю в Смердино. Я нашел прелестные дрожки, которые французы оставили в сарае. Вот славная пожива! Они тоже отправятся в деревню, мои дрожки сгорели у Фаста, так же как и все книги, к моему великому прискорбию. Но ничего я так не жалею, как венгерского вина. Что делать! Еще надо благодарить всемогущего - он к нам был милостивее, чем к другим....

Хотя я тебе и надоедаю своими повторениями, но прошу опять сохранить мои письма со всеми приложениями - это заменит журнал всех нынешних происшествий...

Воронцов скоро к нам приедет. Я приготовил квартиру для Барклая, Всякий занимает любой дом. Я рад, что нашел бутылку рома, мешаю его с водой, которая может быть нездорова. Вообще, ром всегда полезен: благодаря ему брат предохранил себя в Молдавии от лихорадки в продолжение трех лет.

[А. И. Тургенев](#) - [П. А. Вяземскому](#).

27-29 октября. С.-Петербург

Вчера получил я, милый друг князь Петр Андреевич, письмо твое от 16-го октября из Вологды, и несказанно обрадовался я, несмотря на то, что оно написано в унылом расположении духа. Северин не читал мне твоего письма к нему, но сказывал о содержании оно, и я тогда уже, а еще более теперь, когда дела наши ежедневно и приметно поправляются, пенял тебе мысленно за отчаянье, в которое ты погрузился. Зная твое сердце, я уверен, что ты не о том, что потерял в Москве, но о самой Москве тужишь и о славе имени русского. Но Москва снова возникнет из пепла, а в чувстве мщениия найдем мы источник славы и будущего нашего величия. Не развалины будут для нас залогом нашего искупления, нравственного и политического, а зарево Москвы, Смоленска и пр. рано или поздно осветит нам путь к Парижу. Это не пустые слова, но я в этом совершенно уверен, и события оправдают мою надежду. Война, сделавшись национальной, приняла теперь такой оборот, который должен кончиться торжеством Севера и блистательным отомщением за бесполезные злодейства и преступления южных варваров. Ошибки генералов наших и неопытность наша вести войну в недрах России без истощения средств ее могут более или менее отдалить минуту избавления и отражения удара на главу виновного, но постоянство и решительность правительства, готовность и благоразумие народа и патриотизм его, в котором он превзошел самих испанцев (ибо там многие покорялись Наполеону, и составлялись партии в пользу его, а наши гибнут, гибнут часто в безызвестности, для чего нужно более геройства, нежели на самом поле сражения), наконец, пример народов, уже покоренных, которые, покрывшись стыдом и бесславием, не только не отразили удара, но даже и не отсрочили бедствий своих (ибо конскрипции съедают их, и они, участвуя во всех ужасах войны, не разделяют с французами славы завоевателей-разбойников),-все сие успокаивает нас насчет будущего, и если мы совершенно откажемся от эгоизма и решимся действовать для младших братьев и детей наших и в собственных настоящих делах видеть только одно отдаленное счастье грядущего поколения, то частные неудачи не остановят нас на нашем поприще. Беспрестанные лишения и несчастья милых ближних не погрузят нас в совершенное отчаяние, и мы преднасладимся будущим, и по моему уверению, весьма близким воскресением нашего отечества. Близким почитаю я его потому, что нам досталось играть последний акт в европейской трагедии, после которого автор ее должен быть непременно освистан. Он лопнет или с досады, или от бешенства зрителей, а за ним последует и вся труппа его. Сильное сие потрясение России освежит и подкрепит силы наши и принесет нам такую пользу, которой мы при начале войны совсем не ожидали. Напротив, мы страшились последствий от сей войны, совершенно противных тем, какие мы теперь видим. Отношения помещиков и крестьян (необходимое условие нашего теперешнего гражданского благоустройства) не только не разорваны, но еще и более утвердились. Покушения с сей стороны наших врагов совершенно не удалась им, и мы должны неудачу их почитать блистательнейшею победою, не войсками нашими, но самим народом

одержанною. Последствия сей победы невозможно исчислить. Они обратятся в пользу обоих состояний. Связи их утвердятся благодарностью и уважением, с одной стороны, и уверенностью в собственной пользе, с другой. Политическая система наша должна принять после сей войны также постоянный характер, и мы будем осторожнее в перемене оной....Будет время, мы свидимся, любезный друг, и на развалинах Москвы будем беседовать и вспоминать прошедшее, но, конечно, прежде должно приучить себя к мысли, что Москвы у нас почти нет, что сия святыня наша обругана, что она богата теперь одними историческими воспоминаниями. Но есть еще остатки древнего ее величия - мы будем с благоговением хранить их. Я также потерял много с Москвою, потерял невозвратимое, например, все акты, грамоты, библиотеку, но еще, право, ни разу не жалел об этом, еще менее о другом движимом имуществе и о большой подмосковной. Нажитое опять нажить можно. Лишь бы омыть стыд нашествия иноплеменников в крови их.

Дела наши идут очень хорошо. Неприятель бежит, бросает орудия и зарядные ящики, мы его преследуем уже за Вязмою. Последние донесения князя Кутузова очень утешительны. [Наполеон](#) желает спасти, кажется, одну гвардию; армию, кажется, он решил жертвовать. Ты, верно, читаешь все известия в «Северной почте», и для того я тебе не посылаю их, но пришлю копии с многих интересных перехваченных у неприятеля писем. Подпишусь для тебя на «Сын Отечества», в котором помещаются любопытные статьи, назначение сего журнала было помещать все, что может ободрить слух народа и познакомить его с самим собою. Какой народ! Какой патриотизм и какое благоразумие! Сколько примеров высокого чувства своего достоинства и неограниченной преданности и любви к отечеству!

После буду писать более и чаще. Не забывай и ты меня....

Весь твой *Тургенев*.

[Н. Н. Раевский](#) - [А. Н. Самойлову](#).

26 октября. Близ Ельни

...[Так] как я команду авангардом армии, от коей теперь в 12-ти верстах, то мне нельзя самому отлучиться для выполнения комиссий ваших у Михаила Ларион [овича].... Неприятель идет на Смоленск, а оттоль, пленные говорят, на Вильну. Мы пропустили случай отрезать всей армией задний корпус [французов], состоящий в 30-ти т. в Вязме, а теперь уж он впереди, и остается только казакам, голоду и холоду за нас воевать. Более писать теперь не имею и некогда.

[П. А. Вяземский](#) - [Н. Ф. Грамматину](#).

28 октября. Вологда

Посылаю Вам, милостивый государь мой Николай Федорович, книги ваши, столь долго мною задержанные, и прошу покорнейше отпустить мне мою

вину. Благодарю за приятное Ваше письмо от 8-го октября и за известия, и вперед не забывайте обо мне и доставляйте мне иногда о себе вести. Мы немного начинаем привыкать к здешней стороне, и право, если бы не грусть быть в разлуке с нашими друзьями и не печальные мысли о печальных происшествиях, коих мы свидетели, то очень хорошо и здесь можно бы прожить смирехонкий свой век. Но один покой души может доставить нам счастье, а теперь русскому нигде его не найти. Везде сердцу больно, везде будешь вздыхать о прошедшем, не наслаждаться настоящим и трепетать будущего. Подождем конца, как говорит трость Дмитриева, авось он будет лучше начала. Я писал к вам недели три тому назад, получили ль вы мое письмо? К довершению удовольствий, вкушаемых теперь нами, мы должны почти совсем отказаться и от письменного общничества с друзьями, потому что беспорядок в почтах чрезвычайный, и из трех писем едва ли можно надеяться получить и одно. Простите, милостивый государь мой, желаю, чтобы посылаемые вам мною книги не имели общей участи с письмами и чтобы Вы хотя и поздно, но могли не всегда быть недовольными моею точностию.

Имею честь быть с истинным уважением и преданностию покорнейший слуга к[нязь] Вяземский.

П. П. Коновницын - жене.

28 октября. В 70 верстах от Смоленска

Милый друг, мы день и ночь гоним неприятеля, берем пушки и знамена всякий почти день и пленных - пропасть. Неприятель с голоду помирает, не только ест лошадей, но видели, что людей жарят, то есть описать нельзя их крайности. Можно ручаться, что армия их совсем пропала. Итак, мой друг, мы - победители, и враг погибает. Чрез 3 дня мы проходим Смоленск, а чрез две недели не быть ли нам в Минске, где и твои клавикорды отниму. У нас зима, и нам трудненько, холодно, и смерть утомились, но, благодаря богу, победно. Не бывал Бонапарт в такой беде, сам уплетает кое-как, чуть его казаки не схватили. Авось попадет еще в руки, его примечают наши. Итак, любезная родина радуется, веселится нашим победам, благодаря бога. Ежели бог даст, из Вильны попрошусь к тебе отдохнуть на месяц....

М. И. Кутузов - жене.

28 октября. Город Ельня

Я, мой друг, хотя и здоров, но от усталости припадки, например, от поясницы разогнуться не могу. От той же причины и голова временем болит.

По ею пору французы еще все бегут неслыханным образом, уже более трехсот верст, и какие ужасы с ими происходят. Это участь моя, чтобы видеть неприятеля без пропитания, питающегося дохлыми лошадьми, без соли и хлеба. Турецкие пленные извлекали часто мои слезы, об французах хотя и не

плачу, но не люблю видеть этой картины. Вчерась нашли в лесу двух, которые жарят и едят третьего своего товарища. А что с ими делают мужики! Кланяйся всем. Об Беннигсене говорить не хочется, он глупый и злой человек. Уверили его такие же простаки, которые при нем, что он может испортить меня у государя и будет командовать всем. Он, я думаю, скоро поедет [из армии] . Детям благословение. Верный друг *М. Г [оленищев]-Кутузов.*

[А. В. Воейков - Г. Р. Державину.](#)

30 октября. Ельня

Весело извещать о бедствиях злодеев. Пепел и развалины московские навеки погребут великость и славу Наполеона. Московские и калужские крестьяне лучше испанцев защищали свои дома. Общее вооружение принудило врагов к постыднейшему бегству, голод вынудил их не только есть палых лошадей, но многие видели, как они жарили себе в пищу мертвое человеческое мясо своего одноземца. Наступившая зима довершает их погибель, они ежедневно оставляют тысячи усталых, полунагих. Смоленская дорога покрыта на каждом шагу человеческими и лошадиными трупами. Наш авангард и казаки истребляют все, что осмеливается противиться. Знамена, пушки и обозы - все достается нам в трофеи. Одних пленных, взятых нами, считается теперь у нас более 60 000, пушек взято более 100, знамен - до 40. Успешные действия графа Витгенштейна и [Чичагова](#) подают надежду к совершенному истреблению неприятеля. Масса силы его уничтожена, наши войска действуют ему во фланг и тыл. Одно провидение может спасти остатки французских войск. По всем известиям слышно, что и злой гений оскудевает в вымыслах. Один пленный полковник сказывал, что мы не знаем еще главного их несчастья. А что это такое, по сие время остается загадкою. С какой радостью встречают нас бедные жители, ужасно слышать, что они терпели. Неистовства французских генералов и войска превосходят вероятия. История опишет кровавыми чертами зверство и безбожие хвляющихся просвещением народов.

[Т. А. Каменецкий - О. К. Каменецкому.](#)

31 октября. Москва

Милостивый государь дядюшка Иосиф Кириллович!

Из Нижнего Новгорода я имел честь уведомить Вас, что по препоручению, данному мне начальством, отправился в Москву. Приехав во Владимир, я явился к г. гражданскому губернатору [Супоневу](#) для испрошения у него совета, каким путем безопаснее добраться до столицы. По его направлению я поехал на Покров, где имел честь свидетельствовать свое почтение спешившему тогда в Москву его светлости г. Главнокомандующему Московскому графу [Ф. В. Ростопчину](#). В Москве я тотчас приступил к обозрению Университета и прочих учебных заведений. Главный корпус Университета, в коем находились Музеум, библиотека, церковь, студенческие и ученические комнаты, где были залы для преподавания лекций студентам и ученикам, где все залы для

собраний и разных обществ, где жили некоторые профессора; большой дом в 3 этажа, который занимали профессора. Другой такой же, губернская гимназия - преогромный дом, в котором я провел целые четыре года, Университетский пансион - пребольшое строение, дом типографический и множество маленьких домиков и строений сгорели дотла. Так что остался маленький дом, в котором жил [И. А. Гейм](#), и университетская больница. Рад я, что библиотека Ивана Андреевича почти вся уцелела. Но мое имущество отчасти расхищено, отчасти сгорело, и я лишился своей библиотеки, которую собирали Вы с таким рачением. Вы как предчувствовали - все твердили мне, чтобы я не заводил большой библиотеки....

Москва сама на себя не похожа. В целости остались Мясницкая, Покровка, часть Тверской, Смоленская, Донская улица и проч....Кремль взорван в 5-ти местах. Спасибо еще казакам, что они, вбежавши в Москву, перехватили проклятых французов, остававшихся в Москве для зажигания протчих зданий, и поя на сем, допросили у них, где еще оставались мины, из коих вытащили пропасть порошу даже в бочках. [Граф Ростопчин](#) сам сказывал, что сгорело до 8 000 домов, а осталась в целости пятая доля. И из сих домов, в который ни войдешь - везде пусто. Не знаю, когда-то все это поправится. Храмы божии совершенно обнажены, без иконостасов, которые сожжены. А что делали проклятые в церквах - страх подумать.

Теперь, чаю, не скоро соберется Университет наш перебираться в Москву. Министр велел было ехать в Симбирск, но думать надобно, что это еще переменится. А вероятнее, что Университет или переместится на время во Владимир, или соединится с Казанским университетом.... В Кремль никого теперь не пускают, опасаясь, чтобы кого не задавило. Полиция московская, спасибо, старается убирать мертвые трупы и палых лошадей, которые валялись повсюду. А погреба и колодцы иные завалить должно. При сем прилагаю афишку графа Ростопчина....

[И. П. Оденталь](#) - [А. Я. Булгакову](#).

1 ноября. С.-Петербург

С прошедшею почтою известил я уже Вас, любезнейший Александр Яковлевич, о постыдном бегстве Бонопартовом со всею его сволочью, которой не успели подбить ног в Московской губернии. В прилагаемой у сего «Сев [ерной] почте» найдете Вы официальные донесения о преследовании улизывающего по-французски неприятеля. Какие успехи имели войска наши за Ереминым, мне еще и по слухам неизвестно. Получены токмо из очищенной Вязьмы партикулярные письма, в коих между прочим уведомляют, что Главный Злодей с помощником своим [Мюратом](#) проехал чрез тот город 17-го октября в карете. Его от станции до станции провожали нарочитые конные отряды, расставленные на сей конец заблаговременно по всей дороге. Черт ведает, где он теперь! Многие хотят знать или, лучше сказать, по своему

разсчету угадать, будто бы он уже в Вильне. Тем огорчительнее для Русского таковая возможность, чем ожидания его мало-помалу исчезают без открытия причины спасению такого изверга, которому непременно надлежало быть повешенным, хоть издохшим, на Сухаревой башне. Сколько-то еще истребят погани в преследовании? Что-то сделают с нею гр. [Витгенштейн](#) и [Чичагов](#)? От их соединения или удачного нападения на обессиленного, расстроенного супостата зависит прекращение или продолжение войны, еще несслыханной. *Toute fois le sieur Bonoparte sera une triste figure devant ceux, qui n'osoient le regarder qu'avec admiration.* У адмираторов не станет и людей, хоть бы желали поддержать идола своего.... Немцам должно, кажется, теперь понакопить духу. Чего зевают! Чем скорее, тем для них спасительнее свергнуть несносное иго. Мы с гишпанцами самый благоприятный подали к тому случай.

Мы теперь, благодаря всевышнего! остаемся здесь спокойными. До удаления же врага из Московской губернии сидели на горячих углях. Какие-то вести получим от Вас, разоренных людей? Да пособит Вам господь бог найти средства к безбедному житию! Без слез нельзя о несчастных соотечественниках и подумать, а тем паче о тех, которые владеют нашим сердцем....

Вообще работает теперь много перьев в изображении лютостей Бонопарта. Вырываются в том числе прекрасные произведения, и открываются доселе неизвестные таланты. Мне очень жаль, что мой карман не позволяет высылать некоторых журналов или пьес милому человеку, а то бы все давно к нему было препровождено. Что одолею в моем расслаблении перепискою, то будет он получать. Вот акростих на Злодея. Он пародирован с французского, но не так-то удачно:

Не ты ль, Калигула, изрыгнут паки адом?

Аттилы лютые, не вы ль опять восстали?

Простерты ужасы с свирепостью, со гладом;

Объят весь свет войной, последни дни настали;

Лишен отрады всяк, лишь вздохи испускает.

Един толикие злодейства совершает!

О, смертные! и вы его не сокрушите?

На эшафот его! Злодея там казните!

[А. Н. Самойлов](#) - [Н. Н. Раевскому](#).

[Первая половина ноября. Смела]

Письмо ваше, мой друг Николай Николаевич, с нарочно отправленным от вас

курьером я, бывши на несколько дней в Киеве, получил и, прочитав его, хотел тотчас предать его огню при Софье Алексеевне, которая в то время была также в Киеве, но по ее желанию я отдал ей письмо ваше, а она обещала сжечь его. Будьте уверены, мой друг, что все то, что вы ко мне пишете, хранится у меня в непроницаемой тайне, и ежели я сообщаю кому ни есть что-либо из писем ваших, то, конечно, не иное что, как то, которое знать всякому можно. Я и Софье Алексеевне не отдал бы письма вашего, ежели бы не опасался чрез то ей досадить. Я, выехав из Киева 24-го числа прошедшего месяца, проехал в Белую Церковь, где видел письмо молодого графа [Браницкого](#) к графине, его матери, от 16-го числа прошедшего месяца отправленное, из которого письма я узнал, что в Калужской губернии, в городе Малом Ярославце было у нас с французами сражение.... Я уповаю, мой друг, что с первым курьером вы сообщите нам не токмо о вышеозначенном сражении, но дадите нам знать и о том, что после этого могло что-либо случиться. Я все опасюсь того, что неприятель, следуя по Смоленской дороге, не свернул бы влево, то есть в Орловскую губернию, а чрез нее не пошел бы Малоросиею к Киеву, который может тогда быть в большой опасности. Все мне кажется, что это есть дело сбыточное. Первое, потому что Смоленская губерния, будучи разорена, прокормить армии его не может. Белоруссия также не в обильном состоянии, но Орловская и Малороссийская губернии могут много способствовать неприятелю в прокормлении армии его, и ежели бы Киев в руки его попался, то будет он тогда иметь передовую оборонительную для себя линию и способ к продовольству [ован] ию войск его. Статься может, что я во мнении моем ошибаюсь, для чего и предаю его благорассуждению вашему. От нас же любопытства заслуживающих никаких обстоятельств ожидать вам нечего, разве только о том сообщу вам, мой друг, что по сие время бог миловал губернию нашу от чумы, и ежели таковая милость его продлится хотя на две недели, то и нечего будет нам опасаться, ибо зима приближается, и утренники довольно холодные, и несколько раз выпадал снег, который и теперь довольно глубок.... Чтобы сколько ни есть поразвеселить вас, мой друг, то я сообщу вам о забавном происшествии, случившемся в вашем имени, о чем, уповаю я, что и Софья Алексеевна не оставила написать к вам, а именно, в краткую ее отлучку в Киев г. [Куликовский](#) сочетался законным браком с одною из горничных девушек Софьи Алексеевны. Обстоятельство сие, по мнению моему, не может, однако же, причинить какую-либо расстройку в хозяйственности вашей. Ибо сие самое обстоятельство обяжет его еще более быть к вам усердну, но жаль мне его самого, что он сделал такое дурачество, ибо он человек добрый и много вам предан....

[С. Никитин](#) - [Е. М. Ермоловой](#).

4 ноября. [Москва]

Ваше превосходительство! Милостивейшая государыня и благодетельница!
Елисавета Михайловна!

Дом ваш в Москве цел, как вы уже о сем известны... Естли бы вы пожаловали сюда и посмотрели на дома других, нельзя бы не почувствовать, сколько господь бог отличил Вас от прочих. Здесь уже роскоши нет, вся пропала. Она-то и пламенем всё попалила. Все вещи, к роскоши служащие, исчезли, все в рубищах без пристанища. Всякий для угла нечистого, для малого куска хлеба, для рубища, защищающего от холода, бог знает что зделает. Везде собак множество. А зимою, может статься, пожалуют и волки. Спешу при помощи божьей освятить в своей церкви один престол. Книги церковные все и образа, иконостасы целы.... Многие в городе ужасное потерпели, так что и пересказать не могут, а многие и жизни лишились....

Протоиерей Стефан.

Н. П. Николев - Д. И. Хвостову.

5 ноября. [Тамбов]

Милостивый государь!

Разоренный, ограбленный, лишенный в подмосковной и в Москве более, нежели на сто тысяч имения от общего врага России и, наконец, кой-как дотащившийся с бедною семьею своею до Тамбова, почитая за милость божию и то, что в крестьянской избе покамест определил бог безопасную кровлю далее от супостата, берет перо, чтоб вам, почтенному и любезному моему приятелю, принести благодарность за благодетельное ваше посредство к освобождению от нарядной службы моего старичка-доктора. Уверен, что вы позднее свидетельство признательности не отнесете к моей вине: письмо ваше имел я удовольствие получить в Москве в самое страшное и отчаянное время, а потому и не имел возможности исполнить моего долга... О, ежели бы свидетелем были бедственного состояния Москвы и ее окрестности, вы бы согласились со мною, что никакое перо, никакая кисть изобразить и описать той картины не могли бы, которая вживе представлялася в очах страждущего человечества!.. Я же, живучи на самом опасном пути, за семь верст от Вязёмы, видя всех соседей моих скрывшихся и не имея холодного сердца к страданию своих и соседних поселян, меня окружающих, до тех пор сидел на гнезде моем, помогал и утешал бедный народ, а притом принимая, кормя, поя, леча и похороня ежедневно приходящих ко мне раненых и умирающих, паче после 26 августа, дня страшного сражения под Можайском, пока увидел уже все селения по можайской и боровской дорогам выжженным [и], а поселян с скотом и без скота, полунагих, мимо себя бегущих, не зная, где искать спасения... Ужасное позорище... Ах, мог ли кто помыслить, что после [Петра Первого](#) и [Екатерины Второй](#) случится то с Москвою, что случилось! Политики, может быть, скажут, что так было надобно для спасения вселенной... а я с потерей жизни моей готов спорить со всеми политиками мира, что так было не должно, что общее спасение не могло быть основано на гибели Москвы, [иначе] как от ошибки политики, и что необходимость сей жертвы не есть необходимость лучшего плана, но из худого лучшее... или

крайность в беде, ошибкою навлеченной! Так, милостивый государь! Так, время уже то прошло, когда политики имели право зажимать рты усердной правде, работа их кончена и обнаружена. Общее страдание, общая напасть дают свое право каждому страждущему и бедствующему уму и сердцу вслух говорить о том, что видят, разумеют и чувствуют! Ибо страх умереть в темнице за слово правды не есть уже страх после тех страхов, коим подвергнула человечество неправда гордого невежества человеков!.. Посмотрим, опомнятся ли люди и уразумеют ли необходимость отыскивать и призывать на совет блага общего людей... а не... Но сего довольно. Сердце мое движется другим чувством и к другому, милейшему, предмету.. Бога ради, дайте мне знать, где друг мой, князь Горчаков, цел ли он, жив ли он? Один из приезжих от вас в самый страшный час Москвы сказывал мне, что будто наш князь Дмитрий Петрович за ним вслед хотел быть в Москву, и это меня ужаснуло, не попался ли он в самый пыл? ...Молю вас, хоть двумя строчками дайте мне знать, и ежели он в Петербурге, скажите ему, чтоб он писал в Тамбов на имя мое, а между тем вспомните об моей трагедии «Софии» и признайтесь, что я маленький пророк, и что ежели б дворяне наши духом [Матвеева](#) действовали и нынче, то бы Москва имела то же счастливое окончание, какое дано ей и в моей трагедии «Софии»....

Николай Николев.

P. S. Сию минуту получа известие, что враг наш, оставя Москву, похитил с Ивана Великого крест, думая, что он золотой, а может быть, еще и из тщеславия, но как крест медный, то так это мне сделалось смешно, что я написал следующую эпиграмму.

ЭПИГРАММА

Зачем Наполеон с потерю несметной

Спешил пролезть в Москву из отдаленных мест?

Затем, чтоб получить венец бессмертный:

С Иван-Великого спилить еловый крест.

Или:

Зачем Наполеон из отдаленных мест

Тащил в Москву свое тщеславие геройско?

Затем, чтоб, потеряв скоровищи и войска,

С Иван-Великого снять деревянный крест.

И. Б. Пестель - сыну.

5 ноября. С.-Петербург

...Я был тронут до слез, когда граф Аракчеев рассказывал мне, что главнокомандующий кн. Кутузов дал тебе шпагу «за храбрость» на поле сражения. Этой наградой ты обязан твоим заслугам, а не протекции и милости. Вот, мой друг, как вся наша фамилия, то есть мой дед, мой отец и я,- мы все служили России - нашему отечеству. Ты едва вступил в свет, а уже имел счастье пролить кровь свою на защиту твоего отечества и получить награду, которая блистательным образом доказывает это. ... В настоящее время более, чем когда-либо, славно быть подданным России. Мы готовы истребить французскую армию, не выпустив ни одной живой души. Ты должен уже знать все подробности великих подвигов наших армий. Возблагодарим провидение и благословим превосходные войска и достойную уважения нацию, которые нам дадут мир и покой, избавив нас от чудовищ, которые нарушили их и заставили нас испытать все несчастья, какие только возможно....

С. Киов - И. Я. Неелову.

(Начало ноября)

Милостивый государь Иван Яковлевич!

Я слышан об ваших добродетелях, вы милостивы к нам, небогатым дворянам. Я, больной старик в параличе, прибегаю к вам с моею усердною и покорнейшею просьбою. Я не имею ни прута дров для протопления мо [е] й стар [че] ской хижины и для людской избы. Благослови, милостивый отец, и обогрей старика и моих под [д] аных. Я только имею одного мужика, и то дворового, да еще при нем мальчика 11 лет,- все мои работники тут. И то не мои, а зятя моего, и тот от меня далече: с дворянскими детьми уехал [в] Вологду по приказанию укрываться от злодея француза. И дочь моя, и внучка со мной живут в хижине, которую [дочь] вы видели летом у Акнова Михаила Васильевича. Она не знала вас, а то бы она лично вас просила сама о не [о] ставлении меня. Я знал вашего батюшку и матушку и много ими обласкан был, почтенными, и вас надеюсь иметь себе благодетелем - не оставьте моей покорнейшей просьбы. Свидетельствую мое усердное почтение, равно и дочь моя свидетельствует свое почтение вам, милостивый государь. Останусь благодарен до конца моей жизни.

Покорный слуга *Степан Киов*.

Д. С. Дохтуров - жене.

7 ноября. [Ок. Красного /

Здравствуй, милый и любезный друг. Благодаря бога, я совсем здоров, и мы преследуем неприятеля, который бежит, как заяц. В настоящую минуту мы за Красным и завтра вступим в Могилевскую губ [ернию]. Всякий день мы забираем множество пушек и пленных. Вчера и третьего дня взято более 12 т. в плен, и что невероятно, более 150 пушек! Все это совершается рукою всевышнего. Ни человеческое мужество, ни ум не в состоянии произвести

подобное чудо. Великий [Наполеон](#) бежит, как никто еще не бежал.... Мы надеемся, что скоро он будет совершенно истреблен. Он лично присутствовал третьего дня при одном небольшом деле, которое происходило у нас. Говорят что он бежал со всех ног с своими приближенными, оставив за собою несколько отрядов, которые были настигнуты, и вчера аррьергард маршала [Нея](#) был взят целиком без малейшего затруднения. Какое счастье! ...Мы никогда не дерзали помышлять о подобном ряде побед и о подобных бедствиях для наших врагов.

[Д. К. Боткин](#) - сыну.

10 ноября. Ростов

Любезный сын Дмитрий Дмитрич!

От 31-го октября прошедшего месяца я имел удовольствие получить от вас письмо и при нем две тысячи руб. ассигнац [иями] чрез почту из Нижнего в Ярославль исправно.... В прошедший вторник московская почта открылась благополучно, и письма будут ездить по-старому, своим чередом, кроме смоленского тракту....Я, братец Петр, Дмитрий Степанович] поедем дней через 10-ть, дождавши [сь] зимней дороги в Москву, а там что будем делать и сами не знаем, а будем к тебе писать в Казань. Николаша ездил в Москву, привез к нам в Ростов неприятную весть, что в Гостином дворе вообще все товары сожжены и разграблены. В домах и монастырях кладовые также. Иван Семен [ович] Живов лишился всего товару так же, как и мы, грешные. В рассуждении военных, обстоятельства для России чрезвычайно приятные, мы получаем оные известия из Ярославля. Скоро ожидают Наполеона - сидит в руках господина [Платова](#). Помогите ему бог свое слово сдержать! Впрочем, в Москву со всех городов много жителей наехало и еще едут. Съестных припасов, фуражу и разного лесу много в Москву навезли и везут... Ваш дом лужницкий и сиротский арбатский сгорели. Александре и Якову от меня писано было, чтобы старались кухню отделать для приезду нашего. В кладовой погребок цел. Николаша привез на трех лошадях что было положено. Погреб деревянный уцелел, огурцы и капуста целы, брагу разбойники выпили, а рыбу утащили. 1-го ч[исла] сего месяца приехали из Москвы в Ростов матушка Ирина Семеновна, брат Гавр [ила].... Житие было их в Москве яко тьма кромешная во время неприятеля.... Затем остаюсь ваш доброжелатель и отец

Дмитрий Боткин.

Матушка тебя просит купить в Казани пуху пуда два, а если недорог, так и три пуда, да еще перьев пуда два...

[А. И. Тургенев](#) - [А. Я. Булгакову](#).

10 ноября. С.-П[етер]бург

Я получил, любезный друг, три письма твои и не отвечал на них потому только, что полагал тебя в беспрестанных переездах. О беспокойстве моем на

твой щет ты можешь вообразить себе, судя по дружбе моей к тебе и по привязанности ко всем вам. Твои письма меня успокоили, особливо последнее, из которого я увидел, что деревня ваша цела и что ты опять на своем месте. Первое твое письмо ходило по городу, и я должен был давать его читать государю и государыням.... Что говорить тебе о происшествиях! Ты сам чувствуешь так же сильно. Будем из бед извлекать величайшую пользу. Купим себе и Европе избавление. Мы узнали цену народа и войска; не надобно возвышать цену одного на щет другого. Отечество не забудет наших кириловцев. Прошу тебя уведомлять меня подробнее о всем, что у вас случилось в ваше отсутствие и что случится. Если тебе возможно выправиться, все ли сгорело, что мы оставили в доме Офросимовой, что на Пречистенке, или что и спасено, то ты меня очень обяжешь. Я ничего не жалею, кроме батюшкиных книг и манускриптов. Нельзя ли осведомиться и где люди наши, которые в Москве оставались? Мы имеем близь Дмитрова деревню Жуковку, были ли в ней французы? И что с нею последовало? Постарайся, милый друг, через исправника осведомиться хотя об мужиках и об имени, которого часть и туда свезли. Очень обяжешь.

Посылаю тебе приглашение к обществу, которого императрица Елисавета - председатель, а я секретарь. Сверх того, как, без сомнения, тебе уже известно, собирается под покровительством того же ангела в теле подаяние для потерпевших от войны.... На следующей почте буду писать к тебе больше. Ожидаю и от тебя. Прости, любезный друг, помни и люби твоего *Тургенева*.

П. П. Коновницын - жене.

11 ноября. Наравне с Оршею

Уже 500 верст от Москвы неприятель прогнан, и все его гоним, вчерась еще взято 25 пушек, теперь уже у нас их около 500. Скоро, скоро, бог даст, и все кончим....

Грязь, мороз, дождь, а иногда вдруг и пули,- все бывает с нами. Устали, замучились в трудах, словом, кампания претрудная, но, наконец, так счастлив, что никогда такой не бывал еще. Отечество спасено, Россия будет на вышней степени славы и величия. Прощай.

И. П. Оденталь - А. Я. Булгакову.

15 ноября. С.-П[етер]бург

Ну, несравненный Александр Яковлевич, видно, что здоровье мое жестоко расстроено, а то бы мне надлежало совершенно оправиться от радостных известий из Глав [ной] нашей армии. Хоть не могу пиитически выразить Вам впечатления, которое они на меня произвели, но хворою прозою скажу, что я плаваю в восхитительном упоении. С лишком 20 тысяч в двух корпусах Даву и Нейя 5 и 6-го чисел положили ружье после тщетного усилия пробиться сквозь наши войска: 97 пушек, 3 знамя, маршала Даву жезл, обозы и казна достались

нам в руки. Это победа над победами! Едва ли спасутся разбитые маршалы. Они кинулись в лес и скачут, куда глаза глядят. Один из них ранен. Их преследуют с рассеянными остатками. Таковое поражение происходило у Красного от распоряжения [Милорадовича](#). Сам [Наполеон](#) 5-го числа был на побоище и как увидел, что нет возможности одолеть наших героев, то пустился со своею челядью на попятный двор. Смоленск неприятелем очищен и занят нашими. И там подорваны по пустякам сделанные укрепления. В 7 верстах от города нашли мы 112 оставленных неприятелем пушек. Можно себе представить, как торопился он унести свои ноги. Гр. [Платов](#) скачет за Смоленском вдогонку за новыми корпусами и кричит *ура!* - видно их догоняет. Немного же осталось теперь у Наполеона клочков от великой его армии. ...Много же у нас накопилось теперь Бонопартовых генералов, пропасть штаб-и обер-офицеров, а рядовых мудрено и сочитать. Их наберется за 60 тысяч. А как подумаешь о пушках, так рот разинешь. С лишком 500. Помилосердствуй! Вить после этого над французами будут и куры смеяться. На эдакую гибель, на эдакий срам привел их непобедимый полководец в Россию! Я беседовал с вами доселе о том, что читал в печатных реляциях и за что уже в среду принесено благодарение богу в Каз [анском] соборе в присутствии государя и всей его высочайшей фамилии с пушечной пальбою, как то и следует. Но теперь уверяют меня, что есть новые донесения, по которым взят вице-король Евгений и истреблены последние остатки его корпуса, что в числе обоза найден весь гардероб Наполеонов и что он сюда прислан вместе с захваченным камердинером. Множество найдено также червонцев в взятых под Красным фурах и наших драгоценных церковных утварей.

Все наши три армии открыли уже между собою связи и могут стремительнее действовать на вражеское поражение. [Макдональд](#), сказывают, должен был уйти из Курляндии от злости прус [с] ких войск, которые были под его командою. Ожидают подтверждения. О революции во Франции не перестают говорить с разными дополнениями. Будто бы вновь избранный король есть герцог [Ангулемский](#), женатый на дочери Лудовика 16-го, что императрица [Луиза](#) не взяла с собою в Вену короля Римского, а требовала настоящей своей дочери Анны, которая подменена, что Наполеон объявлен похитителем престола Бурбонского и что [Талейран](#) всю сию революцию по прозьбе нации произвел в действо весьма покойно....

[С. И. Мосолов](#) - дочери и жене.

18 [ноября]. Ольгово

Милая Сонюшка, здравствуй с маминькой!

Хотя неприятное для вас будет, но должен уведомить: мой дом сгорел и все то, что в нем было, от просвещенных французов. А что вынесено было со мною, то все ограбили, словом сказать, остался в одной одежде и рубашке. Лежал в чужом саду под пламенным небом ровно 13 дней. Да еще и последнее тиранство со мною сделали: изрубили мне руку за то, что я сапоги с ног не дал

снять. Вот каковы наши учителя. Ни одного храма в Москве не осталось, который бы не ограбили и не осквернили. В то ж время еще больше простудился, ибо раздевали мужчин и женщин до самой рубашки, от того получил плеврит и теперь еще стражду, лежу болен в Ольгове у Ст[ефана] Степановича. Благодарю бога, что есть мне легче. Он и Другие люди добрые меня снабжают то одеждою, то бельем.

Пиши, бога ради, ко мне почаще. Твои письма будут мне служить отрадою и лекарством в моей горести. Видно, богу так угодно, чтоб вечно страждал: не был богат, а конечно потерял всего с вещьми на 40 000 ру., сбиравши клочками 47 лет, а в 13 дней все пропало. Если б я не был болен, приехавши от [Талызина](#), лихорадкою, то мог бы уехать так, как и все сделали.... Целую тебя душевно и сердечно и прошу бога, чтоб бог сохранил тебя и дал бы мне хотя [бы] то счастье, чтоб я мог когда-нибудь тебя еще видеть. Есть и пребуду тебе верный друг *Сергей Мосолов*.

Маминьке мое почтение объяви.

[М. И. Кутузов](#) - жене.

19 ноября. Перешед Березину

...Не могу сказать, чтобы я был весел - не всегда идет все так, как хочется. Все еще Бонапарте жив.

Детям благословение. Верный друг Михаила Г[оленищев]-Ку[тузов].

[М. И. Кутузов](#) - жене.

20 ноября. [Без места]

Я вчерась был скучен, и это грех. Грустил, что не взята вся армия неприятельская в полон, но, кажется, можно и за то благодарить бога, что она доведена до такого бедного состояния.

[Д. С. Дохтуров](#) - жене.

22 ноября. [Ок. Минска]

Здравствуй, друг мой Машинька. Я, благодаря бога, здоров, и мы идем вперед. Сегодня вся наша армия возле Минска, верст 27, а завтра пойдем далее мимо Минска, оставляя оный влево. Неприятель бежит, и [Чичагов](#), [Витгенштейн](#), и наш авангард, и [Платов](#) его преследуем. Слава богу, все идет весьма хорошо. У нашего злодея нет почти ни артиллерии, ни кавалерии - все взято у него во время его ретирады из Москвы. Кажется, сей пример его отучит входить в Россию. Никогда и никто так много не терял, как сей славный человек, и [он] не скоро после сего оправится.

Не знаю, друг мой, что с нами будет. Но мне кажется, что нас далеко не поведут. Мы весьма расстроены, нам непременно должно дать отдохнуть и комплектоваться. Итак, ежели остановят нас на границе, то я выпрошусь к

тебе на несколько времени.

Сего дня князь Кутузов поехал к Чичагову, надолго ли, не знаю. Мне кажется, что его присутствие там нужно, ибо наш *адмирал* управляет все по ветрам.

М. И. Кутузов - жене.

26 ноября. Между Минском и Вильно

Я, слава богу, здоров, мой друг, и все гонимся за неприятелем так же, как от Москвы до Смоленска. И мертвыми они теперь теряют еще более прежнего, так что на одной версте от столба до столба сочли неубитых мертвых 117 тел. Князь Сергей Долгорукий здесь и говорит каламбуры по-прежнему, и иногда очень приятные, но теперь в отчаянии от зависти, что один молодой человек сказал на Бонапарте: «Koutousoff, ta routine m'a dero-ute». Надобно знать, что село Тарутин, где был мой укрепленный лагерь, наделал неприятелю все беды....

Эти дни мороза здесь 22 градуса, и солдаты все переносят без ропота, говоря: «Французам хуже нашего, они иногда не смеют и огней разводить. Пускайдохнут».

Детям благословение.

Верный друг Михаила Г[оленищев]-Ку[тузов].

Н. М. Карамзин - И. И. Дмитриеву.

26 ноября. Нижний [Новгород]

Любезнейший друг! К сердечному моему утешению получил я вдруг два письма от тебя. Скажу вместе с тобою: как ни жаль Москвы, как ни жаль наших мирных жилищ и книг, обращенных в пепел, но слава богу, что отечество уцелело и что Наполеон бежит зайцем, пришедши тигром. Ты, любезнейший, удивляешься неосторожности москвитян, но отцы и деды наши умерли, а мы дожили почти до старости без помышления о том, чтобы неприятель мог добраться до святыни кремлевской. Не хотелось думать, не хотелось верить, не хотелось трусить в собственных глазах своих. Нас же уверяли, ободряли, клялись седыми волосами и проч. ...

Судьба моей собственной библиотеки служит тебе доказательством, что я не имел средств спасти твою: все сгорело, а твои книги еще, может быть, и целы в каменной палатке, крытой железом, куда хотел положить их твой комиссионер. Сердечно желаю, чтобы ты был обрадован вестью о сохранении хотя библиотеки твоей, если уже нет сомнения, что прекрасный домик твой исчез в пламени. С нетерпением жду, чем закончится эта удивительная кампания. Есть бог! Он наказывает и милует Россию. Крайне желаю обнять

тебя, моего друга, но еще не знаю, где буду жить, на московском ли пепелище или в Петербурге, где единственно могу продолжать мою «Историю», то есть найти нужные для меня книги, утратив свою библиотеку. Теперь еще не могу тронуться с места: не имею денег, а крестьяне не дают оброка по нынешним трудным обстоятельствам. Между тем боюсь загрузить умом и лишиться способности к сочинению. Невольная праздность изнуряет мою душу. Так угодно богу! Авось весной найду способ воскреснуть для моего историко-графского дела и выехать отсюда. Здесь довольно нас, московских. Кто на Тверской или Никитской играл в вист или бостон, для того мало разницы - он играет и в Нижнем. Но худо для нас, книжных людей: здесь и *Степенная книга* мне в диковинку. Прости, милый старый друг. Будь здоров и благополучен. Все Карамзины обнимают тебя.

П. П. Коновницын - жене.

1 декабря. Вильна

Третьего дня мы здесь, ура! ура! Слава богу и русскому войску!! Вот так-то, моя душа, мы поступаем, не прогневайтесь, и нас царство Русское не бранит.

Пушек, пленных, провианту, амуниции и всего - пропасть. Неприятель бежит и почти весь пропал, и пропадет, и погибнет от руки русской. Все дороги устланы телами убитыми и замерзшими. Мы его все гоним и гнать до Вислы будем. Мы устали, замучились, и здесь армия возьмет покой, а прочие идут вслед.

Я занял свою квартиру прежнюю Огинского и сплю на твоём месте - на диване. Как мне было приятно спать в комнате, где мы с тобою столь приятно доживали, вижу каждое место, где кто из детей спал. Ты себе не представишь, как мне было мило....

А Бенигсен давно уже уехал в Калугу, старики поссорились так, что умирить способу их не было, хотя я о сем очень старался....

Как мне хочется хоть на часок у тебя побывать. А коли не удастся, а у нас заспокоится, то я тебя сюда перевезу со всем потрохом.

Здесь из дворян, жителей, баб и девок никого нет, все попрятались, боятся кошки, чье мясо съели. ...

Расскажу тебе, как счастливо нам шестое число в месяцах....

6 число - знаменитый фланговый марш на дорогу Серпуховскую и Калужскую;

6 число - счастливая первая атака под Тарутином;

6 число - славный манифест, где он говорит, что не положит меча, пока ни одного злодея в краю русском не будет;

6 число - победа славная под Красным, и 6-е число, надеемся, и враг за Неман весь удалится. О сем будет вам писано в газетах....

Я тебе писал или нет, что у меня кучер Бонопарте умеет править с коня, я его для тебя берегу.

Пушку, отбитую у неприятеля, Петруше посылаю на память, надобно сделать лафет и ее беречь. Другую пушку, маленькую, мне сейчас принесли - посылаю Ване милому.

Ну, прощай, моя душа. Благословляю тебя и детей....

Н. С. Мордвинов - Н. О. Кутлубицкому.

2 декабря. Пенза

...Генриета Александровна, любуясь чертежом дома вашего, говорит: жаль, что далеко. Она не понимает прелестей зимнего путешествия в кибитках, сколь ни старался я уверить ее, что зимою приятнее ездить, нежели летом во время жаров, пыли и стукотни колесной. Во время злочестивых в Москве я покушался было дать ей первое испытание увозом в Сибирь, но и при страхах не было возможности уговорить на смелый подвиг - стать против мороза [в] 20 градусов.... Слава богу, что грозная туча рассеивается. Уверяют, что ни один [француз] не уйдет из русской земли. Дай боже, чтобы так сбылось и прошла охота незванному ходить к нам в гости. Но боюсь, что званых будет всегда у нас много привычками, пристрастиями и прихотями нашими. У русских кулаки еще крепки, но умы ослабели от выговора русских слов на французский склад. Москва горела, а французские театры открыты были.

По приложенной от вас записочке известие не может быть верным. Таковые вести разносят французские духи.... И вас, и меня, и всякого могли бы тогда без суда и расправы послать в каторжную работу. Не верьте рассказчикам, коих научают в Москве, где изрубили подсудимого до решения судей. Виноватого должно судить и по приговору казнить. Те же самые, кои рассказывают подобные вести, старались огласить изменниками Платова, Баркляя-де-Толли и самого кн. Кутузова. Всему беда - французский язык, который и русскими словами научил обманывать и обольщать и преобразил людей так, что и узнать их трудно...

А. Свешников - родным.

4 декабря. [Москва]

Слава богу, мы опять в Москве, хотя она обезображена, но мила. Мы все своим семейством выехали из Москвы 2 сентября, взяли кое-что и странствовали, жили в Вязниках, потом переехали было на зимовку в Арзамас, но к 1,-му декабря все переехали сюда. Дом мой совсем истреблен огнем. Так же, как и у прочих, нет ни уголка [не] обожженного. Лавка тоже сгорела и обвалилась. Я вам пишу о себе, а нас, жертв таких, и числа нет. Теперь хлопочу, начинаю строить, низ у себя отделявать да покры [ва] ть, а на верх нарубить.

Письма пишите на мое имя во вновь построенные лавки на Красной площади,

ибо тут дали место на временные деревянные лавки. В Кремль никого не пускают, и там неизвестно что. Снаружи [видно, что] взорван приделок к Ивану Великому с большими колоколами, Арсенал, Водовзводная башня, местами на набережной стены, а дворец и Грановитая палата выжжены.

Д. С. Дохтуров - жене.

5 декабря. Местечко Борунье

Здравствуй, друг мой Машинька. Благодаря бога, я здоров, и уже несколько дней как я с корпусом пришел сюда, от Вильны только 20 миль. Вильна уже занята несколько дней нами, а неприятель, я думаю, теперь перешел чрез Неман. Мы его преследуем за границу, то есть Чичагов и Витгенштейн, и все партизаны, и казаки. Неприятель перешел сию реку не так, как прошел в первый раз, без артиллерии и кавалерии. Осталась у него только малая часть гвардии, да и то в великом расстройстве. Никогда еще не видали подобного неустройства и неповиновения. Бог наказал их за все неистовства и мерзости, деланные сими злодеями в Москве. Представить себе не можешь, друг мой, такой страшный спектакль, как начиная от Вязьмы до Красного и от Борисова до Вильны. Нет почти шагу, где бы не было брошенных орудий, ящичков и разного экипажа, и сверх сего, великое множество тел умерших от голоду и замерзших лошадей.

Бог явно карает их за их беззакония. Во всякой деревне находим голодных и ободранных неприятелей без оружия, которые за счастье считают попасться в плен, уверенные, что их кормить будут. Я еще в жизни не видел ничего подобного. Я взял из жалости под Красным молодого итальянца. Он не ел несколько дней и, верно бы, замерз, ежели бы бог не привел меня на его счастье. Теперь он здоров и уже распевает. Я его одел, как только можно было. Приехав сюда, нашел несколько сот пленных, кои сами пришли, в том числе 18 офицеров. Я одного взял к себе, у него озноблены ноги и в прежалком положении, но Коширевский меня уверяет, что он выздоровеет. Еще тут же взял немца с немкой, которые умирали также с голоду. Нельзя не сжалиться на их несчастное положение. Вот, душа моя, как неожиданным образом кончается сия кампания к великой славе нашего оружия и патриотизма целой России....

А. Н. Самойлов - Н. Н. Раевскому.

[6 декабря. Смела]

Поздравляю вас, мой друг Николай Николаевич, с получением ордена св-го Александра Невского. Дай боже, чтобы все ваши заслуги награждены были достойным образом. Должно сего надеяться непременно, ибо они не такого рода, чтобы могли, так сказать, между глаз проскочить. Дело ваше под Смоленском сделало бы честь и самому главнокомандующему тогда армиями. Как кавалер сего ордена посылаю к вам, мой друг, ленту и орден оного. Примите приношение сие от человека, который искренно вас любит и почитает и которому слава ваша столь же приятна, как бы она была

собственная его слава. Поздравляю вас, мой друг, с нынешним днем ангела вашего, также и с милым вашим именинником, юным героем Николенькою, которому я часто досаждаю, уверяя его, что будто бы он ранен в заднюю часть тела и что будто бы для сей причины вы его отправили из армии. Он клянется и божится, что этого совсем не бывало, я же показываю, будто бы в том ему не верю....

Давно не имеем мы известия о вас, мой друг, и о военных ваших подвигах. У нас же получено из Петербурга известие, что будто бы в Париже был бунт, что губернатор оного Савари арестован и что будто бы и сама императрица должна была также быть арестована, но будто бы успела уехать в Вену. Сие последнее обстоятельство для нас недурно, ибо австрийский император не будет уже заботиться о дочери своей....

А. В. Чичерин - А. П. Строганову и В. С. Апраксину.

6 декабря. Вильна

Любезные и дорогие друзья.... Вот мы и на зимних квартирах, наконец, в покое, на месте и отдыхаем - в воображении, по крайней мере,- ибо мы только вчера прибыли сюда. Я не мог еще видетсья с нашим любезным графом; первые дни на отдыхе всегда исполнены докучных забот, не оставляющих ни минуты свободной.

Я очень рад, что более не нахожусь на открытом воздухе. Мороз, утомление, зрелище трупов на больших дорогах, вид несчастий и бедствий жителей, досадная невозможность ничем заняться толком, напрасная потеря времени - все это внушило мне такую неприязнь к походной жизни, что я радуюсь уж одному тому, что не буду убивать время столь бесполезно.

Едва прибыв на место, я приказал устроить мою кровать, повесить полог, поставить стол для занятий, потом разложил на нем в нарочитом порядке все свои бумаги, карандаши, перья, словно я страшно трудолюбив, разбросал наброски рисунков; «Тристрама Шенди», «Дон Кишота» и Гельвеция, к счастью имеющихся у меня, аккуратно положил справа, а слева - тетрадь по тактике, сохранившуюся у меня так удачно, что не преминет создать мне репутацию ученого в глазах тех, кто меня не знает.

Устроивши все, я велел подать кофе (заметьте, что чемоданы свои я послал к черту, и все мои вещи уже были разложены в комод по-домашнему) ; итак, я велел принести кофе и, выпив первую чашку, воскликнул:

«Вот я и дома, у себя дома и на немалое время!»

Мне хотелось сразу же заняться делом, потому что, как вы узнаете когда-нибудь, во всяком положении совершенно необходимо уделять несколько часов в день серьезным занятиям, и я ничего не мог придумать лучше для начала, как сесть писать вам. Правда, для меня это удовольствие, я убежден, что и для вас тоже, а обе эти идеи мне улыбаются.

Вильна совсем не разрушена. Французов выгнали так быстро, что они не успели ничего с собой унести. Их хлеб служит прекрасной пищей для наших солдат, их одежда пригодится для пленных, а каски пошлют в Петербург для театра, как говорят.

Поляки приняли нас очень хорошо. Во время спектакля раздавались приветственные возгласы, сцена была украшена портретом Светлейшего с перечислением всех побед, им одержанных, внизу на транспаранте: Бородино, Ярославль, Вязьма и т. д. Но так как в газетах, которые мы здесь нашли, французы хвалятся, что убили под Ярославцем 20 тыс. русских, взяли там 200 пушек и 30 тыс. пленных (только и всего!)..., то нашелся шутник, который доказывал, что по прибытии Светлейшего понадобилось только сменить портрет, а раньше там красовался [Наполеон](#), а Бородино, Ярославль и прочее обозначались как его победы. Говорили также, что Наполеон сдержал свое слово: находясь в Москве, он грозил нам, что его армия перезимует в глубине России. И действительно, она вся либо в наших руках в Тульской губернии и в других местах, либо замерзла на дорогах.

Вы не можете представить, как ужасны дороги. И хуже всего то, что к этому привыкаешь, как к всему на свете.

Страница, однако, кончается. Мне пришлось бы исписать еще десяток, если бы я стал перечислять все, что прошу вас передать вашей любезной бабушке и графине....

Я кланяюсь моему доброму г. [Малербу](#). Среди пленных был маленький швейцарец, которого я потому только не взял к себе, что им занялся [Жан Валковский](#). Я просил Жана быть к нему сколько можно заботливее, и он очень привязался к пленному и совершенно доволен им. Сей народ дороже мне всех после моего родного, и я буду счастлив, ежели сумею помочь какому-нибудь пленному швейцарцу. Скажите об этом моему другу - не для того, чтобы придать мне достоинства в его глазах, а чтобы доказать, как он научил меня любить его народ.

Остаюсь навек вашим добрым другом *Александр Чичерин*.

Скажите г. Малербу, что здесь все страшно дорого, но сукно возмещает все: самое лучшее стоит 24 руб. Ко всему прочему не подступиться: цены, как у маркитанток в походе.

Попросите его препроводить по адресам прилагаемые письма.

[В. А. Кавелин](#) - брату.

7 декабря. Мстиславль

Любезный братец, Дмитрий Александрович!

Бедствия, постигшие любезнейшее наше Отечество, испровергали все, что только попадалось под ногу несправедливого и вероломного нашего злодея! Провидение, лишив нас доброго нашего родителя, предвозвещало, что бич

рода человеческого и от нас, несчастных, потребует своей жертвы - и бедного, доброго нашего брата Петра Александровича после мучительных, тяжелых страданий не стало уже на свете. Будем, дорогой братец, проклинать уже проклятого человека, нанесшего нам новое несчастье, но предадимся слепо воле создателя! Царство ему небесное! он стократ блаженнее нас, принеся себя в жертву за веру и Отечество,- это его были последние слова.

Я почти уже 4 месяца скитаюсь в ополчении и рад очень, что хоть мало, но был полезен любезному нашему Отечеству, которое бог за грехи наши хоть и наказал, но всецелая его десница не могла долго наказывать любезный ему народ. Хвала всевышнему! кажется, теперь враг не страшен нам уже более.

Простите, милый, добрый братец, и вы, добрая сестрица Шарлотта Ивановна, что я среди промежуточного смутного времени не писал к вам: почты исчезли, был беспрестанно в хлопотах и проч.,- вот, что на время отвлекло меня от приятнейшей с вами переписки. Но верьте, что и среди сражения, в котором мне удалось быть по [д] Ельной, я не забывал вас и милых малюток ваших, которых от души мысленно целую и желаю от всего моего сердца вам и им здоровья. Новостей воинских не вмещаю здесь потому, что мы теперь уже далеко сами от главной квартиры, и они, если б и были какие, то дойдя с этим письмом, сделались бы уже стары....

Поздравя от всего сердца вас и сестрицу Ш. И. с наступающим праздником рождества Христова, вижу, что, может быть, мне до Нового году не удастся написать к вам, и поэтому сливаю вместе мое поздравление. Желаю, чтоб Новый год пуще всего был ознаменован щастливым благоденствием России, чтоб крылья его, осеняя, целили раны изнуренного нашего Отечества и чтоб вы, домашние ваши, и все наши родные были здоровы. Покорнейше прошу засвидетельствовать мое совершенное почтение всем нашим родным. И пребуду навсегда вам верный и душою любящий вас брат *Владимир Кавелин*.

К. Ф. Рылеев - отцу.

7 декабря. [С.-Петербург]

...Та минута, которую достигь жаждал я не менее, как и райской обители, священного Эдема, но которую ум мой, утраченный философами, желал бы отдалить еще на время, быстро приближается. Эта минута есть переход мой в волнуемый страстями мир. Шаг бесспорно важный, но верно, не столь опасный, каким представили его моему воображению мудрецы, беспрестанно вопиющие против разврата, обуревающего мир сей. Так любезный родитель, я знаю свет только по одним *книгам*, и он представляется уму моему страшным чудовищем, но сердце видит в нем тысячи питательных для себя надежд. Там рассудку моему представляется бедность во всей ее наготе, во всей ее обширности и горестном ее состоянии, но сердце показывает эту же самую бедность *в златых цепях вольности и дружбы*, и она кажется мне не в бедной хижине и не на соломенном одре, но в позлащенных чертогах, возлежащею на

мягких пуховиках в неге и удовольствии. Там, в свете, ум мой видит ряд непрерывных бедствий - и ужасается. Несчастья занимают первое место, за ними следуют обманы, грабительства, вероломства, разврат и так далее. Устрашенное мое воображение и рассудок мой с трепетом гласят мне: «Заблужденный молодой человек! разве ты не видишь, чего желаешь с таким безмерием. Ты стремишься в свет, но посмотри, там гибель ожидает тебя».... Так говорит мне ум, но сердце, вечно с ним соперничающее, учит меня противоположному: «Иди смело, презирай все несчастья, все бедствия, и если оные постигнут тебя, то переноси их с истинною твердостью и ты будешь героем, получишь мученический венец и вознесешься превыше человеков». Тут я восклицаю: «Быть героем, вознестись превыше человечества! Какие сладостные мечты! О! Я повинуюсь сердцу «.

Отечество наше потерпело от врага вселенной, нуждалось в воинах, кои и были собраны. Из нашего корпуса были нынешний год три выпуска, в кои выбыло кадет до 200, да ныне выходит человек 160. Слышно, что будет выпуск в мае месяце будущего 1813 года. Мои лета и некоторый успех в науках дают мне право требовать чин офицера артиллерии, чин, пленяющий молодых людей до безумия и который мне также лестен, но не чем другим, как только тем, что буду иметь я счастье приобщиться к числу защитников своего отечества, царя и алтарей земли нашей, приобщиться и возблагодарить монарха кроткого, любезного, чадолюбивого за те попечения, которые были восприняты обо мне во все время долголетнего пребывания моего в корпусе.... Я буду проситься в конную артиллерию, ибо вообще конная служба мне нравится. В мае из первых чисел, верно, будет выпуск. Вот почему опять ведено набирать рекрутов с 500 по 8, почему можно безошибочно заключить, что и нас потребуют, более же потому, что в армии недостает офицеров, по крайней мере, до двух тысяч, несмотря на то, что много было выпущено. Почему, любезный родитель, прошу [как] вашего родительского благословения, так и денег, нужных для обмундировки. Вам небезызвестно, что ужасная ныне дороговизна на все вообще вещи, почему нужны и деньги, сообразные нынешним обстоятельствам....

Н. Н. Раевский - А. Н. Самойлову.

10 декабря. Вильни

Начну я, милостивый государь дядюшка, описанием обстоятельств и движений.

1-ая и 2-ая армии, не считая [Чичагова](#), [Эртеля](#), [Витгенштейна](#), не имеют более 30 тысяч, что удержало фельдмаршала следовать в герцогство Варшавское. Дохтуров с бывшим корпусом Эртеля и с частью, принадлежащей к 1-ой армии, и [\[Остен\]-Сакена](#) корпус, который к нему соединится, послан против [Шварценберга](#), который ретируется в герцогство Варшавское. Наполеоновы остатки должны быть в Пруссии. Вышло их, я думаю, менее 10 тысяч. Macdonald недавно еще был под Ригой, потому что не знал обстоятельств

Наполеоновых. Туда пошел Витгенштейн, дабы его отрезать. [Платов](#) [идет] по пятам французам, коих прусские жители бьют, как били их наши мужики.

Итак, Россия освобождена от неприятеля. Что будут делать австрийцы и пруссаки - увидим! Кажется, на будущий год кампании не будет! Русский бог велик!..

Случай прекрасный отнять все забранное у Наполеона. Боюсь глупости и родства австрийского императора! Бонапарт много сделал вреда России, а политически - много пользы, ибо теперь уже не должны опасаться его внушений в народе, который его проклиняет! Дорого заплатил он за ошибки свои! И ошибки его не есть ошибки великого воина! Теперь нам бывшие его силы известны, и должно признаться, что единственный способ был победить его изнурением и завлечением внутрь России, что мы все прежде осуждали. Под Смоленском имел он под ружьем, что доказано бумагами, у них взятыми, 220 т. человек. Перешел он границу, имея под ружьем 350 т., вышел же с 8-ю тысячами. Он надеялся, что, подобно как в Австрии и Пруссии, будет ему земля повиноваться и [он] найдет продовольствие, считал испугать взятием Москвы и заключить мир, полагал возмутить народ и не умел удержать войска от неистовств или, лучше сказать, не смел! Он в середине своей армии всякую минуту боится не только послушания, но и смерти. Он употребляет все возможные обманы, чтоб удерживать ее в повиновении. Вот состояние сего врага рода человеческого! Кто его протекшей славе позавидует! Его побеждать можно, но он давит числом превосходным - людей не считает ни за что. Он сказал: *que me font ces craux rouvus, que je vous conserve*, говоря фельдмаршалам про войска свои исчезающие; он триста офицеров своих раненых подорвал в Смоленске и множество солдат... Он уехал уже из-под Вильны, брося армию, в трех каретах с 50-ю человеками конвоя. [Он] больше конницы не имеет и ни одной пушки, ни повозки при армии.

[Н. А. Мурзакевич - Е. А. Энгельгардт.](#)

11 декабря. [Смоленск]

Милостивая государыня Елена Александровна!

По случаю несчастного последствия, когда от водворившихся в Смоленске неприятелей объявлена была сентенция предать смерти мужа вашево Павла Ивановича Энгельгарта, то он призвал меня в Спасскую церковь, где содержались их [французам.- М. Б.] арестанты и наши соотечественники, просил меня высповедать и приобщить животворящих тайн, что я выполнил, и по желанию его для утешения и утверждения в непоколебимом уповании на милость божию, я от него не отходил до самой полуночи. И на следующий день, по прозбе ж его, пришед я к нему очень рано, выслушивал объясняемые им мне душевные мысли и расположения относительно его дому и верных людей. Между прочим, с сердечным сожалением сказал мне, что он погрешил перед вами и чрез то причинил в вашей жизни великое расстройство, почему

просил меня исходатайствовать у вас от имени его христианское прощение. В то же самое время написано им собственноручно к матери его особое письмо относительно духовной, сделанной им, и о доносителях на него. И оно отдавши мне, лично просил доставить, которое я ей и вручил. Удостоверяю вас, что покойный супруг ваш в таком был чистосердечном сознании, что бог его во всем простил, а я вас прошу ему все отпустить. Он и в письме своем к матери просил ее попросить у вас и у вашей матери прощения. Итак, выполняя возложенное на меня покойным Павлом Ивановичем доверие, желаю вам душевного спокойствия.

Вашего высокоблагородия милостивой государыни покорный слуга С [моленской] О [дигитриевской] Ц [еркви] С [вященник] Н[икифор] М[урзакевич.]

Смерть Павлу Ивановичу объявлена 13 октября. Он весь день был покоен и с веселым духом говорил о кончине, судьбою ему назначенной, и [что] нынешний год какое-то было предчувствие, что он должен умереть. 15-го октября в 11-ть часов утра пришел к нему бывший здесь в Генеральном Заседании членом польский полковник Костенецкий и принес полбутылки простого вина и просил его с ним оное распить, извиняясь при том, что он сожалеет, что во время суда из Смоленска был откомандирован, иначе участь была бы иная чрез обследование. Он [[Энгельгардт](#) - М. Б.], хотя от того ослабел несколько, [что] по 14-е число ничего не пил, и не ел, и всю ночь не спал, но показал геройский дух, поблагодаря его за учтивость, ответил, что «смерть христианину нестрашна, а сожалею, что [еще] многие дворяне подвергнутся подобной участи, ибо не будут у вас просить до милостей или залога. Я с радостью умираю как невинный, и смерть моя сделает осторожными других против злодеев, которым скорое и неминуемое последует наказание», и требовал, чтоб скорее его вели на место, дабы не видеть и не слышать тиранства. Когда пришли за ним, он просил идти с ним, [потому] что он некоторые записки мне вручит, и чтоб отпеть по нему провод и предать земле тело. За Молоховскими воротами в шанцах начали читать ему приговор, но он не дал им дочитать. Закричал по-французски: «Полно врать! Пора перестать! Заряжай поскорей и пали, чтоб не видеть больше разорения моего отечества и угнетения моих соотечественников!» Начали ему завязывать глаза, но он не позволил, говоря: «Прочь! Никто не видел своей смерти, а я ее буду видеть!» Потом, попрощаясь с мною и с двумя детьми, которые его в тюрьме со мной навещали, и с [Рагулиным Федором Прокофичем](#), которому, вынувши из пазухи, духовную отдал, чтоб по оной последнюю его волю выполнили, а мне дал 2 записки, чтоб по оным в селе Дягилеве сыскал скрытые вещи, которыми он благодарит за неоставление, о чем и в духовной упомянул. Потом, сказавши: «Господи, помяни мя, егда приидеши во царствии твоём! Я в руки твои предаю дух мой!» - велел стрелять, и из 18-ти зарядов 2 пули прошли грудь, и одна - живот. Он упал на правое колено, потом навзничь пал, имея поднятые руки и глаза к небу по примеру первомученика [Стефана](#), начал кончаться, и как дыхание еще в нем длилось, то 1-ый из 18-ти спекуляторов,

зарядя ружье, выстрелил в висок, и тогда [он] скончался. Я начал здесь отпевать погребение, а Рагулин достал людей выкопать могилу. Не успел я долг христианский кончить, и спекуляторы раздели его донага и ничком в 3 четверти выкопанную яму вбросили, а окровавленную одежду и обувь разделили себе.

Октября 24-го такая же участь постигла [Шубина](#), а пятеро дворян и до 15 рославских мещан особенною божью милостью избавились от казни. А именно, [Петр Михайлович Храповицкий](#), [Тит Иванович Кусонский](#), [Яков и Алексей Петровичи Тимофевичи](#), [Николай Иванович Адамович](#)! Первый из них был отпущен для покупки хлеба, уверил часового, что он не арестант и из усердия к родным, [в заключении] содержащимся, для прислуги к ним живет. Часовой поверил сему, не смотрел за ним, и он ушел, за что прочих строже содержали, и за сие пред выходом из Смоленска неприятелей ведены были на место казни. Но бомба пала пред конвоем и всех рассеяла. Несчастные отведены были в Молоховскую кордегардию. Тут они содержались два дни, и когда Молоховскую башню взорвало, часовые повели их с собою за город, и как сами спешили сбежать, то при темноте они одни отстали, и воротясь в город, пришли в дом капитанши Лебедевой, а от ей по вступлении наших в Смоленск, поутру пошли по домам своим. Из них почти все теперь больны, а Тит Кусонский преставился.

О себе скажу вам, что неоднократно был в руках смерти, но бог не только меня но и церковь мою в целости соблюл, и чрез мое старание все, в ризнице архиерейской оставленное, збережено. Генерал [Жемени](#) велел сделать в Успенском соборе магазин, и того убедил отменить. И так собор со всем его имуществом и имуществом здешних граждан, в оном сокрытом, сбережены.

[В. С. Норов](#) - родным.

[После 10 декабря]. Вильна

Поздравляю вас с радостью: братец оставлен в Москве, вылечен от раны и хотел скоро отправиться к вам. Сию приятную весть привез мне Парфен, с которым получил я ваши письма и посылки.... Я, по милости божьей, до сих пор здоров. Был под ядрами и пулями, но жив.... Правда, что трудно в походе, но когда же и служить, как не теперь? Как можно думать о спокойствии и о жизни теперь, когда дело шло о спасении отечества? Тот день, в который я первый раз был в сражении, был самый счастливый для меня в жизни. Любовь к отечеству и вера, вот о чем помышлял я ежеминутно и часто даже не примечал падающие около меня ядра. Последнее сражение, которое наиболее расстроило французов, было под Красным. Мы день и ночь преследовали неприятеля, наконец, под городом Красным недалеко от Смоленска настигли мы французскую армию. Сам Наполеон остановил ее и расположил в боевой порядок, но сильный огонь нашей артиллерии принудил его к отступлению. Целый день продолжалась сильная канонада с обеих сторон, наконец, велено нам атаковать в штыки, и наш полк, построясь в колонну, первый на них

ударил, закричав «ура!». Все, что нам сопротивлялось, положено было на месте, множество взято в плен. Корпус фельдм. [Нея](#) был отрезан и истреблен. Французы потеряли 200 пушек и 20000 пленными. Ночью я был послан со стражею, чтобы выгнать из деревни остающихся французов. Они долго защищались, но мы заняли деревню и принудили их сдаться. Подле меня разорвало одну гранату, но мне не причинило никакого вреда. С тех пор мы гнали безостановочно неприятеля к Березине, где было последнее поражение французов, а теперь гвардия остановилась в Вильне, куда приехали государь и великий князь, а армия преследует остатки французов в Пруссии. Итак,... неприятель выгнан из пределов нашего отечества. Мы ожидаем повеления идти в Пруссию или возвращаться в Петербург....

[М. И. Кутузов](#) - жене.

13 декабря. Вильно

Ты несколько правду говоришь, мой друг, что опасно, чтобы Вильна не была то, что [Ганнибалу](#) Капуа. Я первый раз постлал постель, без которой обходился, и стану раздеваться, чего не делал всю кампанию. Многие генералы жалуются, что непокойна квартира. Однако же я с помощью божиею скоро опять буду без постели, и генералы будут греться у огня....

[А. Г. Сидорацкий](#) - [Т. А. Каменецкому](#).

14 декабря. Мокшан

...Вы тужите, потеряв свою библиотеку и пр. Я думаю, что я столько же причин имею болезновать о потере, смотря из письма вашего, всех лучших моих врачебных книг, которые я покупал дорого и доставал с великим трудом. Что делать! Досталось нынче всем сестрам по серьгам... Жаль мне чрезвычайно своих манускриптов, которые многим пользу делали, а теперь, верно, откажутся мне более служить. Уведомляю вас о себе в коротких словах. Из Москвы я выехал еще позже вашего - в тот же день, только в 11 час. ночи. Я проехал через Рязань и 22 сент. приехал сюда. На судьбу свою я пенять никогда не буду, потому что ею доволен, а бог знает, что творит! С недавнего времени я имею удовольствие читать здесь московские газеты. Как это приятно, то вы можете сами это чувствовать....

[А. И. Тургенев](#) - [А. Я. Булгакову](#).

17 декабря. С.-П[етер]бург

Я получил твое письмо, любезный друг, и немедленно бы исполнил твое поручение касательно проекта памятника, представленного [А. Н. Лениным](#), но сперва должен сказать тебе, что он еще не утвержден, и что сверх того сделаны проекты [Ворониным](#), [Томоном](#) и другими, да и Оленин сделал два, и одного и модель готова. Он весь составлен из цельных, нерастопленных пушек; ростры также из пушек. Пьедестал четверугольный, по углам

прикованы французские орлы, а на верху колонны на шаре сидит русский орел. Надпись простая, но все выражающая. С одной стороны сначала под чьим предводительством низложен Наполеон и истреблена его армия и во сколько времени. С другой - сколько народов воевали против России. Других проектов я еще не видал. Как скоро будут рисунки, тотчас тебе пришло.

Официальных известий из армии еще нет, но кажется, что дела идут хорошо. Бессмертная слава Смоленскому! ...

Твой Тургенев.

Е. Н. Давыдова - А. Н. Самойлову.

21 декабря. [Каменка]

...Сейчас приехали ко мне одни барыни из Елисаветграда и сказывали очень приятные известия, что будто Бонопарте пойман, а именно после разбития его гвардии он ушел; в каком-то маленьком местечке его нашли на хорах в костеле. Ксендз там его прятал. Я сейчас послала к княгине [Кудашевой](#), ибо сказывают, что и к ним есть письма с этим курьером. Что узнаю вернее, то тебя уведомя.

К. Д.

С. Н. Марин - М. С. Воронцову.

21 декабря. (Получено - 11 января 1813 г.)

Рад душевно, что ты произведен, а то мы с Закревским здесь за тебя изгоревались.... Многие удивляются, что ты поехал в армию адмирала, которого здесь ненавидят и раздирают на части, полагая, что он причиной спасения великого злодея. Но в сих случаях я молчу, ибо в проклятом воинском ремесле надо быть на месте и в делах, чтоб судить, кто прав, кто виноват. У нас же репутации возвышаются и упадают очень часто без всякой причины.... Что же касается до меня, любезный Миша, то твое свидетельство о моей службе мне приятнее креста. Все видели, что я не давал себе покою, продовольствовал армию, хлопотал обо всем и беспрестанно. Но труды мои как черная и неблестящая работа пропали. Я о сем не беспокоюсь, я желал бы только, чтоб государь знал о сем. Нельзя другого способа найти, как чтобы [Сен-Приест](#) ему объяснил. Я на него надеюсь....

Я всегда был, несмотря на то, что и ты произведен, против производства за отличие. Сколько тут зла! За одного порядочного производится пять дрянных, чему все свидетели. Гораздо бы лучше, если бы шло по старшинству. Но ведь нет правила без исключения.... Иной был пьян как стелька (спроси [Кретьова](#)), а произведен за Бородино! Государя винить нечего - он полагается на главнокомандующих, главнокомандующий видеть всего не может - верит корпусным, а те обманывают. Их-то бы я велел на полчаса повесить. До свидания, друг и командир. Помни, что нас осталось двое, как ты говорил в

письме своем после смерти бедного [Арсеньева](#), и любви

Марина....

[Л. А. Симанский](#) - матери.

22 декабря, г. Вильна

Любезнейшая матушка!

Сего месяца 5-го числа вторично вступали мы в этот город. Главнокомандующий светлейший князь со слезами на глазах встречал гвардию, которую сопровождал великий князь. При входе в самый город радостное - «ура!» солдат ознаменовывало важнейшую победу в свете. ...После сражения при селе Бородине в половине сентября месяца мы остановились за рекою Нарою на позиции, где простояв три недели при прекраснейшей погоде, мы довольно отдохнули. Шалаши у нас были построены домиками, потом стали делать землянки, у меня была моего изобретения с выбеленною печью и окнами, также сделаны были разного рода игры. Так препровождая время, мы не чувствовали никакой тяжести похода, 6-го числа октября ходили в ночную экспедицию, где с рассветом французы были совершенно разбиты, после чего мы воротились опять на старый свой лагерь. Выступив с оного лагеря, пришли мы 12-го числа под Мало-Ярославец. Становясь на места, проходили мы под ядрами. Гвардию тогда не употребили, и многие [другие] полки оставались в резерве также по излишеству. В нашем виду происходило все дело, которое с рассветом другого дня окончилось. С этого-то самого дня неприятель, почувствовав весь гнев божий, преследован был до самого истребления всей его армии, что вы, я думаю, по известиям из нашей видели. По большим уже морозам мы пошли по квартирам. Вы не можете себе представить, как первый ночлег в избе после семимесячного похода нам показался приятен. Итак, продолжая всякий день марши, мы подошли 5-го ноября к Красному, где еще несколько дней простояв на биваках, думали быть в деле. От сего-то места мы видели следствия поражения неприятеля. Дорогой представлялись нам самые несчастнейшие и ужаснейшие картины, каких еще ни в одной войне не было видано. Вначале смотрели мы на это с большим содроганием и подавая сим несчастным всякую помощь, но чем мы ближе подходили к Вильне, то картины сии были на каждом шагу, так что мы смотрели уже с равнодушием на растянувшихся по всей дороге сих несчастных, в самые уже ужаснейшие морозы не имеющих даже клочка холстины, чтобы прикрыть себя. [Они] падали среди дороги, смешиваясь с издохлыми лошадьми, и среди их умирали.

Вступая в Вильну же, мы видели их уже горами наваленных в городе, едва успели только разбросать по сторонам каждой улицы их тела, чтобы пройти войскам, но, не находя слов описать сии несчастнейшие все анекдоты, я сим прекращаю.... Я вам опишу теперь наше препровождение здесь времени. По прибытии сюда 10-го числа государя императора, на другой день был он у

развода гвардейских егерей. При появлении его троекратное «ура!» раздавалось по всей площади. Всемиловейший монарх изъявлял им свою признательность, благодарил за службу, потом, подойдя к офицерам, милостиво их также благодарил, особенно нашему полку, а потом каждому из нас особенно приветствовал. На другой день, т. е. 12-го числа декабря в день рождения императора, был у светлейшего князя бал, на который приглашены были все гвардейские офицеры. Государь и великий князь присутствовали на оном и до ужина уехали. Светлейший был в тот день украшен первоклассным орденом Георгия, который надет был у него сверх мундира. Государь по прибытии в город при первом свидании с князем возложил оный на него. Город в тот день был иллюминирован. Разводы были по очереди полков, когда же был от нашего полка, к которому, кстати, приехал и полковой наш командир г.-майор Храповицкий, [и] вышел на костылях явиться также императору. Прочие полки встречали его, прокричав всегда три раза «ура!». При появлении же государя к нашему полку он как бы хотел показать пред всеми ему свою признательность, поздраваясь сперва с людьми, поблагодаря их за службу и храбрость, на что они отвечали ему радостным «ура!». Потом государь, поблагодарив, сказал весьма громко сими словами: «Ваш полк покрыл себя бессмертною славою». Полковой наш командир, идя подле него, закричал: «Ура!» Солдаты, сами подхватив оное, провожали оным его, пока государь прошел по всему полку, с Храповицким поцеловался и дружески разговаривал. [Он] в этот день произвел всех наших в полку подпрапорщиков. Прежде сего еще вышло награждение нашего и Литовского полка капитанам и штабс-капитанам. Им пожаловали ордена св. Анны 2-го класса с алмазами, а полковникам - Владимирские 3-го класса. Вчерась же еще у развода я слышал также весьма приятную новость, что обоим же сим полкам дадут вскоре Георгиевские знамена за отличие - подлинно сказать, что лестно в таком полку служить. Мы обязаны будем сим храброму генералу Коновницыну, который, присутствуя в самом жару сражения при сих двух полках, видел их храбрость и обещал во что бы то ни стало испросить у государя сии знамена им...

Эпилог «Мы идем с войной для мира»

Л. А. Симанский - матери.

11 января 1813 г. Город Иогансбург

Любезнейшая матушка!

Вот уже другой раз как я поздравляю вас теперь уже с прошедшим днем Нового года, не зная, как вы оный провели, и не имея никакого вот уже пятый месяц известия о вашем и любезнейших братцев здоровье. Я уже почти не знаю, что писать, тревожение мыслей много препятствует мне вольному их обращению....

Накануне праздника рождества Христова выступили мы из Вильны и пришли к местечку *Меречу* на самых границах, там простояли несколько дней. Первый же день нового года обновлен был переходом всей гвардии за границу. Государь, который от самой Вильны вместе с главнокомандующим сопутствуют полкам гвардии в их переходах, также в оный день перешел с ними за границу и, проезжав оные, поздравлял их, начав сей год оным переходом. Я в тот день стоял в карауле у государя с ротой. Он находился тогда в местечке *Лейтунахи* стоял на панском дворе....

Итак, мы из герцогства Варшавского пришли теперь в Пруссию и, как известно, дойдя до г. *Вилленбурха*, остановились на несколько дней там. Дальнейшего же похода далее и куда теперь еще неизвестно, но говорят все разное, а именно, что идем до *Стразбурга*, также до г. *Торуна* на *Висле* и даже до *Дрездена*, где будто назначен будет конгресс нашего государя с прочими королевствами. Другие же новости хотя мы находимся и ближе к оным, нежели вы, но столь бывают ложны, что даже нельзя поверить, откуда бы могло произойти их начало...

Н. Н. Мордвинова - С. Н. Корсакову.

20 января 1813 г. Пенза

Долго, долго, любезнейший братец, лишены мы были радости читать строки, писаны вами, и вы можете себе вообразить восторг наш, когда мы увидели в руках маминькиных письмо. От кого? - от любимого нашего братца. И когда? - в самый день его рождения; ничего на свете не могло не соделать щастливее в тот день, для нас толь памятный, как разве единое ваше присутствие. О, любезнейший братец, ежели б вы знали, какие тяжкие минуты протекли с тех пор, как мы с вам расстались. Вспоминая о вас, какое мучительное чувство ощущала, когда представляла я себе, где вы. Любезный братец, ничем вы не могли меня столь обрадовать, как вашим признанием, что вы в мыслях ваших переменились и что единая только опасность Отечества может впредь понудить вас принят [ь] ся еще раз за оружие. Сколько раз мы вам повторяли, что чувствительная ваша душа не могла бы стерпеть видеть ужаснейшее зрелище так, как вы сами сказали в письме своем, страждущего человечества. Нет, любезный наш братец, война не для нежных сердец, и я уверена, что если б не пылающая ваша любовь к Отечеству не возбуждала и подкрепляла вас, то вы давно бы оставили поле брани. Ни почести, ни слава,- ничто не может заглушить в сердце вашем сострадание ваше к ближним, ежеминутно оскорбляемое, видя изуроденных своих сотоварищей....

Прощайте, любезный друг и братец, не нужно уверять, сколь было радостно мне слышать все похвалы и отличия, которые вы получали, вы знаете, сколь вас любит Н. М.

Прочитав мое письмо, оно мне показалось очень невесело, простите меня любезный братец.

В. С. Норов - матери.

14 февраля 1813 г. Елитов

После того сражения под Красным, о котором я вам писал из Вильны, более мы не дрались с французами. Одни только казаки преследуют их. После быстрого и трудного марша, наконец, остановились мы на границах Силезии или Немецкой империи, чтоб дать время идущим к нам из России подкреплениям к нам присоединиться. Сверх сего, суровость времени препятствует несколько военным действиям, но с открытием весны надо ожидать начатия оных. Сколь война сия ни была кровопролитна, но мы скорее желаем еще сражения, чтобы получить твердый и полезный мир для отечества нашего. Мы оставили Россию и идем теперь в иностранных землях, но не для завладения оными, а для их спасения. Надо даровать мир и спокойствие Европе, говорит нам государь наш, и мы идем на Запад с войною для мира. До сих пор мы сражались для спокойствия нашего отечества, теперь будем сражаться для спокойствия всей Европы. Надо пользоваться разстройством неприятеля, чтобы не дать ему усилиться. Бог и победа всегда с нами, и мы идем вперед.

Д. П. Трошинский - М. И. Кутузову.

26 марта 1813 г. [Полтава]

Светлейший князь, милостивый государь!

Где письмо застанет вашу светлость, не понимаю: вы такими исполинскими шагами подвигаетесь вперед! Да благословит господь ваши подвиги! Да приведет он Австрию в познание истины, да подымет на ноги Германию, да сломит рукою вашею рог строптивного врага и устами вашими да дарует миру мир - сей бессмертный и благопамятный венец спасителя России и освободителя Европы! Вот мои и всеобщие желания, сопровождающие вас на блистательном поприще, по которому, видимо, ведет вас всемогущая рука. Утомлен мыслями, гоняясь за вами по пространному пути славы, возвращаюсь в малый круг мой и, оставя героя, хочу побеседовать с другом, с благодетелем.

А. А. Закревский - М. С. Воронцову.

29 апреля [1813 г.]. Бауцен

...Не бойтесь, почтеннейший граф, уж мы успели наделать глупостей вместе с графом Витгенштейном, который много на себя берет и ничего не смыслит. Он командует всею главною армиею и пруссаками. Бестолковщина такая, что никто ничего понять не может. Вы, я думаю, уже известны о скоропостижном нашем сражении, бывшем 20-го числа при Люцене. Дело было беспутное, о котором описания делать никакого не буду, а только скажу вам, что было в оном деле 7 главнокомандующих, всякий по своему умению приказывал, и после сей отличной победы, как уверяют всех сии главнокомандующие, мы уже в Бауцене и отступили от Люцена 20 миль, и несчастный Дрезден уже в

руках злодея.

По отступлению нашему, которое мы делаем, можно судить, что плану никакого нет. Михаила Богданович 1-го мая будет в Саган, Sagan, не знаю, что теперь будет, и что с ним сделают: будет ли он главнокомандующий всех армий или нет? Сего крайне не желают люди, живущие в главной квартире, а служащие в линии душевно сего желают, да и польза службы сего требует. Но граф [Витгенштейн](#) быть главнокомандующим не может и не в состоянии: эту справедливость все ему отдают.

[Тормасов](#) заболел и поехал в Петербург. Г. Витгенштейн как главнокомандующий за дело, бывшее 20-го числа, получил Андреевскую ленту. Коновницын - ранен и получил 25 т. рублей.... Государь надел на прусского короля 4-го [класса] Георгия, а король на нашего надел новый военный орден 3-го класса. Вот какие у нас игрушки! По желанию г. Витгенштейна здесь идут перемены ужасные. У нас гении как скоро появились! Фельдмаршал умер, и тело его повезли в Петербург.

[В. С. Норов](#) - матери.

20 мая 1813 г.

Лагерь под Швейдницом

Я писал вам из лагеря под Бауценом, что мы готовились к сражению. На другой и третий день атаковали нас французы в превосходных силах в нашей позиции. Сражение продолжалось два дня сряду, 9-го и 10-го. Наш полк прикрывал батареи, коими французы с дьявольскою силою стремились овладеть, но мы не дали им завладеть ни одним колесом. Здесь были мы четыре часа в перекрестном огне; около меня убито и ранено 230 человек. Меня самого крепко ударило выхваченною ядром землю, но ничего не сделало. Я имею счастье быть представлену в другой раз в числе отличившихся. Сам государь и прусский король подвергали себя немалой опасности. Сколь ни лестно наше ремесло, однако же мы все желали бы скорого окончания сей войны, ибо наскучило стоять на биваках и зачастую по два и по три дня почти не евши. Но мы рады все терпеть, если бы только знали, что доставим славный мир нашему отечеству....

[К. Н. Батюшков](#) - [Н. И. Гнедичу](#).

30 октября 1813 г. Веймар

...Наконец, 4-го числа в 9 часов утра началось жаркое дело. С самого утра я был на коне. Генерал осматривал посты и выстрелы фланкеров из любопытства, разъезжал несколько часов сряду под ядрами, под пулями в прусской цепи, и я был невольным свидетелем ужаснейшего сражения.... Огонь ужасный! Ядра и гранаты сыпались, как град. Иные минуты напоминали Бородино. Часу в 3-м начали свистать пули. Мы находились против густой цепи неприятеля, и я снова имел счастье быть свидетелем

храбрости наших гренадеров.... Признаюсь тебе, что для меня были ужасные минуты, особливо те, когда генерал посылал меня с приказаниями то в ту, то в другую сторону, то к пруссакам, то к австрийцам, и я разъезжал один по грудам тел убитых и умирающих. Не подумай, чтоб это была риторическая фигура. Ужаснее сего поля сражения я в жизни моей не видал и долго не увижу.... Ядра свистали над головой и все мимо. Дело час от часу становилось жарчее. Колонны наши продвигались торжественно к городу. По всему можно было угадать расстройство и нерешимость Наполеоновых войск. Какая ужасная и великолепная картина! Вдали Лейпцик с высокими башнями, кругом его гремят три сильные армии: Щварценберга, где находились и мы, Бенигсена - направо, а за Лейпциком - наследного принца. И все три армии, как одушевленные предчувствием победы, в чудесном устройстве теснили неприятеля к Лейпцику. Он был окружен, разбит, бежал. Ты знаешь последствия сих сражений. Мы победили совершенно....

Н. Н. Раевский - А. Н. Самойлову.

2 ноября [1813 г.]. Веймар

...О успехах наших вы должны быть известны. Не великий Наполеон ушел за Рейн едва ли с 30-ю тысячами своей армии. Баварцы, баденцы, саксонцы, вестфальцы,- все поднялось против него. Теперь опишу вкратце мое приключение. Я почти здоров, был ранен в грудь пулею в 60 шагах. Фуфайка на вате спасла меня, ее пуля не пробила, но сделала глубокую рану в том месте, где *душка* примыкает к груди, и где все жилы шейные и ручные сходятся. Я пренебрег раной, был шесть [дней] при корпусе на лошади, наконец, под Веймаром лихорадка и жестокие боли положили меня в постелью. После девятидневных несносных мучений перенесли меня сюда. Здесь вынули из груди семь костей, но я в груди никакой боли не чувствую и скоро закрывать будут рану, только рукой правой не владею и в плече еще чувствую боль. Здесь наши обе великие княгини, которые всякий день присылают обо мне наведываться, и после завтраго я в сертуке им представляюсь. Государь меня произвел. Австрийский прислал маленький крест [Марии-Терезии](#), чрез две недели я думаю ехать в армию. Я пишу через силу, оттого пишу мало. Впрочем, вы, верно, все знаете. ...

Г. С. Батеньков - матери.

25 ноября 1813 г. Город Дармшта[д]т

Милостивая государыня матушка!

Было время, в которое обманчивое воображение представляло мне счастливую ту минуту, в которую оставлю я мое отечество и пойду обозреть места отдаленные! Но сердце, исполненное к вам любви, изменило мне в самую минуту разлуки. На берегах Тобола еще проливались слезы мои. Час от часу потом удалялся я от вас, сердце грустело более и более, и наконец, я уверился, что без вас не могу быть счастливым. Но возвратить нельзя прошедшего, и

мне остается одно утешение - писать к вам. Редко я имею возможность исполнять это, служба отнимает много времени, а война лишает часто и самих способов, так что я благословляю тот день, в который могу испросить себе благословение ваше, которое подкрепляет меня в трудах и спасает в опасностях.

Хотя нет еще перемирия, но войска главной армии спокойно расположились на кантонир-квартирах. Мы сперва блокировали крепость Майнц, теперь же [нас] сменил другой корпус, и мы отдыхаем. Ни малого недостатка ни в чем здесь не встречали, ибо земля довольно богата. Впрочем, совершенно неизвестно, начнутся ли опять военные действия или заключат мир. Все желают мира, хотя с другой стороны, война и обещает новые блистательные почести и славу оружию союзных войск. Сражение под Лейбцигом было решительным ударом для неприятеля. Там пали силы его, вторично противу нас собранные; не будет мира, то разрушим и третью армию, которую он собирает. Об этом можно говорить надежно, ибо мы привыкли уже на каждом шаге торжествовать над французами.

В деньгах, платье и ни в чем я не имею теперь нужды. Следственно, вы можете меньше заботиться обо мне. Пишите чаще, письма доходят всегда исправно и служат большим утешением в сердечной об вас тоске. Прощайте....

М. И. Платов - А. И. Горчакову.

9 января 1814 г. Селение Донреми

Милостивый государь, князь Алексей Иванович!

Имею удовольствие при сем случае свидетельствовать вашему сиятельству истинное почтение мое и уведомить, что военные дела наши идут, благодарение богу, хорошо, и сегодня повстречавшаяся неприятельская партия из корпуса маршала **Виктора** из города Вокулёр разбита моими казаками при деревне Ере. Начальник оной и более двадцати драгун взяты в плен, много побито, и из всей партии спаслись только двое французов бегством. Я пишу вам из селения дон-Реми, что на реке Мёзе. Селение сие известно в истории французской рождением славной девицы **Жан-Дарк**, избавительницы Франции.

Отсюда завтрашний день с корпусом моим последую чрез города Жуанвиль, Бар-сюр-Об к городу Бар-сюр-Сен, что на Дижонской дороге, дабы отрезать неприятеля, в Дижоне находящегося, и действовать по дороге к Парижу. (...)

К. Н. Батюшков - Н. И. Гнедичу.

27 марта 1814 г.

juissi-sur-Seine, в окрестностях Парижа

... С высоты Монтерля я увидел Париж, покрытый густым туманом, бесконечный ряд зданий, над которыми господствует Notre-Dame с высокими

башнями. Признаюсь, сердце затрепетало от радости! Сколько воспоминаний! Здесь ворота Трона, влево Венсен, там высоты Монмартра, куда устремлено движение наших войск. Но ружейная пальба час от часу становилась сильнее и сильнее. Мы подвигались вперед с большим уроном через Баньолет к Бельвиллю, предместью Парижа. Все высоты заняты артиллерией - еще минута, и Париж засыпан ядрами! Желать ли сего? Французы выслали офицера с переговорами, и пушки замолчали. Раненые русские офицеры проходили мимо нас и поздравляли с победой. «Слава богу! Мы увидели Париж с шпагою в руках! Мы отметили за Москву!» - повторяли солдаты, перевязывая раны свои....

На другой день поутру генерал поехал к государю в Bondy.... Переговоры кончились, и государь, король прусский, [Шварценберг](#), Барклай с многочисленною свитою поскакали в Париж. По обеим сторонам дороги стояла гвардия. «Ура» гремело со всех сторон. Чувство, с которым победители въезжали в Париж, неизъяснимо.

Наконец, мы в Париже. Теперь вообрази себе море народа на улицах. Окна, заборы, кровли, деревья бульвара,- все, все покрыто людьми обоих полов. Все машет руками, кивает головой, все в *конвульзии*, все кричит: «Vive Alexandre, vivent les Russes! Vive Guillaume, vive l'empereur d'Autriche! Vive Louis, vive le roi, vive la paix!» Кричит, нет, воет, ревет. «Montrez nous le beau, le magnanime Alexandre!» «Messieurs, le voila en habit vert avec le roi de Prusse». «Vous etes bien obligeant, mon officier», и держа меня за стремя, кричит: «Vive Alexandre, a bas le tyran!» «Ah, qu'ils sont beaux, ces Russes! Mais, monsieur, on vous prendrait pour un Francais». «Много чести, милостивый государь. Я, право, этого не стою!» «Mais c'est que vous n'avez pas d'accent», и после того: «Vive Alexandre, vivent les Russes, les heros du Nord!»

Государь среди волн народа остановился у полей Елисейских. Мимо его прошли войска в совершенном устройстве. Народ был в восхищении, а мой казак, кивая головою, говорил мне: «Ваше благородие, они с ума сошли». «Давно!» - отвечал я, помирая со смеху.

Но у меня голова закружилась от шуму. Я сошел с лошади, и народ обступил и меня, и лошадь. В числе народа были и порядочные люди, и прекрасные женщины, которые взапуски делали мне странные вопросы: отчего у меня белокурые волосы, отчего они длинны? «В Париже их носят короче. Артист Dulong вас обстрижет по моде». «И так хорошо»,- говорили женщины. «Посмотри, у него кольцо на руке. Видно, и в России носят кольца. Мундир очень прост! C'est le bon genre! Какая длинная лошадь! Степная, верно, степная, cheval du desert! Посторонитесь, господа, артиллерия! Какие длинные пушки, длиннее наших. Ah, bon Dieu, quel Calmok!» И после того: «Vive le roi, la paix! Mais avouez, mon officier, que Paris est bien beau?» . «Какие у него белые волосы!» «От снегу»,- сказал старик, пожимая плечами. Не знаю, от тепла или от снегу, подумал я, но вы, друзья мои, давно рассорились с здравым рассудком.

Заметь, что в толпе были лица ужасные, физиономии страшные, которые живо напоминают [Маратов](#) и [Дантонов](#), в лохмотьях, в больших колпаках и шляпах, и возле них прекрасные дети, прелестнейшие женщины.

Мы поворотили влево к place Vandome, где толпа час от часу становилась сильнее. На этой площади поставлен монумент *большой армии*.

Славная Троянская колонна! Я ее увидел в первый раз и в какую минуту! Народ, окружив ее со всех сторон, кричал беспрестанно: «A bas le tyran!» Один смельчак взлез наверх и надел веревку на ноги Наполеона, которого бронзовая статуя венчает столб. «Надень на шею тирану»,- кричал народ. «Зачем вы это делаете?» «Высоко залез!» - отвечали мне. «Хорошо, прекрасно! Теперь тяните вниз; мы его вдребезги разобьем, а барельефы останутся. Мы кровью их купили, кровью гренадер наших. Пусть ими любуются потомки наши!» Но в первый день не могли сломать медного Наполеона: мы поставили часового у колонны. На доске внизу я прочитал: Napolio, Imp. Aug. monumentum и проч. Суета суета! Суета, мой друг! Из рук его выпали и меч, и победа! И та самая чернь, и ветреная и неблагодарная, часто неблагодарная, накинула веревку на голову Napolio, Imp. Aug., и тот самый неистовый, который кричал несколько лет тому назад: «Задавите короля кишками попов», тот самый неистовый кричит теперь: «Русские, спасители наши, дайте нам [Бурбонов](#)! Низложите тирана! Что нам в победах? Торговлю, торговлю!»

О, чудесный народ парижский, народ, достойный сожаления и смеха! От шума у меня голова кружилась беспрестанно; что же будет в Пале-рояль, где ожидает меня обед и товарищи? Мимо французского театра пробрался я к Пале-рояль в средоточие шума, бегания, девок, новостей, роскоши, нищеты, разврата. Кто не видел Пале-рояль, тот не может иметь о нем понятия. В лучшем кофейном доме или, вернее, ресторации, у славного Very мы ели устрицы и запивали их шампанским за здоровье нашего государя, доброго царя нашего. Отдохнув немного, мы обошли лавки и кофейные дома, подземелья, шинки, жаровни каштанов и проч. Ночь меня застала посреди Пале-рояля. Теперь новые явления: нимфы радости, которых бесстыдство превышает все. Не офицеры за ними бегали, а оне за офицерами. Это продолжалось до полуночи при шуме народной толпы, при звуке рюмок в ближних кофейных домах и при звуке арф и скрипок... Все кружилось, пока

«Свет в черепке погас, и близок стал сундук».

О, [Пушкин](#), Пушкин!

...На другой день поутру увидел снова Париж или ряды улиц, покрытых бесчисленным народом, но отчета себе ни в чем отдать не могу. Необыкновенная усталость после трудов военных, о которых вы, сидни, и понятия не имеете, тому причиною. Скажу тебе, что я видел Сену с ее широкими и по большей части безобразными мостами, видел Тюльери, Триумфальные врата, Лувр, Notre-Dame и множество улиц,- и только, ибо всего-навсего я пробыл в Париже только 20 часов, из которых надобно

выгнать ночь. Я видел Париж сквозь сон или во сне. Ибо не сон ли мы видели по совести? Не во сне ли и теперь слышим, что Наполеон отказался от короны, что он бежит, и пр. и пр. и пр.? Мудрено, мудрено жить на свете, милый друг!...

Я часто, как [Фома](#) неверный, щупаю голову и спрашиваю: боже мой, я ли это? Удивляюсь часто безделке и вскоре не удивлюсь важнейшему происшествию. Еще вчера мы встретили и проводили в Париж корпус [Мармона](#) и с артиллерией, и с кавалерией, и с орлами! Все ожидают мира. Дай бог! Мы все желаем того. Выстрелы надоели, а более всего плач и жалобы несчастных жителей, которые вовсе разорены по большим дорогам.

«Остался пепел один в наследство сироте».

Завтра я отправляюсь в Париж, если получу деньги, и прибавлю несколько строк к письму. Всего более желаю увидеть театр и славного [Тальма](#), который, как говорит [Шатобриан](#), учил Наполеона, как сидеть на троне с приличною важностию императору великого народа. La grand nation! Le grand homme! Le grand siecle! . Все пустые слова, мой друг, которыми пугали нас наши гувернеры.

[А. Н. Самойлов - Н. Н. Раевскому.](#)

22 апреля 1814 г. [С.-Петербург]

...Вы, мой друг, как в сказке сказывается, зашли за тридевять земель на тридесятое царство. Куда бог вас занес? Чего прежде духом не слышать было, ныне воочию вершится; прежде езжали в Париж для того, чтобы повеселиться, а ныне пришли вы туда как победители и в то же время как благодетели ветреного французского народа. Куда девалось геройство, возвышенность духа и великий характер, который присваивали человеку, от коего вся Европа трепетала? Выходит, что Наполеон не иное что был как отважный и счастливый разбойник. Ежели судить о нем и в то же время о [Пугачеве](#), то, право, сей последний в равном с Наполеоном положении оказал больше его твердости...

[Н. С. Мордвинов - Н. О. Кутлубицкому.](#)

8 мая 1814 г. Село Столыпина

С душевным порадованием поздравляю вас с окончанием французской революции и низвержением с всемирного престола Неаполеона Буанпарте. По частным письмам уверяют нас, что ему назначен ссылкой остров Эльба. Сей остров есть железный, Италии - Нерчинск, куда опаснейшие злодеи ссылаемы были. Лицо земли напоминать ему будет зрелища, коими пресыщал он свои глаза добровольно, но теперь принужденно. Поверхность ее ржавая представляет вид запекшейся крови с гноем. Обитавшие город Ферраио (что значит железный) состояли из малого гарнизона и ссылочных убийц, зажигателей, возмутителей общего покоя и других первостепенных злодеев.

Буанапарте совращать будет глаза свои от сей печальной и страшной страны на бывшие его царства, Францию и Италию и на родину свою Корсику, кои находятся в виду Эльбы, а море, кое тщетно он старался покорить, будет содержать его в неволе. Я желал его видеть в железной клетке - теперь он прикован к железной горе, ибо Эльба-остров есть гора железная, из коей искапывают руду и которая (то есть Эльба) ничего иного не порождает. Я был на сем острове и радуюсь, что всемирный царь и всемирный враг будет на оном по достоинству первым сожителем, яко сатана первый во аде....

Н. М. Карамзин - брату.

13 июня 1814 г. Село Остафеево

...Сколько счастливых перемен в Европе! Настал другой век. Дай бог тишины и благоденствия для остальных дней наших! По крайней мере, имеем право надеяться. Пора людям быть умнее, но от них ли это зависит?

С. Г. Волконский - П. Д. Киселеву.

2 января 1815 г. Париж

...Вы сообщаете мне, что в Вене картины заступили место балов. Bravo! Это по меньшей мере утешительно. Кто-то сказал, что конгресс танцует, но не подвигается вперед, а теперь, когда стали заниматься перспективой, надо думать, что конгресс отодвинется назад...

Я часто хожу по спектаклям, в особенности по французским; там нечто замечательное в игре Гальмы и м-ль Марс, так как каждый из них является украшением своего жанра; их можно рассматривать как чудеса этого века. Салонов я не посещаю слишком часто; мнения, которые там можно встретить, так различны, что весьма затрудняешься, с чего начинать свой разговор.

Ханжество сменило безверие, скука сменила страх, а сколько болтовни, сколько сплетен! Можно подумать, что находишься в нашей очаровательной столице. Вчера я был на балу у герцога Беррийского; если бы я вам сказал, что я там веселился, я бы вам солгал. Было слишком много народу по тому помещению, в котором принимали; но зато я видел собрание большого количества красивых женщин - и наслаждение зрительное на момент заменило мне наслаждение душевное.

Я составляю здесь коллекцию из всех сочинений, которые уже созданы и которые создаются против нас и в защиту нас. Невообразимы все те басни, которые рассказывают о нас и в особенности о кампании 1812 года. Г-н Лабом, работу которого, я думаю, вы знаете, сочиняет тоже сильно по некоторым пунктам. Что касается литературных произведений, то ничего интересного не появлялось.

Театр Варьетэ создал несколько новинок, которые хотя и очень глупы, но заставляют смеяться благодаря игре и каламбурам Потье и Брюне; я люблю в

особенности первого. Господа англичане (которые, мимоходом говоря, наводнили собою Париж) являются предметом всех этих фарсов. ...

Я тебе, любезный друг, ничего не говорю про здешних г у с е и, а только скажу..., что за старые, что за глупцы! Далеко до Соловья-разбойника и его хватов. С первой верной оказией напишу тебе обстоятельно....

В этом городе находится много русских.... Зачем такую дрянь из Питера выпускают, она нас будет здесь страмить. Кстати, я забыл упомянуть среди русских самого себя; прошу верить, что я представляю тоже очень значительную фигуру.

Наши старые товарищи [Дюма](#), [Сен-При](#), [Растиньяк](#), [Рошешур](#) довольно часто навещают меня. [Ла-Гард](#) тоже здесь, но он не оставял нашей службы, и я скажу ему в похвалу, что он единственный, который носит русскую медаль 1812 года. Знак отличия, приобретенный с полным правом всяким участником русской армии в 1812 г., не может и не должен быть более пренебрегаем никем из тех, кто его получил....